

НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

2011
ЭТНО
3-4

ПАНОРАМА

В номере:

Российская идентичность
и межэтнические отношения

Мобилизация этнических
сообществ, или Россия 20 лет
спустя

Вызовы политики адаптации
и интеграции мигрантов

Культурная безопасность
российского общества
на современном этапе

Полиэтническое общество
и государство: понимание
и управление культурным
разнообразием

Веналий Амелин,
доктор исторических наук, профессор,
главный редактор журнала «Этнопанорама»

МИННАЦУ БЫТЬ? ВРЕМЯ ПОДСКАЗЫВАЕТ УТВЕРДИТЕЛЬНЫЙ ОТВЕТ

Проводя свою 10-ю «прямую линию» в прямом эфире федеральных телеканалов, В.В. Путин ответил на очередной вопрос о возрождении Министерства по делам национальностей. Он обещал подумать над этой проблемой. По его мнению, в Министерстве регионального развития «проблемы национального благополучия уходят на второй план, национального развития, взаимодействия этносов в России уходят на третий план». Такая позиция Председателя Правительства РФ ещё раз наглядно подтвердила назревшее в обществе мнение, что существующая структура не отвечает требованиям дня.

Автор этого материала десять лет назад в колонке редактора «Этнопанорамы» в статье «Миннац упразднен, но этническая политика остаётся», уже поднимал этот вопрос. Как известно, функции Миннаца после его ликвидации в 2001 году были поделены и возложены на ряд федеральных министерств и ведомств. Координацию работы по национальной проблематике тогда возложили на «министра без портфеля» в Правительстве РФ, но затем и эту должность посчитали излишней.

Статья, написанная мной 10 лет назад, заканчивалась словами: «эффективен ли будет избранный механизм координации национальной политики, покажет время». Так вот, именно время наглядно продемонстрировало, что глубоко правы были экс-министры этого ведомства — академик РАН В.А. Тишков, профессора В.А. Михайлов и Р.Г. Абдулатипов, с аргументами в руках возражавшие против ликвидации Миннаца. Новый механизм, предлагающий упрощённый подход, исходя из которого вопросами межнациональных отношений якобы можно заниматься «в свободное от основной работы время», оказался крайне неэффективным.

События, произошедшие за эти годы в национальных республиках, диаспорах, свидетельствуют о росте недовольства существующей национальной политикой. Мы становимся свидетелями всё более острых проявлений межэтнической нетерпимости, ксенофобии, даже откровенного расизма. Очевидно, что требует совершенствования и правовая база государственной национальной политики.

В 2011 году исполнилось 15 лет со дня принятия Концепции государственной политики Российской Федерации. Сегодня необходим пересмотр некоторых ее положений, внесение дополнений в ряд разделов с учетом этносоциальных процессов, произошедших в обществе. Возьмём, к примеру, этническую миграцию, по которой Россия в последние годы занимает второе место в мире (после США). Рост мигрантофобии ухудшает межэтнические отношения в стране, при этом до сих пор не выстроен алгоритм, способствующий нормальной социализации мигрантов.

Как известно, в свое время при министре РФ В.Ю. Зорине, курировавшим в Правительстве РФ эти проблемы, была создана рабочая группа по внесению корректив в Концепцию государственной национальной политики. Специалисты из регионов тогда внесли десятки предложений по её координации применительно к современной ситуации. Были предложены механизмы по урегулированию межэтнических конфликтов, ряд комплексных мер, направленных на нивелирование внешних проявлений национальной нетерпимости и различных фобий в социуме, повышение уровня толерантности. Предлагалось перейти от патерналистского подхода, сложившегося в 90-х годах, к отношениям социально-культурного

партнерства. Однако по ряду причин эта работа была приостановлена.

К сожалению, после ликвидации Министерства по делам национальностей РФ координация работы по реализации Концепции государственной национальной политики в стране оставляет желать лучшего.

Департамент по межнациональным отношениям в Минрегионе РФ в силу своего малочисленного состава просто физически не успевает выполнять объем работы, накопившийся в этой сфере.

Создание вышеупомянутой структуры поможет систематизировать и активизировать деятельность по совершенствованию Концепции. Кроме того, Министерство может выступить инициатором законопроекта «Об основах национальной политики в России», реанимировать программу «Формирование установок толерантного сознания и профилактики экстремизма». Не будет лишним вернуться и к ранее разработанной, но так и не нашедшей практического применения «Программе этнокультурного развития народов России».

Как специалист, занимающийся на практике уже более двух десятков лет проблемами этнической политики и межэтнических отношений, я убежден, что от восстановления Министерства по делам национальностей РФ выиграют и институты гражданского общества, и органы власти. Но даже не в этом суть. Министерство нужно не для удобства чиновников, каких-то структур и формирований. Его возрождение было бы, на мой взгляд, необходимым и адекватным ответом реальным вызовам времени. Ведь для России национальная политика — не просто разновидность политического процесса вообще. Это вопрос нашей способности к развитию, а подчас и национальной безопасности.

№ 3-4 (29)

Ежеквартальный научно-публицистический журнал министерства культуры, общественных и внешних связей Оренбургской области и научно-исследовательского института истории и этнографии Южного Урала Оренбургского государственного университета

Главный редактор
Веналий Амелин

Редакционная коллегия:
Ильгиза Габдулгафарова
Марина Ефименко
Лидия Панина
Наталья Смирнова
Елена Филиппова

Редакционный совет:
Рамазан Магомедов
Константин Моргунов
Леонид Футорянский
Рафиля Хисамутдинова
Галина Шешукова

Мнения, высказанные в опубликованных материалах, могут не совпадать с точкой зрения редакции. При перепечатке материалов ссылка на журнал «Этнопанорама» обязательна.

Фото
Веналия Амелина
Александра Мирзаханова
Ивана Бойко
Александра Чердинцева

Фото на обложке
Александра Мирзаханова

Адрес редакции:
г. Оренбург,
460015, Дом Советов,
комната 516.
Тел.: 8 (3532) 37-25-64,
8 (3532) 78-69-16
E-mail: avenali@mail.ru;
niural@mail.osu.ru
© «Этнопанорама», 2011

Подписано в печать 14.11.2011
Формат 62×84/8. Бум. офс., 80 г/м²
Гарнитура «Таймс». Печать офс.
Усл. печ. л. 14,42 + обл. мелов.,
цветн., лакиров., 250 г/м² (62×94),
вкл. мел., цветн., 115 г/м² (62×94).
Тираж 500 экз. Заказ № 4226.

Художественное и техническое редактирование, набор, верстка, цветоделение выполнены в Издательском центре ОГАУ

Отпечатано в ООО МП «Электа».
Зак. № 312.

СОДЕРЖАНИЕ

• МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОГО КОНГРЕССА

Е.И. Филиппова
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС В МОСКВЕ..... 2

В.А. Тишков
У МЕНЯ БЫЛА МЕЧТА..... 3

Доминик Арель, Гордон Бардос
АССОЦИАЦИЯ ПО ИЗУЧЕНИЮ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ И ЕВРОПА..... 4

Жан Радвани
ЛОГИЧНОЕ ПРОДОЛЖЕНИЕ 5

Л.М. Дробижева
РОССИЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: 20 ЛЕТ РЕФОРМ..... 6

Л.Л. Хоперская
ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ФАКТОР РЕОРГАНИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ 11

Л.И. Миссонова
ПРОСТРАНСТВО И ИДЕНТИЧНОСТЬ В ВОСПРИЯТИИ НАСЕЛЕНИЯ ОСТРОВА САХАЛИН 16

В.К. Малькова
МОБИЛИЗАЦИЯ ЭТНИЧЕСКИХ СООБЩЕСТВ, ИЛИ РОССИЯ 20 ЛЕТ СПУСТЯ..... 23

В.И. Мукомель
ВЫЗОВЫ ПОЛИТИКИ АДАПТАЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ МИГРАНТОВ..... 30

С.К. Олимова, М.А. Олимов
ТАДЖИКСКИЕ МИГРАНТЫ В ПРОСТРАНСТВЕ РОССИЙСКИХ ГОРОДОВ 36

В.В. Амелин
ИММИГРАНТЫ В ПРИГРАНИЧЬЕ РОССИИ: ИНТЕГРАЦИЯ ИЛИ ОТТОРЖЕНИЕ (пример Оренбуржья)..... 42

Майкл Рывкин
ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО И ПОСТСОВЕТСКИЕ НАЦИОНАЛЬНОСТИ 20 ЛЕТ СПУСТЯ..... 46

И.С. Савин
СОЧЕТАЕТСЯ ЛИ МУЛЬТИКУЛЬТУРНОСТЬ С МОНОСОЦИАЛЬНОСТЬЮ 48

В.В. Полещук
ЧЕРЕЗ 20 ЛЕТ ПОСЛЕ 1991 ГОДА: РЕОРГАНИЗАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА И ИДЕНТИЧНОСТИ
Идеология реституции как основа эстонской этнополитики..... 52

А.Д. Коростелев
ЭТНИЧНОСТЬ И АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ГРАНИЦЫ В СЕВЕРНОЙ БАШКИРИИ: ОБ ОДНОМ ЗАБЛУЖДЕНИИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ 58

А.В. Девятков
ПОЛИТИКА РОССИИ В ОТНОШЕНИИ ПРИДНЕСТРОВЬЯ: МЕЖДУ СУВЕРЕНИЗАЦИЕЙ И ЛЕГИТИМНОСТЬЮ..... 62

С.К. Сагнаева
МИЛИЦИЯ И ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ: ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ УЧАСТИЯ МИЛИЦИИ В КОНФЛИКТЕ (Киргизстан, Ош, 2010) 65

О.В. Кульбачевская
ПОСТСОВЕТСКИЙ МЕГАПОЛИС И КСЕНОФОБИЯ (на примере Москвы) 70

Л.В. Остапенко, И.А. Субботина
20 ЛЕТ В СУВЕРЕННОЙ МОЛДОВЕ: СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РУССКИХ 74

О.А. Смирнова, Д.М. Золина
КУЛЬТУРНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ..... 81

О.Н. Подлесных
ПЕРЕПИСНАЯ СТАТИСТИКА И ПРОБЛЕМЫ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ХАРТИИ В ПОВОЛЖЬЕ 85

С.П. Тюхтенева
ПЕРЕПИСЬ НАСЕЛЕНИЯ КАК ЗЕРКАЛО ЭТНИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ (на примере Республики Алтай) 90

Е.П. Мартынова
ОЛЕНЕВОДЫ ЯМАЛА: СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО В УСЛОВИЯХ ИНТЕНСИВНОГО ПРОМЫШЛЕННОГО ОСВОЕНИЯ РЕГИОНА..... 96

• МАТЕРИАЛЫ ЯРОСЛАВСКОГО ФОРУМА «СОВРЕМЕННОЕ ГОСУДАРСТВО В ЭПОХУ СОЦИАЛЬНОГО МНОГООБРАЗИЯ»

В.А. Тишков
ПОЛИЭТНИЧНОЕ ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО: ПОНИМАНИЕ И УПРАВЛЕНИЕ КУЛЬТУРНЫМ РАЗНООБРАЗИЕМ 101

• МАТЕРИАЛЫ СЕМИНАРА СЕТИ ЭТНОЛОГИЧЕСКОГО МОНИТОРИНГА

М.Ю. Мартынова
ЧТО ТАКОЕ МОДЕЛЬ ТРИЕСТА. ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА..... 116

Е.И. Филиппова*

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС В МОСКВЕ

29 сентября — 1 октября 2011 года в Москве состоялся Международный конгресс «20 лет спустя (1991–2011): реорганизация пространства и идентичности». Это, без преувеличения, событие в научной жизни нашей страны. Идея пригласить в Москву ведущих специалистов и молодых ученых из самых разных стран, объединенных общим интересом к трансформациям общественной жизни и сознания на обширной территории, называемой постсоветским и постсоциалистическим пространством, обсуждалась давно. Но конкретные очертания она приобрела осенью 2010 года, когда была достигнута принципиальная договоренность между Институтом этнологии и антропологии РАН, Ассоциацией по изучению национальностей (США) и Франко-российским исследовательским центром. «Этнопанорама» публикует приветствия руководителей этих трех организаций, в которых каждый из них рассказывает о своем видении этого научного форума, о связанных с ним надеждах и ожиданиях. Сегодня, когда Конгресс остался позади, можно с удовлетворением сказать, что эти ожидания вполне оправдались.

Более 700 индивидуальных и коллективных заявок было прислано в ответ на приглашение к участию в Конгрессе. Международный программный комитет отобрал из них 300. Несмотря на отсутствие финансовой поддержки, 260 докладчиков из 38 стран смогли приехать в Москву. А вместе с дискуссионными и «свободными слушателями» число участников составило 370 человек. Работа Конгресса включала два пленарных и 62 секционных заседания, организованных вокруг нескольких сквозных тем: «Идентичность, мультикультурные

и многоконфессиональные общества; компромисс или конфликт?».

«Пространства, территории и границы: территориальные споры и суверенность, автономия, федерализм».

«Между объединенной Европой и новой Россией: сближение или расхождение».

«Демография и социальные проблемы: миграция, переписи, категоризации».

«История и память о событиях XX века».

«Политические режимы и институты; права человека, права меньшинств».

«Религия, идентичность и политика».

География рассмотрения этих тем включала Кавказ и Сибирь, Центральную Азию и Восточную Европу, Балканы и Поволжье. Два рабочих языка Конгресса — русский и английский, а также близость Москвы к государствам СНГ и безвизовый режим с ними позволили расширить число участников и способствовали установлению новых научных контактов между учеными разных стран.

По решению оргкомитета по итогам Конгресса в 2012 году будет издан сборник статей на русском и английском языках, подготовленных на основе докладов. Однако, не дожидаясь его выхода в свет, редколлегия журнала «Этнопанорама» решила опубликовать некоторые русскоязычные доклады в том виде, в котором они прозвучали на Конгрессе. Это именно тексты устных выступлений, отсюда их небольшой объем и отсутствие строгого оформления. Но нам кажется важным дать возможность широкой публике познакомиться с этими материалами «по горячим следам».

* Филиппова Е.И. — д.и.н., в.н.с. Центра этнополитических исследований ИЭА РАН

В.А. Тишков*

У МЕНЯ БЫЛА МЕЧТА

У меня была мечта организовать совместно с Ассоциацией по изучению национальностей (ASN) научную конференцию в г. Москве на базе Института этнологии и антропологии Российской академии наук. За последние два десятилетия ASN выросла в мощное эпистемологическое сообщество с подлинно международным представительством и с новыми тематическими и географическими амбициями. В этой научной организации ведущие позиции занимает молодое и энергичное поколение, которое сформировалось уже после распада СССР. Тысячи студентов из новых государств получили образование в западных университетах, из них сотни стали хорошими учеными. В России также произошла смена поколений, смена теоретико-методологических парадигм и обновление научных интересов. Непримириемые двусторонние дебаты времен холодной войны сменились мозаикой мнений и более открытым научным сотрудничеством и соперничеством. Благодаря московской конференции все это может

встретиться в одном месте и в одно время. Программа конференции чрезвычайно разнообразна, а предложенные доклады — это передовая линия современного гуманитарного знания об этнокультурном разнообразии обширного региона мира, который условно я могу назвать Восточной Европой и территорией бывшего СССР.

У конференции нет никакой особой задачи, кроме задачи научного общения и обмена знаниями, и именно контактов и прямых дискуссий с коллегами из стран бывшего СССР и стран Запада не хватает российским обществоведам. Московская конференция поможет ученым из разных научных центров и регионов России высказать свое мнение об интерпретациях зарубежных коллег. Особенно это касается оценки проблем российских национальностей. Я бы лично предпочел обсудить и содержание самой категории «национальности» без призывов изменить название нашего сегодняшнего партнера — Ассоциации по изучению национальностей.

В БИБЛИОТЕКУ ИСТОРИКА, ЭТНОЛОГА, ПОЛИТОЛОГА

В.А. Тишков
ЕДИНСТВО В МНОГООБРАЗИИ:
публикации из журнала
«Этнопанорама» 1999–2011 гг.

2-е изд., перераб. и доп. — Оренбург:
 Издательский центр ОГАУ, 2011. — 232 с.

В сборник работ известного российского ученого, академика РАН, директора Института этнологии и антропологии РАН В.А. Тишкова включены статьи, ранее опубликованные в журнале «Этнопанорама» (1999–2011 гг.) по проблемам межэтнических отношений, этничности, культурного многообразия, этнологического мониторинга.

* Тишков В.А. — академик РАН, директор Института этнологии и антропологии РАН

Доминик Арель*
Гордон Бардос**

АССОЦИАЦИЯ ПО ИЗУЧЕНИЮ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ И ЕВРОПА

Ассоциация по изучению национальностей (ASN) является крупнейшей международной научной организацией, специализирующейся на исследованиях нации — этничности, национальной идентичности и нациестроительства — в бывшем Советском Союзе, Центральной Европе, на Балканах и в большом регионе, известном как Евразия, включающем такие государства, как Турция, Китай, Афганистан и многие другие территории. ASN была основана почти сорок лет назад учеными Соединенных Штатов, занимавшимися в то время малоисследованной темой национального фактора в Советском Союзе и в советском блоке. Эта область исследований с падением коммунизма и сопутствующим ему ростом национализма пережила в 1990-е гг. бурный рост и превратилась в одну из наиболее исследованных областей в истории социальных наук.

ASN строила и упрочивала свою репутацию на организации и проведении ежегодных конвенций и издании академического журнала *Nationalities Papers*. Конвенция, состоявшаяся в этом году в 17-й раз, как обычно, проходила в Институте Харримана Колумбийского университета (Нью-Йорк) и собрала более 700 ученых из 50 стран (полная информация размещена на сайте www.nationalities.org). Журнал публикуется британским издательством Taylor & Francis, одним из крупнейших академических издательств в мире, и выходит 6 раз в год, освещая новейшие результаты исследований по национализму, нередко представленные прежде в качестве докладов на Конвенции ASN.

У ASN всегда были прочные европейские связи. Более половины участников ASN ежегодно

приезжают из Европы, и еще большая их часть являются ее уроженцами. Если бы не высокая стоимость проезда, участие европейцев было бы еще выше, и потому ASN для более полноценного участия европейских ученых периодически организует европейские конференции. Московский конгресс является шестым по счету из таких европейских научных собраний, организуемых ASN в Европе с 2001 г. (после двух конференций в Париже, одной в Болонье/Форли, одной в Варшаве и одной в Белграде). Эта встреча является к тому же первой по-настоящему двуязычной (на первой конференции в Париже несколько секций были франкоязычными), поскольку половина секций в Москве будет проводиться на русском языке.

При проведении конференций в Европе партнерами ASN были организации мирового класса, и в этот раз для нее является большой честью быть принятой Институтом этнологии и антропологии Российской академии наук во главе с ее директором В.А. Тишковым. В течение многих, но в особенности двух последних, десятилетий Институт создал прочную репутацию ведущего международного центра по исследованию национальностей и сегодня является, вне всякого сомнения, ключевой организацией в Российской Федерации, если не во всех странах бывшего Советского Союза. Академик Тишков, как и другие основные организаторы конференции из этого института, а также из Франко-российского центра, являются давними участниками конвенций ASN, и мы чрезвычайно благодарны им за эту уникальную возможность проведения конгресса ASN в Москве.

* Арель Доминик — President ASN (президент ASN)

** Бардос Гордон — ASN Executive director (исполнительный директор ASN)

Жан Радвани*

ЛОГИЧНОЕ ПРОДОЛЖЕНИЕ

Начиная с 1996 г., Ассоциация по изучению национальностей (ASN) каждый год организует в Нью-Йорке встречу, в которой участвуют лучшие специалисты, изучающие евразийское пространство, от расширяющейся Европы до постсоветского региона, переживающего сегодня период трансформаций. С 2001 г. каждые два года конференции ASN проходят в Европе. Две сессии состоялись в Париже, одна — в Варшаве. Само собой, в 2011 г., через 20 лет после распада СССР, последствия которого все еще ощущаются на всем «старом» континенте, возникла мысль провести эту конференцию в Москве.

Это место идеально подходит для того, чтобы обсудить все аспекты процесса, который мы назвали «Реорганизацией пространства и идентичности». После двух конференций в Париже, прошедших под эгидой Сьянс По (в 2001 г. — «Гражданство и Национальность», в 2008 г. — «Империи и Нации»), мы решили обратиться к понятию пространства в его связи с конструированием идентичности как на индивидуальном уровне, так и на уровне социальных групп и целых государств.

Наша конференция организована совместно Институтом этнологии и антропологии РАН, РГГУ, Центром франко-российских исследований в Москве и ASN. Выбор Москвы, столицы России,

как места, где пройдет встреча, и координация международных усилий позволили нам надеяться, что, помимо исследователей, традиционно участвующих в конференциях ASN, мы привлечем новых докладчиков из университетских центров России и государств СНГ. Именно столкновение подходов исследователей, представляющих разные дисциплины и разные страны, с их различным опытом и методами, позволит нам глубже понять последствия столь значимого события, как распад СССР в 1991 г., и предшествовавших ему поворотных пунктов, таких, как падение Берлинской стены.

Вопреки распространенному на Западе представлению, Москва — это город, где идут открытые, часто горячие, дискуссии высокого научного уровня, подтверждающие, что большинство табу предыдущей эпохи, к счастью, уже сняты. Предыдущие конференции ASN, организованные в Париже, оказались очень плодотворными, а потому мы решили, при поддержке Посольства Франции в Москве, пригласить выступить на пленарном заседании нескольких видных французских ученых. Надеемся, что и на этот раз совместное обсуждение волнующих нас всех проблем будет способствовать более глубокому взаимопониманию. В этом смысл наших коллективных усилий.

В БИБЛИОТЕКУ ИСТОРИКА, ЭТНОЛОГА, ПОЛИТОЛОГА

АНТРОПОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН:

сборник ст. / отв. ред. Э. Гучинова,
Г. Комарова. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССИИ), 2011. —
758 с.: ил.

Издание представляет собой сборник научных статей ведущих отечественных и зарубежных специалистов в области социально-культурной антропологии. Книга посвящена 70-летию со дня рождения академика РАН В.А. Тишкова. В ней представлены актуальные направления: городская антропология, музееведение, антропология профессии, в том числе академического сообщества, автоэтнография, научная эссеистика, а также дискуссии по вопросам теории и методов в изучении этничности и этнической идентичности.

* Радвани Жан — директор Центра франко-российских исследований в Москве CEFR

Л.М. Дробижева*

РОССИЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: 20 ЛЕТ РЕФОРМ

Российские граждане живут в государстве, образ которого для большинства из них 20 лет назад был совершенно иным. Изменились не только его пространственные очертания «с южных гор, до северных морей», но и система отношений, этнический состав населения, государственное устройство. И поскольку эти изменения совпадали с экономическими трудностями, потерей уверенности в жизни, то невзгоды, даже в одной какой-то сфере соединялись в представлении людей с другими и вызвали у многих неизбывную тоску по прошлому: «как хорошо мы плохо жили». Не случайно, когда у респондентов спрашивают, как они относятся к тому, что «в 1991 г. СССР прекратил свое существование», и в 2001 г., и сейчас в 2011 г. 14% отвечают, что это «катастрофа мирового значения», более трети (44% в 2001 г. и 36% в 2011 г.) — что «это беда для многих людей, живущих в республиках бывшего СССР», а 30% видят в этом «и хорошие, и плохие стороны». Доклад посвящен изменениям в гражданской и этнической идентичностях русских и других национальностей РФ и межэтническим отношениям за 20 лет. Методологически исследование выполнено в концепции конструктивизма с использованием феноменологического подхода.¹

В первые годы новой России немало людей вообще ещё чувствовали себя «гражданами СССР». В 1992 г. 71% опрошенных идентифицировали себя как граждан России². Теперь, двадцать лет спустя, определяя свою идентичность, 95% опрошенных в стране идентифицировали себя как «граждан России», при этом 72% ощущают свою общность с гражданами России «в значительной степени». Судя по результатам опросов, это наиболее сильная, уверенная идентичность среди других наиболее значимых идентичностей (рис. 1).

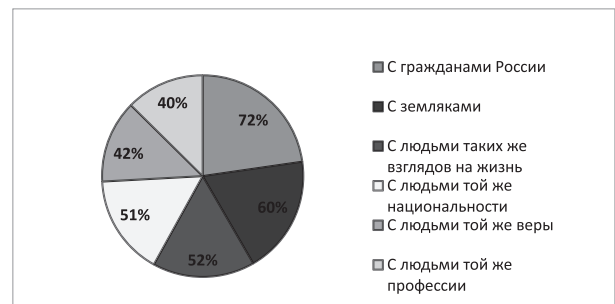

Рис. 1 — С кем люди ощущают связь в значительной степени

Российская идентичность исторически быстро формирующаяся. Ещё по опросам 2004 г. она по масштабам интенсивности очевидно уступала и этнической идентичности, и общности людей по взглядам на жизнь, и профессиональной и локальной идентичностям. Тогда россиянами называли себя 78% опрошенных, а сильную связь (часто чувствовали себя россиянами) ощущал 31% (рис. 2).

Рис. 2 — Изменения значимости российской идентичности. С кем и в какой степени респонденты испытывали чувство общности в 2004 г. и в 2011 г. (в %)

* Дробижева Л.М. — д.и.н., профессор Центра исследования межнациональных отношений Института социологии РАН, профессор РГГУ

К 2011 г. российская идентичность стала не только самой распространенной среди наиболее значимых идентичностей, но и ощущение связи с ней стало наиболее высоким.

В сравнение не включены семейные связи, которые, по всем исследованиям, бывают самыми сильными.

Если в 2004 г. идентификация со страной, хоть и не столь значительно, но все же очевидно уступала идентификации людей по профессии, общности по взглядам на жизнь и по национальности, то в 2011 г., по результатам проведенного исследования, российская идентичность первенствовала. И это зафиксировано не только долей респондентов, подтвердивших свою идентификацию со страной, но и тем, что ощущение «сильной связи» с ней выросло вдвое. Восстановилась связь времен. В советское время не много людей могли сказать, что они ассоциируют себя с РСФСР, и это, кстати, отличало их от жителей других союзных республик. В новой российской идентичности присутствует и досоветский пласт представлений.

Если сравнивать с государствами Западной Европы, то по силе связи со страной россияне близки теперь к жителям Великобритании, ФРГ³.

Естественно наибольший интерес вызывает сравнение российской идентичности с этнической, региональной, локальной, поскольку она отражает процессы интеграции в стране. Идентификация по национальности до самого последнего времени была не просто конкурирующей, но преобладающей у людей в сравнении с государственной.

И вот к концу двадцатилетия российская идентичность в целом по стране (во всяком случае, в районах с доминирующим русским населением) стала немного преобладать, 90% населения по-прежнему сохраняли идентичность по национальности и по месту жительства. Однако сильную связь, как видно из рисунка 2, по национальному и локальному признакам чувствуют 50–60%, а с российскими гражданами — 72%.

Респондентам задавался уточняющий вопрос «Кем вы себя чувствуете в большей мере?» 25% ощущают себя в равной мере и теми и другими, но большая часть ответивших (47%) считала себя «скорее россиянами». При этом среди русских называло себя и «скорее россиянами» чуть больше, чем среди людей других национальностей (48 против 39%).

Таким образом, ответы на этот уточняющий вопрос подтвердили установленную тенденцию.

Каких-то заметных возрастных различий в идентификации себя как россиян по этническому признаку нет. Немного больше идентифицирующих себя с людьми своей национальности среди самого старшего поколения — 93 против 87% среди молодежи 18–25 лет, что, скорее всего, связано с пережитыми ими национальными движениями в республиках СССР, расколом Союза и, возможно,

реакцией на приток инокультурных мигрантов. Это подтверждается тем, что при альтернативном выборе среди них людей «скорее чувствующих себя россиянами» тоже оказалось чуть больше (53 против 44% среди 18–25-летних).

При таких высоких показателях распространенности и российской, и этнической идентичности теряет остроту вопрос их конкурентности и подтверждается их совместимость. Заметим, что половина опрошенных и со своим народом (в этнокультурном значении), и с российским сообществом ощущает сильную связь. Кстати, то же касается и локальной идентичности, которая, судя по опросам, оказалась практически столь же распространенной и сильной.

Казалось бы, эти данные свидетельствуют о высокой интегрированности общества и надуманности темы о сепаратизме и разобщенности населения страны. И в чем-то это действительно так. Но важны основания интегрированности. Ведь мы знаем о высокой социальной дифференцированности и политической разобщенности. Но очевидно, все же есть ценности и потребности людей, которые становятся цементирующими в обществе. Сама страна, где ты родился и жил, Родина — ценность для большинства людей. Представление о ней обычно эмоционально окрашено и составляет тот компонент идентичности, который именуется патриотизмом. «Что для Вас значит быть патриотом России?» — спрашивали в ходе опросов респондентов. Во всех поколениях мы получили согласованные ответы: «Любить свою страну — 95–99%, стремиться улучшить жизнь в стране — 92–97%, гордиться своей страной» — 91–97%. Патриотизм этот, конечно, не всегда критичный. С тем, что патриот должен «говорить о стране правду, какой бы она ни была», пятая часть опрошенных не согласилась, и треть была согласна с тем, что надо «не говорить, что у твоей страны есть недостатки».

Есть и другой, подтвержденный опросом, неблагоприятный симптом — солидаризация в немалой мере основана на обидах. Свыше 60–62% респондентов присоединилось к мнению: «Люди моей национальности многое потеряли за последние 15–20 лет». Среди русских это мнение разделяют больше, чем среди других национальностей — 64 против 44% соответственно. Сплачивает обида за выход из Союза народов бывших союзных республик, за национальные движения, в ходе которых русских обвиняли в имперской политике, наконец, обида за критику пережитого прошлого, которое совсем недавно представлялось светлым будущим.

Отсюда такая чувствительность к тому месту, которое должно занимать большинство в полиэтническом пространстве страны. С одной стороны, у старшего поколения еще живут прежние представления о нормах в стране, где каждый человек «надежный товарищ и друг», у части среднего и

младшего — о гуманных ценностях толерантности, которые декларирует демократия, а с другой стороны, обиды за потерю статуса старшего брата, сына великого народа.

За двадцать лет эти обиды не ушли из сознания людей. Они получили дополнительную подпитку за счет тех чувств, которые переживают и другие народы в Европе, в тех странах, в которых имел место значительный и быстрый приток инокультурного населения. Россия в эти годы стала третьей страной в мире после США, ФРГ по притоку иммигрантов. И происходило это на фоне существенно изменившегося этнического состава. В СССР русские составляли 51%, теперь — 80%. К тому же мы переживаем последствия чеченского кризиса (на восстановление республики затрачиваются миллиарды рублей, а в ответ проходят митинги «Хватит кормить Кавказ»).

В условиях, когда к объективно имеющемуся положению в стране политиками-популистами добавлялась политизация этнического фактора, представление людей о многонациональности как исторической данности нашей страны менялось. «То, что в России живут люди разных национальностей, это скорее преимущество для развития страны или скорее проблема?» — спрашивали респондентов. Однозначно считали преимуществом 16%. Позиция «и то, и другое» была самая распространенная и набрала 41%, а 28% полагают, что «скорее проблема». И русские, и несколько чаще представители других национальностей придерживаются такого мнения (29 и 21% соответственно).

Отсюда, за двадцать истекших лет не потеряло болезненности обсуждение вопроса, насколько Россия — общий дом для живущих в ней национальностей. Из таблицы 1 видно, как распределялись мнения по этому вопросу с 1995 года.

То, что государство общий дом для российских народов, и все они должны обладать равными правами, никто не должен иметь никаких преимуществ остается наиболее распространенным, но оно с каждым годом становилось все менее поддерживаемым. В 90-е гг. это мнение было мнением очевидного большинства (64–65%), а в 2000-е г. оно становилось все менее и менее поддерживаемым: с 61 до 47% в 2011 г.

Зато доля людей, которые полагали, что «Россия многонациональная страна, но русские, составляя большинство, должны иметь больше прав», выросла вдвое (с 14 до 31%), а вместе с теми, кто считает, что «Россия должна быть государством русских людей», они составляли 45% (25% в 1995 г.).

Среди русских этот раскол во мнениях был еще очевиднее: первое мнение разделяли 44%, а второе и третье — 49%. Причем молодежь мнение об общем доме с равными правами разделялось заметно реже: в возрасте 18–25 лет — 37%, а о доме с большими правами русских и государстве русских — 55%.

Все это говорит о том, что самосознание русских актуализировано. 79% разделяет мнение, что «в наше время человеку нужно ощущать себя частью своей национальности», а 82% отнесли себя к тем, кто «никогда не забывает о своей национальности».

Предыдущие исследования 90-х гг. даже в республиках, где русские более тесно контактируют с людьми других национальностей, не фиксировали таких высоких показателей потребности в аффилиации. Правда, мнение это скорее солидаризирующее, чем отражающее реальную практику, поскольку одновременно 47% отвечают, что «редко задумываются о том, кто я по национальности».

Солидаризация связана с политизацией этничности, в том числе с обсуждением в стране вопросов, как должно строиться наше государство.

Таблица 1 — Мнения респондентов о том, насколько государство общий дом для народов России

С каким из приведенных ниже высказываний Вы согласны (выберите один ответ)

Варианты ответа	1995	1998	2001	2004	2006	2007	2011
1. Россия должна быть государством русских людей	11	11	12	17	19	16	14
2. Россия — многонациональная страна, но русские, составляя большинство, должны иметь больше прав, ибо на них лежит основная ответственность за судьбу народа в целом	14	20	20	24	31	31	31
3. Россия — общий дом для многих народов, оказывающих друг на друга свое влияние. Все народы России должны обладать равными правами, и никто не должен иметь никаких преимуществ	65	64	61	54	50	48	47
4. Затруднились ответить	10	5	8	6	0	6	8

Мы тоже интересовались мнением наших граждан относительно государственного устройства и политики, связанной с многонациональностью страны.

Что касается государственного устройства, то большинство наших граждан не имеет устойчивого мнения на этот счет. 42% полагают, что «необходимо упразднить деление России на республики». Практически это мнение в основном русских, т.к. среди представителей других народов это мнение разделяют 27%, и среди них представлено по условиям выборки мало национальностей, живущих в самих республиках. Однако ещё важнее то, что 73% разделяют и альтернативное мнение: «Было бы лучше, если бы народы республик сохраняли свою самостоятельность внутри страны, автономию», причем полностью уверенных во втором мнении больше: 24 против 13%. А среди нерусских мнение о сохранении автономии разделяют 79%. Да и среди русских 43% за упразднение республик, но 56% не согласны с таким решением.

Таким образом, очевидно, что русские колеблются во мнениях о сохранении того типа государственного устройства, который у нас исторически сложился, а представители других национальностей, тем более живущих в республиках, в большинстве против.

В настроениях тех, кто за упразднение республик, скорее всего больше обиды и усталости от необходимости что-то предпринимать в связи с многонациональностью страны. Об этом свидетельствует согласие большинства (64%) с мнением «...лучше, если народы, которые не хотят мирно жить вместе, имели бы право выхода из России». Поддержка такого мнения не просто проявление либерализма. Судя по данным, вряд ли кто-то хочет распада страны, но террористические акты на Северном Кавказе и в Центре страны не только пугают, но и вызывают озлобленность, готовность к радикальным решениям.

Ставшая массовой, уверенной и достаточно сильной российская идентичность, цементирующая российскую политическую нацию, безусловно важный итог двадцатилетия, но идентичность эта хранит в себе болезненный опыт перемен и негативизм фобий и переживаний.

После декабрьских событий (2010 г.) тревогу за сохранение межнационального согласия выражали и общественность, и власть. На заседании Госсовета Президент РФ заявил, что без гражданского мира, межнационального, межконфессионального согласия в нашей стране «невозможно само развитие государства», «не может быть никакого будущего ни у нас, ни у наших детей»⁴.

Данные проведенного исследования тоже рисуют тревожную картину. Половина респондентов фиксировала, что в их местности бывают столкновения на почве национальной неприязни, и 68% откровенно признались, что «испытывают раздражение или неприязнь по отношению к представителям

каких-то национальностей». Известно, что у нас «в образе врага» чаще всего последнее время были «кавказцы», однако в исследованиях было доказано, что если у человека есть предубеждения к лицам какой-то одной национальности, то в другой ситуации они будут проявляться и к другим. Наиболее сильно такая неприязнь на этнической почве связана с тем, что люди иной культуры ведут себя «как хозяева на этой земле» — 63%. Другой аргумент неприязни — различия «в поведении людей, их образе жизни» — 39%, и только у 1/5 респондентов есть ощущения конкуренции в стремлении за престижные рабочие места. Это вполне понятно, т.к. большинство инокультурных мигрантов берутся за работу, на которую местное население не претендует.

За двадцать лет не изменилась к лучшему готовность к общению с людьми иной национальности (табл. 2).

Таблица 2 — Отношение к межнациональному общению (в % к опрошенным)

Влияет ли национальность человека на Ваше отношение к нему?	1994	2001	2011
Влияет при выборе круга друзей	22	24	29
Влияет при выборе места жительства	43	36	40
Влияет при вступлении в брак	39	35	47

Как видим по данным, драматизировать межэтнические отношения не стоит (и в этом Д. Медведев был прав в оценке на Президиуме Госсовета). Это вроде бы подтверждается и другими исследовательскими центрами — доля предубежденных в отношении основных по массовости видов межэтнического общения в целом колеблется уже несколько лет в районе 30% (данные Левада-Центра). Вполне согласованные ответы мы получили в ходе исследования. 89% русских и столько же среди других национальностей считают, что «насилие в межнациональных и межрелигиозных спорах недопустимо», но 44% одновременно считают, что «насилие допустимо, если нарушается справедливость в отношении моего народа», и 41% согласились с тем, что «все средства хороши для защиты интересов моего народа». Причем среди русских таких настроений не меньше, чем среди других национальностей (43 и 34% соответственно).

Это новая ситуация 2000-х годов. В 90-е гг. подобные настроения намного чаще встречались именно у нерусских. Эти ответы русских вполне согласуются с актуализацией у них этнонационального самосознания, о чем говорилось выше.

Такие настроения русских в значительной мере связаны с быстрым притоком инокультурных мигрантов. В этом русские не отличаются от граждан других европейских стран, оказавшихся в такой же ситуации. Зная о действиях правительства Саркози в отношении цыган, мы спросили наших граждан об их отношении к принудительному выселению людей тех национальностей вокруг сформировавшегося «образа врага» (рис. 3).

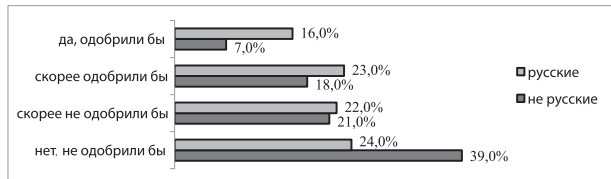

Рис. 3 — Одобрили ли бы Вы или не одобрили принудительное выселение представителей каких-то национальностей из Вашего города (села)?

Тех, кто не одобрил бы принудительное выселение, больше, чем одобряющих, — 46 против 39%. Но, как видим, сторонников силовых действий достаточно много и, что особенно тревожно, — их больше среди молодежи. Среди тех,

кому 18–25 лет, — 47%, среди тех, кому 50–60 лет и старше, — 36–37%.

С чем связаны такие настроения? Сказать, что эта достаточно большая группа молодежи убежденные ксенофобы, нельзя. Ведь 85% молодежи в этом возрасте считают недопустимым насилие в межнациональных спорах. Совмещенные негативные межэтнические установки имеют около 15%. А вот ощущение потерь за последние 15–20 лет, то есть практически за свою ещё недолгую сознательную жизнь, среди них даже больше, чем у людей среднего возраста. Скорее, конечно, за ощущением потерь кроется их недовольство той практикой нынешней жизни, с которой они сталкиваются, более остро реагируя и на коррумпированность, и на социальную несправедливость. Комплекс социальных обид и неудовлетворенностей принимает форму этнонациональных обид, ущемления этнических чувств. И события на Манежной площади 11 декабря 2010 г. это очевидно показали⁵.

Растущая российская идентичность, совмещенная с этнической идентичностью, интегрирует людей, но и заставляет задуматься о справедливости существующей системы распределения ресурсов, солидаризирует против несправедливостей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В докладе использованы данные, полученные в результате социологического исследования «20 лет реформ глазами россиян», осуществленного при поддержке Фонда Эберта (рук. проекта М.К. Горшков). Исследование проведено в 58 поселениях, опрошено 1750 респондентов от 18 лет и старше. Автор реализовывала раздел исследования, посвященный идентичностям и межэтническим отношениям русских и других национальностей РФ.

² Исследования под руководством В.А. Ядова, использованные для сравнения в кн. «Российская идентичность в условиях трансформаций» / отв. ред. М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова. М. 2005. С. 82.

³ За сравнение взяты данные ISSP 2003 г., где связь фиксируется через ответ на вопрос, ощущает ли респондент связь со своей страной «очень сильно»,

«довольно сильно», «не очень сильно», «совершенно не чувствую связи». Нами объединены два первых ответа. Наши сравнения не корректны с точностью до процента, но схватывают тенденцию.

⁴ Выступление Д. Медведева на совместном заседании Госсовета и Комиссии по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политики, 28.12.2010 г.

⁵ Начавшееся по заказу Общественной палаты специальное исследование среди молодежи 15–30 лет подтвердило: 78% считают выступления на Манежной площади не националистическими, а акцией протеста против коррупции. Так считали и русские, и представители других национальностей, а «кавказцы лучше приспосабливаются к коррумпированности власти (66%)».

Л.Л. Хоперская*

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ФАКТОР РЕОРГАНИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Этническая идентичность существует на индивидуальном и групповом уровнях, но на групповом уровне она находит свое выражение в различных институциональных формах. В постсоветский период возникла проблема взаимодействия институционализированной этнической идентичности с другими социальными, включая политические, институтами, в частности, с институтом государства. Особенно остро эта проблема проявилась на Северном Кавказе, где результатом такого взаимодействия стала реорганизация политического пространства, выразившаяся в изменении конституционно-административного устройства региона, принятии нормативно-правовых актов, регулирующих взаимодействие государства с этническими группами, возникновении новых управленческих структур и политических акторов.

Процесс «пересечения» этнической и государственной идентичностей, «наложения» этнических и политических институтов принято называть политизацией этничности и этнизацией политики, в результате чего формируется особый тип этнической идентичности — этнополитическая идентичность. Чтобы выявить специфику этнополитической идентичности, следует сказать, что этническая идентичность может быть проанализирована с точки зрения её структуры по разным основаниям: во-первых, по уровню функционирования — личностному и групповому; во-вторых, по темпоральному восприятию — синхронному и диахронному; в-третьих, по соотношению когнитивных (знание истории, традиций, языка), эмоциональных (переживание своей принадлежности к группе) и ценностных компонентов (оценка статуса этнической группы в обществе).

Если на личностном уровне этническая идентичность включает в себя осознание принадлежности к своему народу, осознание его интересов, знания о культуре, языке, территории, то содер-

жанием групповой этнополитической идентичности выступают образы собственной и других этнических групп в политической сфере. На личностном уровне важно актуальное общение («здесь и сейчас») и прагматическое поведение, а на групповом — пафосное обращение к предкам и потомкам и провозглашение лозунгов об обретении достойного и справедливого статуса этнической группы в обществе с целью мобилизации членов этнической группы на достижение цели.

Для этнополитической идентичности приоритетным является политико-правовой статус, в зависимости от которого она может характеризоваться как титульная, субъектообразующая, государствообразующая, диаспорная, старожильческая, мигрантская, этноконфессиональная. Более того, в этнополитической идентичности отдельных групп могут сочетаться синхронный и диахронный компоненты. Например, балкарцы, ингуши, карачаевцы и чеченцы одновременно осознают себя титульными и репрессированными народами, а казачество выступает защитником государствообразующего (русского) народа и в то же время определяет себя репрессированной этнической группой, отделенной от русского народа. Русские в республиках Северного Кавказа сочетают идентичность государствообразующего народа и этнического меньшинства. Диаспорная идентичность может накладываться на мигрантскую (чеченцы в «русских» субъектах) или старожильческую (армяне в Ростовской области).

Но главной функцией этнополитической идентичности является конструирование идеалов и образа будущего, фиксируемых этнополитической концепцией, которая в той или иной степени разделяется подавляющим большинством членов данной этнической группы. Общее знание, общие переживания и общие цели, зафиксированные в этнополитических концепциях, связывают чле-

* Хоперская Л.Л. — профессор Киргизско-российского славянского университета

нов группы и служат основой для ее отличия от других этнических групп в сфере этнополитики.

Результатом воплощения этнополитических концепций является изменение конфигурации власти и реорганизация политического пространства, что можно увидеть на примере Северного Кавказа. Этот регион отличается постоянной динамикой состава акторов политических процессов и структуры политического пространства. Так, появляются новые этнические объединения, другие теряют былой авторитет, изменяется их юридический статус, заключаются долгосрочные или ситуативные союзы, создаются и упраздняются подразделения органов власти (например, институт полпредства Президента РФ; федеральное и республиканские министерства национальной политики и т.п.).

Но при всем динамизме и изменчивости состава этнополитических акторов основные этнополитические концепции не меняют своей сути и содержат принципиально разные ответы на вопросы, не утрачивающие для Северного Кавказа актуальности на протяжении всего постсоветского периода. В первую очередь, к ним относятся вопросы:

- Что такое национальное (этническое) возрождение и самоопределение, в каких формах они должны осуществляться?

- Как должны относиться к России кавказские народы — завоевателю, врагу, сильному соседу, другу, своему государству и т.д.?

- Что такое и как возможен мир на Кавказе?

- Какова природа Российской Федерации, как должны строиться отношения федерального центра и её субъектов?

- На каких принципах должно осуществляться реформирование государственного устройства России, включая муниципальный уровень?

- Какие границы являются справедливыми? Кем и как должны разрешаться территориальные споры?

- Как обеспечить этническое представительство в органах власти?

- Как определить объем прав основного (старожильческого, коренного) населения и мигрантов (диаспор)?

- Как должны строиться отношения кавказского и русского населения в «титულных» республиках и «русских» субъектах?

- Что необходимо сделать для восстановления исторической справедливости по отношению к репрессированным (включая казачество), депортированным, разделенным народам, народам, пострадавшим в результате Кавказской войны XIX в.?

Ответы на эти вопросы и формируют различные проекты «политического будущего» этнических групп Северного Кавказа, называемых в регионе проектами «этнического возрождения». Краткий анализ позволяет выделить их общие параметры.

В первую очередь, к ним относится проблема самоопределения, которая рассматривается в двух измерениях — самоопределение по отношению к Российской Федерации (здесь возможны два варианта — пророссийский и сепаратистский) и самоопределение по отношению к «своим» субъектам (сохранение статус-кво, раздел или внутренняя федерализация субъекта, образование новых субъектов с новым этническим составом). В постсоветский период предлагались проекты отделения от России (Чечня), суверенизации (Ингушетия, Адыгея), раздела или федерализации республик (Дагестан, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия) по этническому принципу. В 1991 г. произошло фактическое разделение Чечено-Ингушетии, а в 1992 г. была образована Республика Ингушетия в составе РФ.

В Дагестане активно обсуждались идеи создания Аварстана, Кумыкстана, Лезгистана и других «станов», о выходе из республики заявляло терское казачество, подчеркивающее свой статус отдельного (от русского) народа. Межрегиональная ногайская общественная организация «Бирлик» поставила своей целью добиться для ногайцев автономии.

Съезд осетинского народа, а вслед за ним и Верховный Совет Северной Осетии приняли постановления о социально-экономической и культурной (в перспективе — и политической) интеграции Северной и Южной Осетии.

Терское, донское и кубанское казачество на основе признания казачества особым этносом выдвигало проекты создания казачьих республик в составе России, причем рассматривались различные варианты (отдельные республики — Донская, Кубанская, Зеленчукско-Урупская и т.д. или Союз казачьих республик Юга России с правами республики — субъекта РФ).

Наибольшей остроты противоречия, связанные с проектом этнического возрождения, достигли в Карачаево-Черкесии. В их основании лежало требование признания за пятью этносами статуса «субъектообразующих». Если карачаевское, черкесское и казачье движения, апеллируя к тому, что их народы имели ранее собственные формы государственности, стремились к их восстановлению, то абазинское и ногайское движения ратовали за создание национальных районов.

Сегодня активно обсуждается новый проект государственного переустройства КБР, Адыгеи и Карачаево-Черкесии, выдвинутый черкесскими общественными движениями в 2008 г. Межрегиональная общественная организация ногайского народа «Бирлик» в марте 2008 г. приняла декларацию о создании Ногайского автономного округа в составе Российской Федерации. Несколькими годами ранее в Декларации съезда Донских казаков Всевеликого войска Донского (2002 г.) было заявлено о том, что казачество не признает передел территории области Войска Донского и

всеми доступными средствами и способами будет добиваться восстановления территориальной целостности Всевеликого Войска Донского.

Элементом проектов этнического возрождения выступает правовой статус этнической группы, который фиксировался в республиканских конституциях. Употребление таких терминов как «коренной народ», «национальное меньшинство» (Дагестан), «народы, образующие республику» (КЧР) и «исторически сложившиеся общности людей, проживающих на территории республики» (РА) не оставляло сомнений в общепризнанности и обыденности использования понятия «этнос как субъект права», т.е. в существовании этнической идентичности в политической форме.

Правовой статус этносов проявлялся также и через введение в конституциях республик норм представительства этносов в высших органах власти (пропорционального или паритетного). Например, принцип паритета адыгского и русскоязычного населения в исполнительных и представительных органах власти республики был заложен в Конституции Адыгеи, в Конституции Дагестана — нормы паритетного представительства коренных народов Дагестана в Госсовете, квотного представительства в Народном Собрании. На протяжении нескольких лет (до 2003 г.) функционировал двухпалатный парламент с паритетным представительством «коренных» национальностей в одной из палат в Кабардино-Балкарии. Казачество, неоднократно заявлявшее о том, что оно является самостоятельной этнической группой, выдвигало требования «участвовать в формировании органов государственной власти и управления».

К 2000 г. в конституциях северокавказских республик был закреплён их статус в качестве суверенных государств, образованных в результате реализации права на самоопределение проживающих в них народов; население Северного Кавказа однозначно воспринимало свои республики как этнические государственные образования, а при формировании республиканских и местных органов власти в той или иной форме сохранялся принцип этнического представительства в высших законодательных и исполнительных органах власти, а также при избрании главы субъекта федерации.

Нельзя не сказать, что политико-правовой статус этнических групп в проектах этнического возрождения тесно увязан с правом собственности на «свою» землю, а различные реформы оцениваются в качестве угрозы ее потери.

Проблема собственности на землю стала одним из основных пунктов программ возрождения казачества. В начале 90-х гг. кубанские и донские казаки заявили о недопустимости продажи земли и необходимости введения общинного землепользования на территориях бывших казачьих войск, а властным структурам пришлось считаться с требованиями казачества о введении казачьего самоуправления и особого порядка землепользования

и землевладения. В результате на федеральном и субъектном уровнях была создана законодательная база по наделению казачьих обществ землей для восстановления традиционного казачьего землепользования и землевладения. Такое решение проблемы собственности на землю подвигло казачество на предъявление требований реституции.

Заметным компонентом проектов этнического возрождения является лозунг этнической консолидации, интерпретируемой в разных контекстах. Прежде всего, консолидация расценивается как один из механизмов сохранения языка и исторической памяти. В июле 2009 г. в столице Кабардино-Балкарии Нальчике на монументе «Навеки с Россией» были наклеены листовки, где, в частности, говорилось: «Во время переписи 2010 года, которая будет проводиться на русском языке, призываем вас, братья и сестры, указывать переписчикам свою национальность как «черкес» и «черкешенка». На родном языке представители всех трех этнических групп призывают обозначать себя как «адыгэ».

Также консолидация рассматривается в контексте выживания этноса и сохранения его традиционной структуры. Президент Ингушетии в 2002 г. выступил с инициативой создания при Парламенте республики Совета старейшин тейпов, связав, таким образом, этническое возрождение с ретрадиционализацией. В сентябре 2008 г. в Ингушетии представители 23 наиболее крупных родов республики объединились в ингушское общественное движение (ИОД) «Народное Собрание Ингушетии», которое является «альтернативным по отношению к некоторым официальным органам местных властей парламентом».

Консолидация разделенных границами этнических групп входит в проекты этнического возрождения, выдвигаемые многими общественными объединениями. В Уставе Конгресса карачаевского народа приоритетной задачей названа «консолидация карачаевской нации, разобщенной пребыванием частями в регионах РФ и зарубежных странах» (2005 г.). Целью ногайской организации «Бирлик» является «объединение ногайского народа в рамках если не территориальной, то хотя бы культурной автономии» (2009 г.).

Проекты этнического возрождения, в которых особый акцент делается на этническую консолидацию, часто имеют внешнеполитические аспекты. Президент Южной Осетии Э.Кокойты в 2009 г. заявил: «Я не делю Осетию на Север и Юг. Мы должны помнить о том, что великая Алания не распалась и не погибла бы, если бы народ Алании был един в своих делах и помыслах. Сегодня мы собрались и демонстрируем единение нашего народа».

Радикальным вариантом «этнического возрождения» выступает сепаратистский проект, в реализации которого отчетливо выделяются два этапа: этнического сепаратизма и исламского

сепаратизма, но при этом сама долгосрочная стратегия вовлечения в конфликт с федеральной властью максимального числа участников и «отрыв» всего Северного Кавказа от России остается неизменной.

Идеологическое воздействие сепаратистов на массовое сознание населения Северного Кавказа строится на следующих принципах:

- идеализация прошлого и одновременно полностью негативная оценка всего российского и советского опыта межэтнических отношений;
- абсолютизация этнических различий, обоснование права этноса на собственную государственность;
- гипертрофированное понимание роли этничности, примордиализм и пропаганда этнического превосходства.

Современные сепаратисты выступают не за этническую независимость (хотя и сохраняют в названиях своих подразделений этнические названия), а за построение независимого исламского государства. Появились и новые идеологические обоснования сепаратизма: «не существует для мусульман никаких перспектив объединения в любые «надэтнические» нации — будь то «общекавказская», «общероссийская» или какая-либо иная, кроме как на базе общеисламской идентичности в единую Исламскую нацию».

Для реализации стратегии джихада и «восстановления единого Кавказского государства» созданы Кавказский и Дагестанский фронты (КБР, С. Осетия, Дагестан, Ингушетия); ДДК (Движение за деколонизацию Кавказа), Джамаат Осетинских моджахедов «Катаиб аль Хоул».

При анализе проектов и практики реорганизации политического пространства на Северном Кавказе принципиально важно рассмотреть позиции федеральной и республиканских властей.

Приняв Декларацию о суверенитете Российской Федерации, федеральная власть выступила с концепцией федерализма, при этом последний понимался как территориально-организационная структура государства, иными словами, как форма государственного устройства, при которой государство образуют территориальные единицы — субъекты Федерации. Содержательно концепция федеральной власти представляла собою набор принципов взаимодействия центра с субъектами Федерации, этническая специфика которых во внимание не принималась. Федеральные политики в большинстве случаев, говоря о субъектах Федерации, имели в виду так называемые «территории», в то время как главы северокавказских республик настоятельно подчеркивали, что являются главами национально-государственных образований и, даже более того, республик (государств), образовавших новую Российскую Федерацию.

Особенно ярко проблемы, связанные с различиями в понимании того, что такое Российская Федерация и её субъекты, проявились при

обсуждении и подписании Федеративного договора. Тогда остро встали вопросы: федерация — это союз народов или союз территорий; соответственно субъект федерации — это этническая группа или определенная территория; кто и на каких условиях выступает в качестве учредителя этого союза — этнические или региональные лидеры? Федеративный договор — это создание нового государства или лишь разграничение полномочий?

Вплоть до 2000 г. в республиках предпринимались меры, направленные на утверждение в общественном сознании однозначного понимания этнической природы Российской Федерации, т.е. федерации народов. Эта точка зрения поддерживалась не только лидерами национальных движений, но и официальными лицами. Помимо вопроса об этническом или территориальном характере российского федерализма, разногласия существовали и по вопросу о договорной или конституционной природе Российской Федерации.

В результате Федеративный договор (1992 г.) явился компромиссом, поскольку юридически закрепил разнотипность субъектов Федерации, декларировав, что республики в составе РФ, в отличие от краев и областей, являются формой этнонационального самоопределения. С одной стороны, подписание Федеративного договора (1992 г.) и принятие Конституции (1993 г.) позволило сохранить территориальную целостность России, угроза которой существовала, в первую очередь, на Северном Кавказе. С другой — важнейшей линией напряжения в первой половине 90-х гг. стали отношения «федеральная власть» — «региональная власть».

Концепция «политического торга», символом которой выступил знаменитый ельцинский лозунг «Берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить!», привела к тому, что, исключив из предметов ведения федерального центра вопросы, связанные с этнополитическими процессами внутри субъектов Федерации, федеральная власть в начале 90-х гг. исключила многие политические механизмы воздействия на развитие ситуации на Северном Кавказе и вынуждена была перейти в наиболее проблемном субъекте Российской Федерации — Чеченской Республике — к «наведению конституционного порядка» силовыми способами и военными действиями. В дальнейшем федеральная власть пошла на корректировку силовой концепции и признание необходимости перехода к политическим способам урегулирования чеченского конфликта.

Проблема единого правового пространства весьма остро обозначилась к 2000 г., когда были выявлены противоречия федерального и регионального законодательства. Тогда же началась административно-государственная реформа, основной задачей которой являлось укрепление вертикали власти. Решение этой задачи было призвано обеспечить введение системы федеральных

округов и института полномочных представителей Президента России. Стратегия укрепления вертикали власти, а фактически реорганизации политического пространства, начала реализовываться по следующим направлениям:

- создание политических, управленческих и социально-экономических интеграционных механизмов;
- контрольные функции в отношении законодательных и исполнительных органов власти субъектов Федерации;
- контроль над осуществлением судебной реформы и совершенствованием деятельности всей правоохранительной системы в субъектах Федерации.

В 2005 г. вступил в действие новый порядок избрания парламентов и глав субъектов Российской Федерации, при котором парламенту субъекта Федерации Президент России предлагает утвердить выдвигаемую им кандидатуру, а сами парламенты избираются по партийным спискам. Были начаты муниципальная и земельная реформы. В то же время продолжали оставаться актуальными вопросы об этническом представительстве в органах власти Дагестана и Карачаево-Черкесии, о муниципальной реформе в Кабардино-Балкарии, о методах борьбы с религиозным экстремизмом в Адыгее, об оценке осетино-ингушского конфликта и другие.

Предпринятые федеральной властью меры привели к заметной дестабилизации этнополитической ситуации на Северном Кавказе, поскольку по каждому из перечисленных пунктов возникли новые линии напряжения между федеральной властью и остальными акторами регионального политического пространства. Протестные действия заставили федеральную власть учесть этнические аспекты и изменить первоначальные планы, например, принять решение о создании Абазинского и Ногайского муниципальных районов.

Этапы доминирования силовых и административных подходов федеральной власти к решению

этнополитических проблем показали, что концентрация федеральной власти на угрозах государству должна быть дополнена повышенным вниманием к специфическим региональным проблемам, в число которых входят:

- проведение государственной национальной политики с учетом этнических особенностей субъектов и муниципальных образований;
- определение принципов и форм организации взаимодействия власти и этнических акторов;
- анализ тенденций развития в области межэтнических отношений на федеральном, региональном и муниципальном уровнях;
- участие в разработке механизмов разграничения полномочий между федеральными органами государственной власти и органами власти субъектов Федерации;
- оказание содействия этническим группам в создании культурных центров, разработка предложений по развитию форм национально-культурной автономии;
- организация практической работы по урегулированию межэтнических проблем, возникающих в субъектах Федерации и между субъектами Федерации;
- разработка предложений по решению проблем малочисленных народов и национальных меньшинств;
- реализация политики в области реабилитации репрессированных и депортированных народов;
- решение проблем беженцев и вынужденных переселенцев.

Таким образом, на федеральном уровне необходимо осознание, что условием сохранения Северного Кавказа в составе России является признание этнического измерения его политического пространства. В свою очередь, большинство сторонников проектов «этнического возрождения» должны согласиться с тем, что фактором и условием мира на Северном Кавказе является укрепление общероссийской гражданской идентичности и формирование полиэтничной российской нации.

Л.И. Миссонова*

ПРОСТРАНСТВО И ИДЕНТИЧНОСТЬ В ВОСПРИЯТИИ НАСЕЛЕНИЯ ОСТРОВА САХАЛИН

В данной работе представлена ситуация этнической и иной идентификации на острове Сахалин на основе личного экспедиционного материала (собранного за последние 20 лет) и данных государственных статистических комитетов, а также администрации Сахалинской области (см. таблицы к концу текста). Анализируются итоги Переписи населения РФ 2002 г. в сопоставлении с материалами как последних лет, предшествующих Переписи 2010 г., так и конца XIX в. (переписи А.П. Чехова 1890 г. и РФ 1897 г.).

Восприятие «острова» и «жизненного пространства» имеет отличимые особенности для коренных малочисленных народов и иного населения Сахалина. Кроме того, очевидны различия восприятия пространства как реальной географической категории, так и мировоззренческой для различных общностей острова в разные исторические периоды.

Предлагаю рассмотреть и сравнить «островное» пространство и связанную с ним идентификацию населения острова с трех сторон:

- осознание осваиваемого веками пространства острова малочисленными коренными народами (к примеру, тунгусо-маньчжурской этнической общностью уйльта);
- осознание острова поселенцами и каторжанами конца XIX в. (на основе первой переписи населения Сахалина, осуществленной 120 лет назад А.П. Чеховым);
- осознание островного пространства населением острова конца XX — начала XXI вв.

Современное население острова в свою очередь представлено тремя основными категориями: представителями коренных малочисленных народов, потомками бывших поселенцев, каторжан и иных более поздних переселенцев, для которых Сахалин стал Родиной, а также временными группами, для которых остров является местом зарабатывания материальных благ (имеется в виду, в первую

очередь, освоение ресурсов рыбы и нефти как на самом острове, так и на пространстве вокруг него).

Идентификацию представляется возможным рассмотреть в первом случае посредством изучения артефактов духовной культуры малочисленной этнической общности, во втором случае — через обобщение материала семи с половиной тысяч переписных карточек, заполненных А.П. Чеховым, в третьем случае — через изучение статистических материалов местных государственных служб, а также оценки этих данных на основе личного экспедиционного опыта последних двадцати лет.

Важно отметить, что вторую и третью категории населения часто объединяет наличие «островной психологии» восприятия жизненного пространства Сахалина, в то время как представители коренных народов воспринимают Сахалин как естественное продолжение материка, а не что-то отдельное от него.

В восприятии поселенцев и каторжан это «Quasi insula»: «Пролив, отделяющий остров от материка, в зимние месяцы замерзает совершенно, и та вода, которая летом играет роль тюремной стены, зимою... всякий желающий может пройти пешком или переехать на собаках. Да и летом пролив ненадежен: в самом узком месте, между мысами Погоби и Лазарева, он не шире шести-семи верст, а в тихую, ясную погоду нетрудно переплыть на ... гиляцкой лодке и сто верст...»¹. Несмотря на близость острова к матерiku, современное население Сахалина, живущее здесь не одно поколение, имеет (помимо этнической, религиозной и др.) «островную» идентификацию, четко отличную от «материковской».

С точки зрения этнической психологии коренного населения, в частности уйльта, «остров Сахалин» — *nā žyň* — это «Земли голова», а не что-то далекое, «оторванное» от материка. Предельно детальное знание особенностей пространства

* Миссонова Л.И. — д.и.н., Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

острова коренными жителями логично объясняется передачей сакральной информации, накопленной веками. Данная информация передавалась как средствами устного народного творчества, так и сакральными композициями в искусстве. Вплоть до 1930–1940 годов «изобразительный» фольклор служил языком передачи знаний поколениями шаманов, то есть «посвященных». Существующие артефакты подтверждают владение их создателей полным объемом сакрального знания предшествующих поколений. Ярким примером служит так называемый Рукутамский жезл из воздушного захоронения шамана. Жезл как бы вобрал в себя всё пространство Сахалина. На нём отражены все основные сюжеты сакрального мира. Жизненно важными районами и позициями пространства о. Сахалин оказываются следующие: реки Рукутама, Поронай, Тымь, Мифическая река, Камышовый хребет Западно-Сахалинских гор, п-ов Шмидта, п-ов Терпения, залив Терпения, залив Анива, оз. Невское, оз. Лодочное, жилище в виде чума, олени, нерпа, морж, собака, медведь, огонь, мифическая птица корь, глиняный сосуд.

При рассмотрении всех сакральных территорий, которыми становились освоенные территории, определяются места расселения этнической общности уйльта в прежние века. Напрашивается предположение о давнем освоении этой общностью большой территории острова, включая районы проживания в XIX–XXI вв. Абсолютно очевидно, что в прошлом оленеводческий образ жизни уйльта сочетался с охотой и морским рыболовным промыслом гораздо более тесно, чем в настоящее время. Олени служили активным способом перемещения и освоения пространства.

Получившее воплощение в изображениях на Рукутамском жезле знание территории острова, необходимое для выживания, свидетельствует об очень давнем переселении данной общности на Сахалин. Вместе с тем отображение восприятия сакрального пространства на жезле однозначно доказывает, что предки данного малочисленного народа переселились на остров, впитав многочисленные элементы культуры Северной Азии, а точнее — тунгусо-маньчжурской. Значит, был пройден длительный путь познания определенных сторон культуры материка и общения с представителями отдельных общностей: нанайцами, ульчами, негидальцами, орочами. Особенно четко проявляются соответствия восприятия сакральности уйльта и мифологии эвенков, что свидетельствует о едином происхождении двух общностей. Сакральное пространство, то есть освоенное знаниями посвященных, активно служило витальным потребностям. Досконально изученное обитаемое пространство острова полностью было включено в пространство жизненного цикла, составляющее сложную взаимосвязь материальных и духовных сторон бытия малочисленных этнических общностей. Это находит яркое отражение в образе

жизни и системе ценностей данных общностей в постсоветскую эпоху в конце XX — начале XXI в., однако далеко не всегда понимается и принимается представителями иных общностей Сахалина.

Особенно характерно традиционное тунгусское мировоззрение для современных оленеводов (ведущих кочевой образ жизни), продолжающих естественную поколенную передачу жизненно необходимой информации. Необходимо обратить внимание на то, что после развала системы совхозов советского времени они пережили полное разрушение крупного оленеводческого хозяйства в первое постсоветское десятилетие. Однако во второе постсоветское десятилетие оленеводы успешно вернулись к личному семейно-родовому выпасу немногочисленного стада оленей, характерному для их предков в досоветский период.

Многомерность пространства «Бб» (у уйльта) охватывает такие понятия, как мир, вселенная, местность (земля), пространство вне помещения, небо, состояние атмосферы, погода. А планета (Земля) определяется иным словом — «Нā», включающим понятия: земная твердь, суша, материк, берег, грунт. Понятия «край», «территория», «страна» определяются обоими словами. Изучение полевых материалов позволяет сделать вывод о бытовании подсознательного владения подобным восприятием пространства у ныне живущих поколений коренных народов острова, которые уже не владеют своими языками.

В настоящее время происходит очевидная утрата коммуникативной функции этих языков, что не равнозначно автоматическому утрате языка для народов. Через 20 лет после 1991 г. на первый план выходит функция, однозначно служащая поддержанию этнической идентичности малочисленной общности. В 2007 г. Сахалинской областной думой был принят закон «О языках коренных малочисленных народов Севера, проживающих на территории Сахалинской области». По этому закону в средствах массовой информации, осуществляющих деятельность на языках коренных народов, должны использоваться не только сами языки, но и их диалекты для сохранения и самобытного развития. Одной из важных статей закона считается положение об обеспечении органами исполнительной власти Сахалинской области написания наименований географических объектов, дорожных и иных указателей на языках коренных народов «на территориях их компактного проживания». Понятие «родной язык» часто воспринимается как «язык предков». Поэтому хотя почти всё аборигенное население с детства говорит на русском языке, его «родной язык» — это путь к осознанной или неосознанной самоидентификации.

Можно привести иной пример, когда иноязычная лингвистика прочно входит в восприятие жизненного пространства. Так исторически произошло в Поронайском районе Сахалина в группе нивхов и уйльта во время японского губернаторства Ка-

рафуто (1905–1945 гг.). По мнению председателя уйльтинского общества на Хоккайдо Танака Рио (г. Саппоро, 2008 г.), когда дети коренных народов начинали учиться в японской школе, школьный учитель Хидея Кавамура давал детям фамилии на японском языке, часто отражавшие место их жительства (реку, гору, стороны света — север, юг и т.д.). Так произошли многие фамилии, например, Ямакава, Китагава, Китазима, Накагава и т.д. После того, как Южный Сахалин стал советским, эти фамилии остались. И в настоящее время это самые распространенные фамилии коренного населения района.

Фамилии уйльта четко отражают историю народа в пространстве внутрикультурного взаимодействия. Северная группа уйльта, живущая в основном в Ногликском районе Сахалина, имеет православные фамилии, которые давались непосредственно во время крещения, чаще всего якутскими священниками. По данным Метрических книг Сахалина, фамилия давалась по имени крестного отца. То есть если крестный отец был Владимир, Осип и т.д., то фамилия образовывалась от этих имен — Владимиров, Осипов и т.д.

Ощущение пространства четко различимо у разных общностей, живущих ныне на острове. Современные социальные проблемы соответственно также отличимы в среде различных этносоциальных единиц. Всего в Переписи 2002 г. зафиксировано 182 этнических наименования, из них 128 присутствуют в списке Сахалинской области. При этом для Сахалина в целом характерна ситуация этнически смешанных семей и общей терпимости в восприятии человека любой национальности.

Фиксация двойной этнической идентичности не была чужда статистическим документам России конца XIX в. (если правомерно использовать данную терминологию к определению ситуации того времени). Перешагивая через столетие, становится очевидно, что самоопределение одной этнической идентичности становится всё труднее. Что касается Сахалинской действительности, обусловленной сложением множественной и многоуровневой идентификации (со времени начала ссылки и каторги, русско-японской войны, освоения рыбных и нефтяных запасов острова и т.д.), то совершенно не правомерно в переписях XXI в. определять «единичную» идентичность, к примеру, в корейско-уйльтинских, корейско-нивхских, нанайско-уйльтинских, нивхско-уйльтинских и иных широко распространенных на Сахалине смешанных семьях.

Пример «ороченско-тунгусской» тождественности в переписи Российской империи 1897 г. говорит о том, что в истории российской переписи существовали случаи фиксации двойной этнической идентичности, точнее говоря, тождественности соотнесения к разным этническим общностям. По полевым материалам последнего

десятилетия можно рискнуть утверждать, что и сейчас, как и более 100 лет назад, именно так осознают свою этническую принадлежность многие потомки уйльтинско-эвенкийских браков. Иными словами, они имеют именно двойную идентификацию уйльта(орочена) и эвенка, только не имеют возможности зафиксировать ее документально. В последние годы всё чаще в быту можно услышать и этническое определение «тунгус» (ребенка называют ласково «тунгусёнок»), которое используется как более широкая этническая категория (в среде этих народов хорошо известно, что и уйльта (=орочены), и эвенки относятся к единой тунгусо-маньчжурской ветви). Не исключено, что будущие поколения на Сахалине будут использовать при самоидентификации и этническую категорию «тунгус».

Множественность вариантов самоидентификации «статусных коренных малочисленных народов» ярко проявилась во время переписи 2002 г.: нанайцы были учтены по 4 наименованиям «нанайцы (гольды, нанай, нани с языком нанайским)»; нивхи по 7 — нивхи (гиляки, нивах, нивух, нивхгу, нивгвнгун); ульта (ороки) по 7 — ульта (ороки) (ороч с языком ульта, орочён с языком ульта, уйльта, ульта, ульча с языком ульта); эвенки по 7 — эвенки (илэ, манегры, мурчен, орочён с языком эвенкийским, тонгус, тунгусы с языком эвенкийским).

В период между переписями статистический учет северных аборигенных народов собирается из разных источников. Причём этническая принадлежность детей, как это неоднократно описано в этнологической литературе (см. работы В.В. Степанова, З.П. Соколовой и др.), определяется не родителями, а сотрудниками статистических органов, отделов кадров, школьных заведений и т. д. Названные сотрудники, также и местные организаторы переписи и непосредственные переписчики в XXI в. хорошо знают названия многочисленных народов разных стран, но очень плохо разбираются в этнических наименованиях коренных малочисленных народов Севера России. По сути это мало отличается от ситуации советского периода 20 лет назад или времени А.П. Чехова, который дал резко критическую оценку проведения переписей среди туземного населения острова в XIX в. Это, прежде всего, итог системы образования, когда в многонациональном государстве очень мало внимания уделялось преподаванию культуры живущих в России народов. Поэтому при близком созвучии этнонимов одни народы путают с другими. И чем меньше численность народа, тем меньше он известен людям, приехавшим с материка на Сахалин, и тем больше случаев непонимания звучания (или произношения) этнического наименования. В этом нет умышленного намерения. К этому приводит банальная этнографическая безграмотность переписчиков и местных чиновников.

К наиболее многочисленным народам, выжившим свою этническую идентификацию, на Сахалине относятся русские, корейцы, украинцы, татары, белорусы, мордва, чуваша, армяне, азербайджанцы. Всего 9 этнических общностей, численность которых измеряется тысячами. Из них самые многочисленные русские (460 778 чел.), корейцы (29 592 чел.), украинцы (21 831 чел.). Одна пятая часть всех корейцев РФ живет в Сахалинской области.

Немного меньше тысячи насчитывается немцев (902 чел.), сотнями исчисляется также число живущих на Сахалине молдаван (751 чел.), башкир (586 чел.), казахов (485 чел.), поляков (485 чел.), евреев (401 чел.), японцев (333 чел.), марийцев (316 чел.), осетин (312 чел.), узбеков (298 чел.), грузин (274 чел.), удмуртов (273 чел.) и бурят (239 чел.).

Почти 40% японцев, живущих в РФ, определило свою этническую идентификацию именно в Сахалинской области — 333 из 835 чел. в РФ. Расселение в южных районах острова объясняется исторически сложившейся практикой со времени губернаторства Карафуто (1905–1945 гг.).

Граждане, этническое самоопределение которых корейцы (за редким исключением), — потомки выходцев из Южной Кореи, переселившихся на Сахалин в период правления Карафуто. Их расселение охватывает практически всю территорию Сахалина.

Что касается иностранных граждан, переселившихся на Сахалин в последней четверти XX в. и в начале XXI в., то чаще всего они живут в г. Южно-Сахалинске. Среди них можно назвать идентификацию «американцев», «англичан», «голландцев», «французов» и многих других. Характерно, что граждане с самоопределением «китайцы» (131 чел. — из 34 577 в РФ) занимаются в основном сельским хозяйством (для них в большей степени интерес представляет пространство не городской, а сельской местности). Переселение американских и европейских граждан на Сахалин в последние 20 лет чаще всего связано с деятельностью международных нефтяных и иных компаний. Однако, по данным местных СМИ, существует и иная социальная причина, появившаяся в период после распада СССР. Проявляется так называемая «островная психология». Зарождаются различные формы социальной связи, в том числе брачные, между островом Сахалин и островами Великобритании. При этом образовавшиеся семьи живут как на Сахалине, так и в Великобритании.

23 этнических наименования коренных малочисленных народов Севера РФ зафиксированы в Сахалинской обл., в 2002 г. — менее 3 тыс. чел. Представители коренных народов Сахалина нивхи (2450 чел. — из 5162 в РФ) и уйльта (298 чел. — из 346 в РФ), а также народы Севера России эвенки (243 чел. — из 35 527 в РФ), нанайцы (159 чел. — из 12 160 в РФ) и другие живут в

основном в северной части острова. Самым южным районом их компактного расселения можно назвать Поронайский. Это обусловлено различными исторически сложившимися причинами, главной из которых может быть названа пригодность территорий для развития видов их хозяйственной деятельности в XX–XXI вв., прежде всего, рыболовства и оленеводства. Безусловно, очень много пагубного было в установке советского времени, когда сселяли народы Севера в определенные поселки, отрывая их фактически от привычного труда, тем самым был нанесен невосполнимый ущерб культуре и традиционному годовому циклу жизнеобеспечения этих народов.

При сопоставлении населения РФ и Сахалинской области получается, что на территории Сахалинской области живет 0,376% всего населения России (более 546 тыс. чел. из более 145 млн. чел., живущих в РФ). Менее четырёх десятых одного процента населения представлено 128 этническими наименованиями, это составляет более 70% общероссийских этнических наименований (182). При этом лишь 32 наименования зафиксированы числом более 100 чел. Данные факты со всей очевидностью объясняются историей Сахалина, которая ярко отражена в чеховской переписи 1890 г.

А.П. Чехов заполнил опросные листы более чем на 8 тысяч человек, на сегодняшний день найдены в различных архивах и доступны для исследования почти 7,5 тысячи карточек. Эта информация вполне дает представление, говоря языком современной терминологии, о многообразной идентичности жившего на Сахалине населения. А.П. Чехов фиксирует, что различие вероисповедания и возраста «к сожителю не служат помехой», «называют себя братьями, потому что страдали вместе, но ...веруют не одинаково и говорят на разных языках» (Чехов 1901: 248–249). При изучении всех доступных карточек чеховской переписи мне удалось выявить следующую картину самоопределения вероисповедания населения Сахалина:

- православного — 6434 чел., 86,41%;
- католического — 475 чел., 6,38%;
- магометанского — 194 чел., 2,61%;
- лютеранского — 181 чел., 2,43%;
- иудейского — 85 чел., 1,14%;
- раскольнического — 41 чел., 0,55%;
- армяно-григорианского — 23 чел., 0,31%;
- иного (в т. ч. «старообрядского», «молоканского», «староверческого») — 0,17%.

Представители православного вероисповедания, по данным переписных карточек, были родом из самых разных губерний и областей России, католического — более всего из Варшавской (55 чел.), Ковенской (46), Виленской (33); лютеранского — более всего из Курляндской (26); Лифляндской (45); Финляндии (21); Эстляндии (15); магометанского — Бакинской (22); Самарской

(16); Казанской (13); Нижегородской (7), Пермской (6); армяно-григорианского — более всего из Эриванской (7); иудейского — из Минской (10); Витебской (3); Варшавской (3); Гродненской (3); раскольнического — из Виленской (5), Витебской (4); Самарской (4), Лифляндской (2); Московской (2); староверы — из Ковенской (1); Псковской (1); старообрядцы — из Витебской (1); Виленской (1); Кишиневской (1); Новочеркасской (1); Самарской (1); Тобольской (1).

Обращает на себя внимание тот факт, что терпимость к любой вере и национальности сохраняется на острове по сей день. При этом наименее

известны именно коренные народы острова, так как их «пространство» на острове очень сильно сжалось за прошедшее столетие. Оно стремительно продолжало сжиматься последние 20 лет, несмотря на то, что нефтяные международные компании вынуждены вступать в переговоры с коренным населением. Если вернуться к трем категориям населения, можно сделать вывод о том, что каждая из них, обладая четко выраженным «своим» пространством, тем не менее живет в сопостранственности: в различных ситуативных нишах иерархия, соподчиненность пространств бывает разной.

Таблица 1 — Национальный состав постоянного населения коренных малочисленных народов Севера, проживающих в сельской местности*

(на начало года; человек)

Национальность	Годы										
	1996	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Всего	1474	1419	1390	1377	1383	1368	1406	1428	1458	1460	1479
В том числе:											
Эвенки	175	156	150	143	150	150	153	150	143	137	137
Эвены	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Нанайцы	15	9	10	11	13	12	12	23	17	16	20
Неги-далыцы	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Нивхи	1136	1120	1100	1092	1086	1075	1109	1122	1166	1179	1183
Ульга (ороки)	10	4	—	3	1	1	119	119	114	110	119
Орочи	134	127	127	125	130	126	12	13	18	17	20
Удэгейцы	1	1	1	1	1	1	1	1	—	1	—
Ульчи	1	2	2	2	2	2	—	—	—	—	—
Манси	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

* По данным похозяйственного учета

Таблица 2 — Изучение родного языка как самостоятельного предмета в дневных общеобразовательных школах

	Численность учащихся из числа народов Севера (чел.)	Из них изучали родной язык как самостоятельный предмет			Изучали родной язык факультативно или в кружках	
		всего	в том числе в			
			1–4 и подготовительных классах	5–9 классах		10–11 классах
2001/2002 учебн. год						
Всего	702	127	105	22	—	7
В том числе:						
Эвенки	56	—	—	—	—	—
Нанайцы	24	—	—	—	—	—
Ульга (ороки)	84	—	—	—	—	—
Нивхи	526	127	105	22	—	7
Др. народы Севера (ительмены, орочи)	12	—	—	—	—	—

2005/2006 учебн. год						
Всего	570	93	72	21	-	95
В том числе:						
Эвенки	27	—	—	—	—	1
Нанайцы	3	—	—	—	—	—
Ульта (ороки)	10	—	—	—	—	—
Нивхи	466	93	72	21	-	90
Орочи	48	—	—	—	—	4
Др. народы Севера (ульчи, алеуты, эвены)	16	—	—	—	—	—
2006/2007 учебн. год						
Всего	556	97	73	24	-	52
В том числе:						
Эвенки	41	—	—	—	—	—
Нанайцы	14	—	—	—	—	—
Ульта (ороки)	21	—	—	—	—	—
Нивхи	420	97	73	24	-	52
Орочи	52	—	—	—	—	—
Др. народы Севера (ульчи, алеуты, эвены)	8	—	—	—	—	—
2008/2009 учебн. год						
Всего	516	114	85	29	-	50
В том числе:						
Эвенки	27	—	—	—	—	—
Нанайцы	14	—	—	—	—	—
Ульта (ороки)	3	—	—	—	—	—
Нивхи	391	114	85	29	-	50
Орочи	53	—	—	—	—	—
Др. народы Севера (ульчи, алеуты, эвены)	28	—	—	—	—	—

Перепись 2002 г.

Российская Федерация	Сахалинская область
145 166 731 чел.	546 695 чел. 0,376% (от всего населения РФ)
182 этнических наименования	128 этнических наименований 70,3% (от общего числа РФ)

Таблица 3 — Наиболее многочисленные этнические общности Сахалинской области
(по данным Всероссийской переписи населения 2002 г.³)

Этническая самоидентификация	РФ	Сахалинская обл.
Русские	115 889 107	460 778
Корейцы	148 556	29 592
Украинцы	2942 961	21 831
Татары	55 54 601	6830
Белорусы	807 970	5455
Мордва	843 350	2943
Чуваши	1 637 094	1300
Армяне	1 130 491	1144
Азербайджанцы	621 840	1138
Немцы	597 212	902
Молдаване	172 330	751
Башкиры	1 673 389	586
Казахи	653 962	554
Поляки	73 001	485
Евреи	229 938	401
Японцы	835	333
Марийцы	604 298	316
Осетины	514 875	312
Узбеки	122 916	298
Грузины	197 934	274
Удмурты	636 906	273
Буряты	445 175	239
Лезгины	411 535	195
Литовцы	45 569	188
Чеченцы	1 360 253	185
Таджики	120 136	168
Коми-пермяки	125 235	159
Аварцы	814 473	149
Болгары	31 965	137
Якуты	443 852	120
Латыши	28 520	117
Даргинцы	510 156	101

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Антон Чехов. Остров Сахалин. (Из путевых заметок). Третье издание // Сочинения А.П. Чехова. Том X. Петроград: Издание Т-ва А.Ф. Марксъ. [1901(3) г.]. С. 31–33.

² Подробнее см.: Миссонова Л.И. Сакральное пространство и искусство его изображения в этнической

культуре Северной Азии: артефакты Сахалина // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2011. № 4 (48). С. 119–129.

³ Таблица составлена Л.И. Миссоновой на основе материалов Электронного архива ИЭА РАН.

В.К. Малькова*

МОБИЛИЗАЦИЯ ЭТНИЧЕСКИХ СООБЩЕСТВ, ИЛИ РОССИЯ 20 ЛЕТ СПУСТЯ

Двадцать лет постсоветской жизни Россииместили в себя немало разных событий и явлений. На одном из них я остановлюсь в данной статье. Это активные этномиграционные процессы, в результате которых в стране не только изменился этнический состав населения, но также наблюдаются многочисленные изменения в сфере культуры и общественной психологии, в экономике и в политической жизни. Оставляя пока за рамками статьи многочисленные проблемные узлы, возникшие перед принимающим населением, обратимся к жизни этнических сообществ, появившихся в стране в последние 20 лет.

Рассматривая процесс миграции и адаптации инокультурных приезжих в постсоветской России, мы четко видим один из его результатов — заметное оживление в стране этнонациональных движений. В данном случае речь идет о серьезных организационных процессах, которые ведутся в недавно возникших этнических диаспорах и группах этнических меньшинств, рассыпанных по стране. Это проявляется в направленном строительстве новых этнических структур и социальных институтов, в активном формировании у их членов этнического самосознания, в осознании и в отстаивании их лидерами роли своей этнической общности в конкретных российских регионах как важного субъекта не столько культурной, сколько общественно-политической жизни. Этот почти беспрецедентный в истории России процесс, который может быть назван не «национальным», а «новым этническим движением» или «движением этнических меньшинств», не может оставаться без общественного внимания, поскольку на наших глазах он перерастает в процесс этнополитический.

Понятно, что наблюдаемые процессы происходят на фоне всеобщей глобализации, на фоне привыкания населения к новым общественно-политическим реалиям в стране и в связи с пло-

хо регулируемой миграцией. Именно миграция, сопровождаемая не всегда удачными попытками законодательного закрепления новых и «старых» этнонациональных объединений, привела к росту и институционализации этнонациональных диаспор, общин и групп, к появлению новых и энергичных этнических элит и их идеологов. Большой вклад в эти процессы вносят СМИ, включая, не в последнюю очередь, и этнические СМИ (пресса, интернет-сайты, радио- и телепередачи). Они довольно широко распространились в два последних десятилетия во многих регионах страны, выполняя в той или иной мере позитивные общественные функции — этноинформационные, этнопсихологические и этнокультурные. Этнические СМИ способствуют формированию этнического самосознания в мигрантских группах, сплачивая и организуя их членов в новые единые этнические сообщества внутри России. Именно этническая пресса и этнокультурные объединения, создаваемые этническими активистами во всех уголках страны, становятся для многих этнических групп и диаспор их «точкой опоры», «кусочком их этнической родины в России», их своеобразным психологическим и практическим защитником, советчиком и путеводителем по не всегда понятной жизни в новой, малознакомой стране.

Однако одновременно этническая пресса, а в последнее время и многочисленные интернет-ресурсы, заметно будоража национальные чувства своих сородичей, очень мало внимания уделяют формированию у приезжих российской идентичности. Они настойчиво напоминают своим соплеменникам об их этническом происхождении, об их «долге перед этнической родиной» и перед своими соотечественниками.

Но важно подчеркнуть, что всплеск этнической активности заметен не только среди приехавших из-за

* Малькова В.К. — д.и.н., Центр этнополитических исследований ИЭА РАН

рубежа этнических групп. Оживление этничности наблюдается и в национально-культурной жизни российских или автохтонных меньшинств, также нередко в последние годы расселяющихся по стране и образующих в новых местах свои «защитные» этнические сообщества (как, например, чуваша, татары, буряты, дагестанцы и другие). Быстро растущие национально-культурные объединения разных уровней становятся для многих их членом (и особенно для их активистов) своеобразным щитом, прикрывающим их от «внешних» (инокультурных) опасностей. Одновременно эти НКО и НКА служат орудием или инструментом сплочения, организации и управления этими этническими сообществами, одним из способов сохранения у анклавных групп этнонационального единства и самосознания.

Этнические СМИ, включая этнически ориентированную прессу и интернет-ресурсы, — важный исторический источник. Они дают возможность увидеть широкую палитру взглядов современных российских этнических элит, их представлений, установок и стратегий, которые через эти каналы они выносят на обсуждение своих соплеменников. Именно из этих, опубликованных в этнической прессе идей, комментариев и суждений складываются и выстраиваются, условно говоря, современные этнонациональные идеологии новых российских этнических сообществ. В данной работе мы представим некоторые результаты анализа ряда российских этнических изданий за 2008–2011 годы, где довольно четко прослеживается нынешняя ситуация с этническими объединениями (диаспорами и общинами), с их лидерами и активистами, с целями и задачами этих объединений в локальном и глобальном мире, с создаваемыми ими образами их диаспорных соотечественников и стран и со многими другими явлениями, показывающими довольно бурную этнонациональную жизнь в постсоветской России.

В течение двух десятков лет мы наблюдаем, как с развитием этномиграционных процессов в постсоветской России создаются и укрепляются новые этносоциальные институты (НКО, школы с этническим компонентом, детские сады, клубы, сети общественного питания, религиозные центры и т.д.). Это касается и этнических СМИ, в том числе и прессы, которой можно предсказать довольно серьезное будущее в общественной жизни страны. Секрет в том, что наши политики видят в новых этнических диаспорах серьезный и хорошо управляемый электоральный потенциал. Определенный импульс для роста подобных этнических изданий был получен в 1996-м году, когда в стране был принят закон о национально-культурных автономиях¹. С этого времени этнические функционеры стали очень активно собирать вокруг себя единомышленников и формировать свои этнические сообщества (хотя некоторые уже существовали и прежде). Порой на

одной территории образовывалось сразу несколько групп представителей конкретной национальности, нередко конкурирующих между собой из-за бюджетного или спонсорского финансирования, из-за помещений, из-за внимания к ним местных властей. Начальный период этого оживления и формирования национально-культурных сообществ довольно подробно описан в научной литературе, в том числе и нами².

Конечно, при таком обилии самих этнических общин не может быть однообразия и в поводах для их возникновения. Отдельные инициативные люди или группа энтузиастов, под влиянием ностальгии по родным местам или для защиты своих соплеменников, а иногда — и в силу собственных амбиций, объединяли вокруг себя единомышленников с декларацией сделать для своих соплеменников что-то полезное. Но со временем кустарно-стихийные энтузиасты 80-х годов (как правило, местные журналисты, учителя, музейные работники) или отходили от дел, уступив место другим, или вынуждены были меняться. Требования времени и внезапно появившаяся конкуренция заставляли их развиваться дальше, смотреть на свои функции шире, находить новые цели и направления в работе своих организаций.

Анализ материалов этнических изданий позволяет увидеть лишь некоторые аспекты процесса формирования новых общинных и диаспорных элит. Естественно, их лидеры так же неодинаковы, как и сами эти сообщества. В небольших городах, несмотря на и там бурно несущуюся жизнь, ситуация с этнокультурными объединениями меняется медленно. И, конечно, очень зависит от личностных качеств лидеров и активистов, а также — от внимания и поддержки местных властей и спонсоров. Но у больших и сильных сообществ (азербайджанского, еврейского, немецкого и других) формирование руководства уже не носит случайного характера. Здесь можно уверенно говорить о направленной подготовке элиты этнических сообществ и о построении в них определенных иерархических отношений. Интенсивно воспитывают свой авангард российские немцы³. Примерно такую же политику мы видим и у представителей российских еврейских общин, у азербайджанской и армянской диаспоры и у других. Обо всех этих процессах подробно рассказывают этнические газеты и интернет-сайты.

Аспектов общинной жизни, освещаемой в этнической прессе, множество. Причем у каждой общины и у каждой газеты — свои акценты. Но одним из главных вопросов для этнических функционеров, а значит, и для общинной прессы, остается организация управляемых этнических структур, официальное закрепление их статуса в стране или регионе, их значимое финансирование, количественное и качественное расширение этих групп, налаживание связей с местными властями и общественностью, определение стратегий свое-

го дальнейшего развития и т.д. Важно отметить, что проблемы этнических диаспор и этнических общин автохтонных меньшинств не во всем совпадают, хотя, несомненно, у них прослеживается и ряд общих черт. И те и другие делают акцент на географическом и хронологическом закреплении своего сообщества на определенной территории, на создании его позитивного имиджа, на поддержании единства и сплоченности членов своей группы, на формировании их этнической идентичности и этнического патриотизма. Они всячески содействуют своим землякам в их обустройстве и процветании на новом месте, а также настойчиво встраивают свое сообщество в общественно-политическую жизнь региона и страны как особый этносоциальный организм.

Вопросы этнической мобилизации или сплочения своих соплеменников постоянно остаются в центре внимания этнических элит и их прессы. Это осуществляется через организацию и освещение в СМИ совместных мероприятий, через поддержание у членов сообщества этнического самосознания (языка, традиций, обычаев, многих элементов этнической культуры, акцентирование исторических обид и ностальгии по этнической родине и т.д.). Большое значение придается формированию патриотизма, направленного на свою этническую (или историческую) родину.

Важной формой мобилизации и сплочения этнических групп является информация газет о жизни своей диаспоры или этнической группы. Особое внимание в прессе уделяется самому понятию «диаспора». Пока некоторые ученые отрицают наличие в нашей стране диаспор, этножурналисты и этнополитики уверенно внедряют и утверждают это сплывающее группой понятие в массовом сознании. Заметим, что речь идет не только о «внешних» для России мигрантах (как азербайджанцы и армяне), но и о российских этнических переселенцах (чуваши, дагестанцы, татары, евреи, корейцы, немцы и др.).

Систематическую информацию о количестве и географии этнических объединений в прессе, конечно, найти трудно. Однако контент-анализ позволяет выявить и суммировать некоторые открыточные сведения и упоминания об их деятельности практически во всех уголках страны. Например, из газет можно узнать о деятельности российских немецких организаций в Центральном регионе, на Урале, на Северо-Западе Европейской части России, в Сибири, на Алтае, на Дальнем Востоке... В публикациях о жизни российских немцев упоминаются также Кисловодск, Ульяновск, Москва⁴, Московская, Тульская, Рязанская, Тверская, Костромская, Ярославская, Смоленская области⁵. Примерно ту же картину можно наблюдать в наши дни и у других этнических меньшинств. Например, еврейские, а в последние годы и азербайджанские сообщества, по данным их газет, также работают практически во всех крупных и средних

городах страны⁶. Формы современных этнических объединений разнообразны. Это многочисленные центры встреч, организации молодежные, женские, религиозные, локальные и межрегиональные, это и этнические профессиональные ассоциации (например, журналистов, врачей, офицеров), объединения выпускников вузов, земляческие союзы и другие этнические общественные организации. Все эти структуры, по сведениям газет, активно работают, развиваются и нередко уже отмечают свои юбилеи⁷. Но больше всего информации о разнообразных диаспорных объединениях и их консолидации можно получить из изданий российских азербайджанцев, хотя этот процесс у них начинался и идет несколько иначе, чем у других этнических групп.

Например, российские немцы в значительной степени инициировали свое этнонациональное движение в связи с активно пропагандировавшейся идеей их возвращения на историческую родину (впрочем, как и евреи). Другие автохтонные народы первоначально организовывали свои небольшие общины под лозунгом этнокультурной ностальгии, сохранения своей идентичности в инокультурном пространстве и поддерживали эти настроения идеей солидарности и помощи своим землякам. Но у азербайджанцев в России образование диаспорных структур шло иначе. Для большинства из них, как и для принимающего населения, процессы их перемещения в Россию во многом были внезапны и быстры. Более того, многие азербайджанцы первоначально ехали в Россию временно, без семей, лишь на заработки, и не собирались здесь надолго задерживаться. Но, поскольку потоки приезжих были большими и неорганизованными, их надо было как-то организовать и упорядочить. Поэтому еще на ранней стадии (в 1991г.) азербайджанские диаспорные лидеры (отдельные представители которых уже давно обосновались в России) целенаправленно создали такие мощные организационные структуры, как «АЗЕРРОС», а затем и «Всероссийский Азербайджанский Конгресс» (ВАК). Именно они и стали создавать из «неорганизованных» мигрантов свои «ячейки» в разных регионах страны. Причем большую роль в этой организационной работе сыграли в том числе и их этнические издания, в первую очередь — газеты «АЗЕРРОС» и «Азербайджанский Конгресс». Как мы знаем, представители азербайджанской диаспоры за два последних десятилетия расселились в России действительно широко. В очень насыщенном этничностью еженедельнике ВАК «Азербайджанский Конгресс» находим сообщения из Вологды и Архангельска, из Астрахани и Мурманска, из Коми и Чечни, из Саранска, Якутска, Москвы, Сахалина и Камчатки... Азербайджанские журналисты в своих публикациях с пафосом восклицают: «Знаменательное событие... в столице Республики Мордовия Саранске открылось новое

региональное отделение ВАК...» Или: «...в столице Чеченской Республики в городе Грозном официально зарегистрировано региональное отделение ВАК». Или: «...в Коми образовалось региональное объединение ВАК»⁸.

Из прессы можно также узнать, что активное объединение единомышленников идет и в профессиональной сфере. Руководители крупнейших исламских центров России в начале декабря 2009 г. приняли решение об объединении (представители Центрального Духовного Управления мусульман (ЦДУМ), Совета муфтиев России (СМР) и Координационного центра мусульман Северного Кавказа (КЦМ СК)). «Глава ЦДУМ Т. Таджуддин при этом заявил, что...речь идет о восстановлении связей, а не об организации какой-то новой структуры»⁹.

Таким образом, можно зафиксировать, что в последние два десятилетия в России идет довольно активный процесс собирания рассеянных по территории страны, разрозненных этнических, а нередко и профессиональных объединений в единые местные и федеральные этнические сообщества (ассоциации, конгрессы, форумы, диаспоры...). Здесь уместно вспомнить гордое заявление азербайджанских идеологов: «Положено начало концу раздробленности и разобщенности азербайджанцев России... Сегодня смело можно утверждать: ВАК состоялся и является локомотивом и главным мотором многотысячной азербайджанской диаспоры РФ»¹⁰.

Может возникнуть вопрос: с какой целью в течение сравнительно короткого периода в постсоветской России формируются, и довольно активно, новые многочисленные этнические структуры — автономии, ассоциации, конгрессы, форумы и другие объединения? Частично на этот вопрос отвечают в прессе сами этнические функционеры. Учитывая ограниченные рамки доклада, я просто перечислю озвученные в СМИ цели и задачи некоторых этнических сообществ России.

Цели армянских организаций: сформировать общее для своих объединений информационное пространство, создать единую площадку; сплотить диаспору и защищать права армян; усилить их влияние на жизнь российского общества; расширить возможности армян при решении общенациональных вопросов.

Цели представителей еврейского сообщества: продвигать среди евреев, российской интеллигенции и других слоев населения исторические духовные ценности Земли Обетованной и еврейского народа; содействовать лицам с еврейскими корнями в самоидентификации и установлении связей с исторической родиной; пробуждать интерес у евреев — граждан РФ к жизни государства Израиль и еврейского народа; взаимодействовать со всеми еврейскими объединениями и организациями РФ; доносить голос еврейской общины до людей, влияющих на власть; оперативно ин-

формировать еврейскую интеллигенцию о случаях антисемитизма.

Цели российских немцев: формировать элиту немецких меньшинств в странах СНГ и поддерживать этот процесс; быть едиными в отстаивании интересов российского немецкого народа; использовать СМИ и Интернет для презентации немецкого меньшинства; привлечь внимание самой продвинутой части группы — внуков российских немцев; формировать этническую идентичность и развивать национальную культуру; создать стратегию развития культуры и искусства российских немцев; развивать гражданскую и этническую идентичность у молодых российских немцев; принимать коллективные решения для всех организаций; отстаивать интересы народа; не заниматься внутренними дразгами; информировать российских немцев о существовании движения; восстановить честь российского немецкого народа; реализовать программу «Поддержка авангарда»; распространять немецкий язык среди российских немцев; показать, что у немецкого меньшинства есть будущее в стране именно как у этнической группы.

Цели исламских центров России: объединить эти центры, восстановить связи; работать под единым началом; развить принципы традиционного ислама, укрепить духовную нравственность в нашем обществе; повысить значимость Корана, в котором звучит призыв к единству мусульман как обязательство.

Цели азербайджанской диаспоры: глубокая и разнонаправленная интеграция соотечественников в различные сферы жизни российского общества; внедрить соотечественников в еще не освоенные или почти не освоенные страты российского общества; сравнивать потенциал нашей и иных диаспор; использовать представителей диаспоры как действенный политико-лоббистский ресурс для воздействия на общественное мнение, для отстаивания наших национальных интересов; представить наших соотечественников в российских масс-медиа, в науке и культуре, в законодательных органах российских центров, в военных структурах и т.д.

Таким образом, можно еще раз подчеркнуть стремительную силу и напор растущих и быстро организуемых в современной России этнических диаспорных сообществ, тесно связанных со странами и регионами их исхода. Рассмотрение стратегий, представленных самими этническими идеологами в их этнических изданиях, показывает основные пути и направления дальнейшего развития этих новообразований. Это:

- сплочение своих соплеменников в России на основе их этничности и патриотизма в единые, хорошо управляемые этнические сообщества со своими целями и намерениями;
- их адаптация и укоренение в российском географическом и общественном пространстве при неременном сохранении их этничности,

конфессиональности и главное — их единства как группы;

- отстаивание прав своего этнического сообщества как важной части российского социума;
- активное участие этнической группы в общественно-политической жизни страны и влияние ее на властные структуры;
- лоббирование в России интересов своей исторической родины.

Конечно, мы вполне осознаем, что описываемая проблема требует дальнейших исследований и дискуссий. Тем не менее, мы попытались на представленном в работе документальном материале впервые рассмотреть и показать — как об этом рассказывают сами представители недавно образованных и развивающихся этнических мигрантских сообществ.

Наши основные выводы сводятся к следующему.

Основные направления этнической мобилизации диаспорных групп в постсоветской России с помощью этнических СМИ:

- собирание своих соплеменников в единые группы (сообщества) и юридическое закрепление их статуса в регионах и в стране. Распространяется идея: «Мы — единая диаспора в России (в регионе)»;

- укрепление этнонациональной и групповой (диаспорной) идентичности и солидарности у членов диаспор и групп или распространение и утверждение «своих» этнонациональных идей и ценностей в сознании членов группы: «Мы — представители своего этноса и своей страны; мы, живущие на новом месте, — часть своего народа и своей страны; наше родство и единство должно поддерживаться. Это — путь к благополучию нас всех на новом месте; наши корни и наша история не должны забываться и на новом месте»;

в целях сплочения группы этнические элиты манипулируют этнической историей и культурой, сочиняют новые и исправляют старые мифы о своей «материнской» стране, о своей этничности и о межэтнических (и межгосударственных) отношениях, делая упор на этнические чувства. Они окружают свою общину (диаспору) определенной стеной-границей под названием «Мы» и под лозунгом этнической самозащиты.

В общественное сознание своих и принимающих жителей внедряются идеи: «Мы — члены отдельной этнической группы. Только в единой группе (диаспоре) мы можем сохранить свое настоящее и будущее на данной территории...»

Общероссийская идентичность акцентируется в этнических СМИ гораздо меньше.

Актуализируются (а порой и драматизируются) этнические и национальные чувства. Это происходит через мобилизацию недовольства или чувства гордости: «Мы должны помнить наши исторические и национальные обиды; мы должны гордиться нашими ценностями и нашими героями; нельзя забывать наши национальные праздники,

нашу пищу, нашу материальную культуру, нашу религию; необходимо поддерживать неразрывную связь с нашей родиной...»

Целенаправленно формируются новые этнические элиты и структуры: усиливается работа с молодежью (клубы, школы, центры...), воспитываются функционеры и активисты, руководители диаспор и групп, создается авангард, осуществляется забота о старых и новых руководящих кадрах; оформляются группы этнических активистов и среди профессиональных сообществ (выпускники МГИМО, МГУ, других вузов, в среде журналистов, офицеров...).

Формулируются цели этнических групп и диаспор, проводятся организационные съезды, консолидируются единомышленники, пересматриваются уставы и программы сообществ.

Поддерживается идея «наращивания темпов» в деятельности этнических групп.

Создаются программы увековечивания своих героев и персонажей на новых местах в России.

Обновляются языковые стратегии новых этнических сообществ, имеющие как символическую, так и практическую ценность. Акцентируется необходимость сохранения, развития и пользования на новом месте своим этническим языком; необходимость обучения своих детей в этнически-ориентированных школах; важность развития своей этноиздательской деятельности; распространяется идея о необходимости «оживления», поддержания и развития своей этнической культуры в иноэтничном окружении (литература, фольклор, музыка, традиции...).

Ставится вопрос о правовом статусе новых этнических формирований в принимающем сообществе: распространяются идеи о необходимости отстаивания и защиты наших прав — индивидуальных и групповых, о важности устранения и предупреждения любых случаев нашей дискриминации... Утверждается идея о том, что «у нас должны быть равные права со всеми живущими в данном регионе (стране) гражданами».

Стимулируется локализация сознания членов своей группы на новом месте: в СМИ и в общественном пространстве фиксируется время нашего расселения и проживание на конкретных территориях. Укрепляется взаимодействие с федеральной и местной властью и с местным населением.

Ставится задача неуклонного создания и функционирования своих этнонациональных СМИ для обмена информацией; для более широкой пропаганды своих этнических идей; для более оперативного общения со своими соплеменниками. Создаются официальные сайты НКА, библиотеки, социальные сети.

Организовываются этнические мероприятия для своих соплеменников: форумы, конгрессы, общественные кампании, праздничные и юбилейные мероприятия... Внедряются в общественное сознание идеи о том, что «нам необходимо

объединяться, строить и укреплять в новых местах свои этнические структуры, растить и обучать свою этническую элиту, поддерживать своих соплеменников в чужой среде, лоббировать наши групповые и этнонациональные интересы в новом пространстве...»

Распространяется идея о необходимости усиления роли диаспоры в жизни современной России. Этнические меньшинства и диаспоры (их элиты) стремятся к участию и к получению политической власти.

Создаются транснациональные объединения по этническому признаку: этнические группы консолидируются и выходят на международную арену — образуются ассоциации, конгрессы, форумы и общие информационные площадки для защиты своих интересов и их поддержки и для формирования и закрепления этнического единства на новых территориях; для совместной деятельности, сотрудничества и партнерства.

Таким образом, активный и многосторонний процесс организации и мобилизации этнических групп в постсоветской России направлен на достижение определенных целей. Но каких? Из материалов этнических СМИ видно, что это — желание новых этнических элит сохранить

и укрепить свою этническую общину на новом месте, создать в новых условиях комфортные условия для культурно-психологической и социально-экономической адаптации своих соплеменников.

— Мобилизация этничности осуществляется во многом и в этнополитических целях. В этих процессах проявляется стремление молодых этнических элит заявить о себе в новом общественном пространстве, принять участие в общественно-политической деятельности в новых регионах и в новой стране, приобщиться к финансовым и другим ресурсам регионов или страны. Это, наконец, и их стремление лоббировать интересы своей «материнской страны», иметь легитимную возможность помочь и поддержать ее (или получить помощь и поддержку от нее).

При всем понимании позиций новообразованных этнических сообществ зададимся вопросами: а как быть с российской гражданской идентичностью в этой, уже многомиллионной группе новых жителей страны? Как быть с целями и интересами самой России, и в первую очередь — принимающего русского большинства??? Может ли российская, в первую очередь — русская общественность бесстрастно наблюдать за этими процессами?

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Закон РФ о национально-культурной автономии, 1996.

² Подробнее см.: Малькова В.К. Мобилизация этнических сообществ в современной России. М. ИЭА РАН, 2011. С. 79–92.

³ Как стать элитой? Авангард российских немцев провел командообразовательный тренинг в Кисловодске // Московская немецкая газета. 28.01.10.

⁴ Московская немецкая газета. (Далее — МНГ). 28.01.2010.

⁵ МНГ. 04.11.09

⁶ Менора. Екатеринбург, 2010.26.04.

⁷ МНГ. 28.01.10; 14.01.10; 19.11.09. и др.

⁸ Азербайджанский конгресс. 2010, 29 января; Азербайджанский конгресс. 2010. 26 марта; Расширяемся // Азербайджанский конгресс. 2010. 21 мая.

⁹ Российские мусульмане начали объединяться // Азербайджанский конгресс. 2010, 5 февраля.

¹⁰ Шахин Шихлински. Уверенность в завтрашнем дне // Азербайджанский конгресс. 2009. 4 декабря.

ЛИТЕРАТУРА

Абдулатипов Р. Национальный вопрос и государственное устройство России. М., 2000.

Аствацатурова М.А., Савельев В.Ю. Диаспоры Ставропольского края в современных этнополитических процессах. Ростов-н-Дону — Пятигорск: СКАГС, 2000.

Арутюнян С.В., Дробижина Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология. М., 1998.

Алиев К. Кумыкский мир. 2006. www.kumukia.ru.

Алиев К. Государство и национальная печать // Газета «Елдаш». 2006. 4 августа.

Богатова О. Конструирование этничности и этническая пресса (на примере Республики Мордовия). <http://tatar.yuldash.com>.

Богданова Л. Союз журналистов этнических СМИ // Крымские известия. 2007. 28 февраля.

Борзунова Т.И., Макарова В.В., Морозова Г.Ф. Республики России. Этническая мобилизация и ее последствия / ИСПИ РАН. М., 1997.

Ганцева Д. Этническая пресса в «простреливаемом» пространстве // Менора (Екатеринбург). www.tolerance.ru.

Гаранты «Общежития» // Миграция. Московское притяжение. Москва, 2007. № 3.

Гасанов А.М. Средства массовой информации диаспор в структуре этнической журналистики: автореферат... канд. филологических наук. М., 2007.

Губогло М.Н. Может ли двуглавый орел летать с одним крылом? Размышления о законодательстве в сфере этногосударственных отношений. М., 2000.

Дробижина Л.М. Политические и социальные ориентации этнических групп как фактор межэтнической

границы // Социальная и культурная дистанции. Опыт многонациональной России / отв. ред. Л.М.Дробижина. М., 1998.

Дятлов В.И. Трудовые миграции и процесс формирования диаспор в современной России // Трудовая миграция в СНГ: социально-экономические эффекты / отв. ред. Ж.А. Зайончковская. М., 2003.

Зорин В.Ю. Размышления о национально-культурной автономии // Жизнь национальностей. 2010. № 3.

Иммигранты в Москве / ред. Ж.А. Зайончковская; Институт Кеннана. М., 2009.

Ишмухамедов Ш.А. Этнические аспекты на выборах в мажилис Республики Казахстан. www.kisi.kz.

Калинина К.В. Национальные меньшинства в России. Программа «Модель демократии для России». М.: РАГС, 1999.

Кондакова Н. Разноязычная пресса России // Пресса и этническая толерантность: пособие для журналистов. М., 2000.

Кондратьева Т. Диаспоры в современном мире: эволюция явления и понятия // Фонд «Исторические перспективы» <<http://www.perspectivy.info>>

Левин З.И. Менталитет диаспоры. Системный и социокультурный анализ. М.: ИВ РАН, 2001.

Лурье С.В. Историческая этнология. М., 1998.

Малькова В.К. Этнические аспекты журналистики: из опыта анализа российской прессы. М., 2004.

Малькова В.К. Полиэтническая Москва в начале нового тысячелетия. Как видит и показывает ее столичная пресса. М., 2007.

Материалы конференции «Этнические медиа России». Саранск, июнь 2007. <www.rusnations.ru> .

Миграции и новые диаспоры в постсоветских государствах / под ред. В.А.Тишкова. М., 1996.

«Муслим-пресс» — Информационное агентство. Ассоциация мусульманских журналистов <www.muslimpress.ru>.

Нагорная М.А. Проблемы национально-культурной автономии // Национальный вопрос и государственное строительство: проблемы России и опыт зарубежных стран. М., 2001.

Никитин В.А. К понятию диаспоры. М., 1997.

Новые этнические группы в России. Пути гражданской интеграции / под ред. В.В.Степанова и В.А.Тишкова. М.: ИЭА РАН, 2008.

Основы национальных и федеративных отношений. М., 2001.

Орлов А.А. Иммиграционный бум. Где решение проблемы? // Международная жизнь. 2002. № 12.

Постсоветские трансформации: отражение в миграциях / под ред. Ж.А. Зайончковской и Г.С.Витковской. М.: ЦМИ, 2009.

Потенциал диаспоры // Газета «Азербайджанский Конгресс». 2008. № 8.

Радио «Свобода», программа «Евразия». 12.06.02. <www.svoboda.org>.

Савва М.В. Новые диаспоры Краснодарского края. Краснодар, 2006.

Сид И. Станут ли национальные СМИ сильной картой в большой игре? //Со-Общение. 2005. Март.

Соколовский С.В. Перспективы развития концепции этнонациональной политики в Российской Федерации. М., 2006.

Спектор Р.И. Диаспора как путь этнической приватизации истории. М., 1999.

Тишков В.А. Исторический феномен диаспоры// Этнографическое обозрение. 2000. № 2.

Тишков В.А. On-line конференция. 18.05.07. <www.mediakratia.ru>.

Тишков В.А. Газета «Комсомольская правда». 12.11.07.

Тишков В.А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003.

Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. М., 1997.

Тишков В.А. Этнология и политика. Научная публицистика. М., 2001.

Тощенко Ж.Т., Чаптыкова Т.И. Диаспора как объект социологического исследования// Социс. 1996. № 12.

Юрьев С.С. Правовой статус национальных меньшинств (теоретико-правовые аспекты). М., 2003.

Barth F. The Analysis of Culture in Complex Societies// Ethnos.1989. Vol.54.

PR- специалисты озадачены развитием этнических СМИ. <www.Sovetnic.ru>.

The Yonge Street Review. 29.03.01. www.newcanada.com.

Савельев В.В. Национально-культурная автономия как форма этнокультурного самоопределения народов России: учебно-методическое пособие. М., 2008.

Хабриева Т.Я. Национально-культурная автономия: современные проблемы правового регулирования. <<http://www.lawmix.ru/comm/>>

Хабриева Т.Я. Проблемы совершенствования законодательства по национально-культурной автономии в Российской Федерации // Национальный вопрос и государственное строительство: проблемы России и опыт зарубежных стран. М., 2001.

Этничность. Национальные движения. Социальная практика. СПб., 1995.

В.И. Мукомель*

ВЫЗОВЫ ПОЛИТИКИ АДАПТАЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ МИГРАНТОВ

Переломить негативные тенденции сокращения численности населения России в обозримом будущем не удастся. По прогнозу Федеральной службы статистики, в 2011–2030 гг. население РФ сократится по «среднему варианту» на 2,7 млн человек. Особенно значимо сокращение трудовых ресурсов: численность населения в трудоспособном возрасте в этот период сократится намного больше — на 11,2 млн человек. Это около 15% занятых сегодня в экономике России. (Причем в этих расчетах уже учтена значительная иммиграция, существенно превышающая современную: saldo иммиграционного прироста составит 7,5 млн человек). Особенно критической будет ситуация в 2012–2017 гг., когда численность населения в трудоспособном возрасте будет ежегодно сокращаться более чем на 1 млн человек¹.

Нарастающие, наряду с демографическими вызовами, социально-экономические и геополитические вызовы требуют коррекции миграционной политики, четкого осознания, что иммиграция для России — не вопрос выбора, а вопрос необходимости. Однако массовый приток иноэтничных мигрантов станет серьезным вызовом, если не удастся обеспечить их адаптацию и интеграцию.

В настоящее время имеются определенные социокультурные ограничения политики интеграции. На фоне долгосрочных, слабо подверженных изменениям факторов (специфический исторический опыт и традиции межкультурного взаимодействия принимающего населения; особенности и стереотипы общественного сознания россиян), в настоящее время особое значение приобретают: низкий интеграционный потенциал принимающей среды, противодействие принимающего населения локальных социумов; слабые адаптивные возможности части мигрантов; социальные практики взаимодействия принимающего населения с мигрантами.

Интеграционный потенциал принимающего общества

Интеграция мигрантов — как процесс встречного движения культур принимающего социума и культур мигрантов, смешение культурных норм и ценностей, изначально функционировавших сепаратно и, возможно, противоречащих друг другу, — предполагает «размывание» границ между принимающим сообществом и мигрантами. Эти границы, маркерами которых выступают культурно-символические и социально-экономические различия, достаточно условны и подвижны. Однако присущая российскому социуму мифологизация культурно-символических различий является важнейшим фактором распространения ксенофобных настроений, затронувших все слои российского общества.

Лозунг «Россия для русских!», по опросам социологов, поддерживается большинством респондентов. Такие настроения устойчивы в российском обществе, по крайней мере, с начала 2000-х годов. Если в 1998 г. слоган «Россия для русских!» в той или иной мере поддерживали 43% респондентов, а в 2002 г. — 49, то в последующие годы его поддержка, за исключением 2006 г., не опускалась ниже 53%, достигнув максимума в 58% в январе 2011 г.²

С ксенофобией сталкиваются представители всех «видимых меньшинств». Однако в первую очередь ксенофобии проецируются на представителей мигрантских, не традиционных для данной местности меньшинств. Особое неприятие вызывают выходцы из Южного Кавказа, Северного Кавказа, Средней Азии, Юго-Восточной Азии. (При том, что обыватель, в массе своей, не различает национальность конкретного мигранта: «они все на одно лицо». Как заметил один респондент, «не люблю китайцев, даже если это таджики»).

* Мукомель В.И. — профессор Института социологии РАН

Россияне полагают, что численность мигрантов чрезмерна: в массовом опросе 46% респондентов ответили, что «мигрантов много», еще 22% респондентов отметили, что мигрантов «слишком много» в их населенном пункте³.

Не хотели бы видеть среди своих соседей выходцев из государств Средней Азии 49,1% респон-

дентов, из государств Закавказья — 50, из стран ЮВА — 53,3, выходцев из регионов Северного Кавказа — 51,3% респондентов. Относительно толерантны россияне лишь к выходцам из Украины и Молдовы (табл.1).

Таблица 1 — Распределение ответов на вопрос «Как бы Вы отнеслись к тому, чтобы рядом с Вами поселилась самая обычная семья приезжих из...», %

	Положительно, скорее положительно	Спокойно, безразлично	Отрицательно, скорее отрицательно
Украины	30,9	55,1	14,1
Молдовы	25,2	55,9	18,9
Северного Кавказа	11,4	37,3	51,3
Государств Закавказья	11,5	38,5	50,0
Средней Азии	11,2	39,7	49,1
Юго-Восточной Азии	9,2	37,5	53,3

Источник: ЦЭПРИ-РМЭЗ, ноябрь 2008, 11 877 респондентов

Ограничительная миграционная политика поддерживается подавляющим большинством россиян: 55% согласились бы с запретом принимать мигрантов на постоянное проживание в своем населенном пункте, 48% — с запретом на временное проживание.

В более позднем опросе Левада-Центра (сентябрь 2010 г.) 37% респондентов солидаризировались бы с ограничением проживания на территории России выходцев с Кавказа, около трети — выходцев из Юго-Восточной Азии и 27% — из Средней Азии⁴.

Как следствие — россияне считают, что мигранты России не нужны.

Таблица 2 — Распределение ответов на вопрос «В каких мигрантах нуждается Россия?», %

Нашей стране нужны только те мигранты, которые хотят остаться здесь жить навсегда	15,4
Стране нужны только те мигранты, которые приезжают только на заработки и не собираются здесь жить постоянно	16,0
Стране нужны и те и другие мигранты	14,4
Стране не нужны ни те, ни другие мигранты	37,5
Нет ответа	16,7

Источник: ЦЭПРИ-РМЭЗ, ноябрь 2008, 11 877 респондентов

Антимигрантские настроения становятся ключевым элементом общественного сознания. Россияне верят, что приток мигрантов размывает культурное ядро локальных сообществ.

В российском дискурсе особое внимание уделяется угрозам социально-политической и экономической стабильности в локальных местностях приема иммигрантов, возможным конфликтам между иммигрантами и принимающим населением.

Россияне достаточно скептически относятся к перспективам интеграции мигрантов. Тезис, что местные «никогда не будут считать мигрантов своими», поддержали 53% астраханцев и 50% самарцев, большинство из них не посоветовало бы

мигрантам переезжать на постоянное жительство в их город⁵.

Адаптационный потенциал иммигрантов

Настроения принимающего населения резко контрастируют с настроениями и ожиданиями самих мигрантов, большинство которых оптимистично оценивают отношение к ним местного населения и перспективы интеграции. («Все нормально абсолютно, к нам относятся нормально, и мы — нормально»; «Много друзей, хорошие соседи. У меня никаких проблем»).

Работодатели отмечают стремление мигрантов интегрироваться и осесть в России, а также рост подобных настроений. («Многие мигранты хотят

остаться в РФ», «Все больше мигрантов хотят постоянно жить в России», «Тех, кто планирует остаться в РФ, будет становиться все больше»). Две трети азербайджанских и половина таджикских трудовых мигрантов, опрошенных в Астрахани и Самаре, однозначно связывают свое будущее с Россией⁶. Среди киргизских и узбекских мигрантов, позже появившихся на российских рынках труда, также распространены интеграционные настроения⁷.

Мотивы мигрантов различны: играет роль не только большой разрыв в уровне и условиях жизни между Россией и теми государствами, откуда они прибыли, но и неприятие частью мигрантов социального обустройства на родине, клановости, трайбализма, отсутствие перспектив выбиться в люди, профессионального роста, наконец, просто желание «жить по-европейски».

Существенное значение в формировании ориентаций на адаптацию/интеграцию к принимающему социуму играют не только исторический опыт и традиции конкретной этнической группы. Особое значение приобретают цели, которые ставит перед собой мигрант, определяющие соответствующий тип миграционного поведения: ориентацию на постоянное проживание или заработка (временная трудовая миграция).

Наибольшую готовность к интеграции проявляют те мигранты, которые стремятся к вложениям в «человеческий капитал». Заработок для них столь же важен, как и для временных трудовых мигрантов — циркулярных или сезонных (табл. 3). Однако спектр задач, которые они ставят для себя и намерены решить в России, существенно больше.

Таблица 3 — Распределение ответов на вопрос «Какие надежды, планы были связаны у Вас с приездом в Астрахань/Самару?» среди мигрантов с разными жизненными планами (доля ответивших положительно по каждому пункту, процент, возможны несколько ответов)

Планы приезда связаны с тем, чтобы ...	Жизненные планы, % ответившие		
	Останусь в России навсегда	Поработаю год-другой и вернусь на Родину	Заработаю денег и через несколько месяцев вернусь домой
Найти интересную работу	63,8	82,9	55,8
Заработать денег для себя и родственников	87,2	94,7	53,7
Сделать быструю карьеру	51,1	13,9	5,3
Открыть свое предприятие, магазин и т.п.	60,6	41,3	41,1
Продолжить образование	38,3	14,6	3,2
Приобрести профессию, повысить квалификацию	46,8	23,8	9,5
Устроить личную жизнь	53,2	27,4	45,3
Жить более независимо	77,7	38,1	47,4

Источник: ИС РАН, Астрахань, Самара, 2010, 604 респондента (киргизы, узбеки)

Они нацелены на карьеру (55,1% среди намеренных остаться в России против 13,9% среди циркулярных мигрантов и 5,3% — среди сезонников), продолжение образования (соответственно, 38,3; 14,6 и 3,2%), приобретение профессии и повышение квалификации (соответственно, 46,8; 23,2 и 9,5%).

Огромную роль играет уже накопленный человеческий капитал. Среди мигрантов из Средней Азии с высшим образованием, работавших в Астрахани и Самаре, доля намеревавшихся

остаться в России навсегда составляла 48% против 14% — среди имевших среднее образование и ниже (табл.4). (Практически каждый пятый мигрант намерен остаться в России навсегда. Вероятно, интеграционный потенциал мигрантов еще выше: по мере первичной адаптации и увеличения срока проживания в России происходит переоценка жизненных планов, и часть мигрантов, изначально нацеленных на временное пребывание в России, стремится уже осесть здесь навсегда).

Таблица 4 — Жизненные планы мигрантов с разным уровнем образования

Образование респондента	N	Жизненные планы,% ответившие			
		Останусь в России навсегда	Поработаю год-другой и вернусь на Родину	Заработаю денег и через несколько месяцев вернусь домой	Итого
Начальное, незаконченное среднее	130	14	62	28	100
Среднее	171	14	61	25	100
Среднее специальное	79	28	61	11	100
Незаконченное высшее	37	30	60	11	100
Высшее, ученая степень	43	48	46	7	100
Итого	460	20	60	20	100

Источник: ИС РАН, Астрахань, Самара, 2010, 604 респондента (киргизы, узбеки)

При этом часть мигрантов, особенно молодых, приезжающих на заработки из сельской местности, не обладающих знаниями, квалификацией, плохо владеющих русским языком, и не стремятся к адаптации в России. Важно, что в Россию все больше прибывает мигрантов из патриархальных сообществ с иной культурой планирования биографии и принятия решений. Все чаще мы сталкиваемся с тем, что мигрант приезжает не вследствие индивидуального выбора, а по решению семьи, рода, клана. Именно поведение этих мигрантов, плохо знакомых с традициями и нормами поведения принимающего сообщества, вызывает осуждение местных жителей⁸.

Важнейшим фактором реализации адаптационных установок мигрантов является эффективность их первичной адаптации; для мигрантов особо значимо быстрое и успешное включение в рынок труда и решение проблемы жилья.

Социальные практики первичной адаптации мигрантов существенно отличаются от формальных, нормативно предписанных процедур. Плохая организация и сопряженные с этим затраты времени стимулируют мигрантов прибегать к помощи посредников для получения необходимых документов, при поиске работы, жилья. Сформировался своеобразный теневой рынок услуг с многомиллиардными оборотами, составляющими не менее 20 млрд руб. (2008 г.). Наряду с разовыми выплатами за получение разрешительных документов и поиск жилья серьезным обременением для мигрантов являются постоянные выплаты посредникам за поиск работы и решение проблем с работодателем, составляющие ежемесячно 10–15% зарплаты.

Предпринятые во время кризиса меры (сокращение квот разрешений на работу, искусственные ограничения доступа к процедуре получения таких разрешений) еще больше затрудняют возможности

легализации для трудовых мигрантов и способствуют их социальной исключенности.

Принимающая среда способна как тормозить, так и стимулировать адаптационные ориентации мигрантов. Сегодня обострились две проблемы. Во-первых, социальные, экономические, культурные институты, призванные обеспечивать социализацию населения, слабо ориентированы на социализацию мигрантов, прибывающих из других социумов. Во-вторых, нарастающий рост насилия по отношению к мигрантам.

По самым осторожным подсчетам, количество жертв расистского и ксенофобно ориентированного насилия в последние годы составляет ежегодно около 500–600 человек, из которых гибнет каждый шестой.

Деятельность молодежных группировок, нападающих на приезжих из Азии, с Кавказа («скинхедов» и им подобным), одобряют, в той или иной мере, лишь 2% респондентов. Наряду с апелляцией к порядку («мы не расисты, мы просто хотим, чтобы порядок был»), среди их сторонников распространены и расистские настроения. Диалог с молодежью на фокус-группе: «Антипатия — не антипатия, а разные расы, разные как бы не то, что расы, даже тело как бы». — «Разный цвет кожи». — «Физические такие разногласия».

Категорически не одобряет их деятельность 71% опрошенных. («Не имеют они никакого права вести расправу, убивать людей»). Еще 10% респондентов «скорее не одобряет»: «Есть что-то такое, да, но не такими способами».

Однако общественные настроения меняются чрезвычайно быстро. Прошедшие в декабре 2010 года массовые антикавказские выступления в центре Москвы и нескольких десятках других городов России продемонстрировали огромный потенциал социально ориентированных протестных настроений, принимающих форму межэтнического противостояния⁹.

Опасность для общества представляет не столько возможная эскалация насилия, причем с обеих сторон, сколько смирение с делением «мы — они», способствующим социальной исключенности мигрантов и затрудняющим адаптацию последних.

Социальные практики взаимоотношений населения с этническими мигрантами

Социальные практики взаимодействия властей и принимающего населения с мигрантами, определяющие успешность адаптации мигрантов, существенно отличаются от формальных, нормативно предписанных процедур. Особо значимы для мигрантов дискриминационные практики на рынках труда и жилья, жизненно важных для мигрантов. Повседневные практики получения разрешений на работу, поиска работы, постановки на миграционный учет и получения медицинских документов способствуют формированию теневых бизнес-структур, тесно взаимосвязанных с государственными органами. Идет процесс институционализации неправовых практик основных субъектов политики интеграции, способствующий социальной исключенности этнических мигрантов.

Отношение к мигрантам определяют рынки и маршрутка. Опрошенные отмечают, что часто встречаются с мигрантами на рынках (78% респондентов), на улицах, в транспорте, в магазинах, других общественных местах — 67%. («Их видишь всюду — на рынке, в маршрутке, на улице и т.д. Просто надоели»).

Несколько реже контакты с мигрантами, работающими продавцами в магазинах, дворниками (65–75% респондентов отмечают, что в этих сферах встречи с мигрантами редки либо не очень часты). Крайне редки встречи респондентов с мигрантами, которые работали бы медиками или преподавателями.

Представления о мигрантах, преобладающие в общественном мнении, — в значительной мере конструкт, базирующийся не на личном опыте, а сформированный социальной средой, особенно информационным пространством. (Плюс, конечно, массовая культура, выступления отдельных публичных политиков и «интеллектуалов». Вмешивается и политика: один респондент так обосновал нежелание видеть среди соседей украинцев — «ничего на Россию бочки катить»).

Общественные настроения и политика — одно, собственная выгода — другое. Россияне все чаще привлекают мигрантов к работам, которые несподручно либо невозможно сделать самому или используя местных работников. Масштабы использования труда мигрантов россиянами — физическими лицами впечатляют: судя по результатам исследования, не менее 3,5 млн взрослых россиян имеют опыт такого найма, в т. ч. около 1 млн человек — в прошлом году.

Один респондент резюмировал преимущества мигрантов: «И выгодно, и деваться им некуда, и не воруют».

Опыт трудовых контактов с мигрантами серьезно изменяет настроения респондентов. 37% нанимавших мигрантов полагают, что страна нуждается в трудовых мигрантах, а 30% — и в трудовых мигрантах, и в иммигрантах, еще 7% — только в иммигрантах. Лишь каждый четвертый из них считает, что России не нужны мигранты. (Политизированность обиденного сознания, представления о доминировании государственных интересов над групповыми и личными наглядно отразились в ходе обследования. Особо распространена точка зрения, что никакие мигранты России не нужны, среди жителей тех мест, где мигрантов нет, 55% из них придерживается этого взгляда).

Среди имеющих опыт найма почти две трети — против запрета принимать мигрантов на временное проживание. Однако благосклонность к трудовым мигрантам не распространяется на тех, кто переселяется на постоянное проживание, на их отношение к возможному соседству с мигрантами. Ничего личного...

Актеры политики интеграции

Разные категории мигрантов в разной степени нуждаются в интеграции. Для одних групп достаточно первичной адаптации (трудовые мигранты), тогда как другие (репатрианты, иммигранты) нуждаются в интеграции. Политика интеграции должна быть дифференцирована по отношению к этим разным группам мигрантов и основываться на четких и транспарентных процедурах языковой, культурной, социальной, экономической адаптации и интеграции. Следует выстраивать систему адаптации и интеграции, предполагающую селекцию мигрантов и, одновременно, предоставляющую мигрантам возможность планирования биографии с учетом предоставляемых возможностей.

Меньше всего нуждаются во вторичной социализации репатрианты-соотечественники, прекрасно владеющие русским языком, знающие российскую культуру. Однако и они нуждаются в социальной, культурной и экономической адаптации.

Гастарбайтеры, ориентированные исключительно на заработок, нуждаются хотя бы в элементарном знании языка, традиций, культуры и норм поведения принимающего социума.

Если прием иммигрантов сопряжен с проблемами сегодняшними, то прием гастарбайтеров — с проблемами завтрашнего дня. Масштабы потоков иммигрантов, репатриантов и временных трудовых мигрантов несоразмерны: в последнее время численность иммигрантов колебалась от 270 тыс. до 280 тыс. чел. ежегодно¹⁰, численность репатриантов (2007–2010 гг.) составила 31,1 тыс. человек¹¹. Тогда как численность трудовых мигрантов измеряется миллионами: в 2008 г. — 4,8 млн чел., в 2009 г. — 4,0 млн чел.¹².

Знакомство мигрантов с традициями, обычаями, культурой местного населения, элементарные знания о функционировании социальных институтов принимающего общества — основа успешности политики адаптации и интеграции мигрантов, ключ к предотвращению конфликтных ситуаций между ними и местным населением. И важнейшая проблема — распределение компетенции между различными акторами политики интеграции. К таковым могут быть отнесены не только федеральные и региональные органы государственной власти, органы местного самоуправления, но и НПО, работодатели и бизнес-структуры, специализирующиеся на бизнес-сервисе.

Ключевые вопросы: кто и как должен участвовать в политике интеграции, в чем специализация, каковы компетенция и полномочия разных акторов этой политики? Вероятно, необходимо переносить акцент на низовой уровень.

Фундаментальные проблемы политики интеграции

Политика интеграции обречена на провал без трансформации социальной среды. Каналы распространения ненависти к «чужим» известны:

масс-медиа, выступления публичных политиков, массовая культура, особенно молодежная субкультура, отдельные представители интеллектуалов. Перекрыть эти каналы — необходимое, но не достаточное условие.

Необходимо решать фундаментальные проблемы: определиться со стратегией развития России (ориентация на русско-православное культурное ядро и ограничение миграции, привлечение мигрантов и их интеграция); создать механизмы согласования интересов различных акторов политики интеграции (федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов, органов местного самоуправления, работодателей, бизнес-структур, принимающего населения, мигрантов); разграничить компетенции акторов; реформировать социальные институты, организовать общественный контроль над функционированием социальных и политических институтов, призванных противодействовать ксенофобии и дискриминации.

Без трансформации социальной среды и серьезных институциональных преобразований — даже при наличии продуманной и прозрачной политики интеграции — такая политика обречена на провал.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Рассчитано по: Предположительная численность населения Российской Федерации до 2030 года. М.: Федеральная служба государственной статистики, 2009 // http://www.gks.ru/wps/PA_1_0_S5/Documents/jsp/Detail_default.jsp?category=1112178611292&elementId=1140095525812

² Левада-Центр, <http://www.levada.ru/press/2011020407.html>

³ Исследование проведено в ноябре 2008 г. сотрудниками Института социологии РАН (ИС РАН) и Центра этнополитических и региональных исследований (ЦЭПРИ) на базе Российского мониторинга экономики и здоровья населения (РМЭЗ), 11864 респондента. Здесь и далее, если не оговорено, приводятся результаты данного исследования.

⁴ О депортации цыган из Франции. Левада-Центр, 14.10.2010 // <http://www.levada.ru/press/2010101401.html>

⁵ ИС РАН, 2009 г., 606 респондентов.

⁶ ИС РАН, Астрахань, Самара, 2008, 422 респондента.

⁷ ИС РАН, Астрахань, Самара, 2010, 600 респондентов.

⁸ В то же время большинство респондентов не может сформулировать, чем поведение местных жителей лучше, чем поведение мигрантов (Опрос ИС РАН, 2009 г., Астрахань, Самара, 606 респондентов).

⁹ 22% респондентов, опрошенных социологами, поддерживают подобные выступления, 57% осудили эти выступления, 24% респондентов затруднились с ответом. (Общественное мнение — 2010. М.: Левада-Центр, 2011. С. 194).

¹⁰ В 2010 г. приток иммигрантов существенно снизился — до 192 тыс. человек.

¹¹ Мониторинг реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, на территориях вселения субъектов Российской Федерации в период 2007–2010 гг. <http://www.fms.gov.ru/programs/fmsuds/files/monitoring.pdf>

¹² Консенсус-оценка численности трудовых мигрантов в России, «Консенсус-оценка 9.4.0» // <http://indem.ru/ceprs/Migration/OsItExSo.htm>

С.К. Олимова*
М.А. Олимов*

ТАДЖИКСКИЕ МИГРАНТЫ В ПРОСТРАНСТВЕ РОССИЙСКИХ ГОРОДОВ

История трудовой миграции из Таджикистана в Россию насчитывает чуть более 15 лет, тем не менее, она оказала огромное воздействие на все стороны жизни в Таджикистане и определенное — на жизнь больших российских городов, где трудится большинство таджикских мигрантов. В последние годы таджикская трудовая миграция в Россию привлекает внимание многих исследователей. Однако некоторые ее стороны по-прежнему слабо изучены. В их числе семейно-брачное и сексуальное поведение мигрантов в стране приема и на родине. Эта сторона очень важна для понимания таджикской трудовой миграции как отдельного феномена, так как подавляющее большинство трудовых мигрантов — это молодые мужчины, которые покидают своих жен и семьи, чтобы найти работу за рубежом. Неудовлетворенные физические и эмоциональные потребности заставляют мигрантов создавать новые социальные сети и отношения, которые играют роль агентов адаптации и в ряде случаев — интеграции в принимающее общество.

В то время как 76% таджикских мигрантов — выходцы из села, 95% мигрантов работают в крупных российских городах. Преимущественно сельские жители, мигранты испытывают трудности в процессе адаптации к городским условиям в России и в то же время отрываются от социокультурных норм своего общества. Попадая в условия эксплуатации, ксенофобии, дискриминации, мигранты могут маргинализироваться, и это происходит как в период поездок, на месте назначения, так и/или после возвращения домой. Адаптируясь так или иначе в стране приема, мигранты меняют свое поведение, в том числе сексуальное, приспособившись и к условиям страны пребывания, и к условиям и характеру самой миграции. Настоящая работа посвящена изучению брачного и сексуального поведения

мигрантов из Таджикистана в российских городах. Основным исследовательским вопросом является характеристика изменений, которые претерпело семейно-брачное и сексуальное поведение таджикских мигрантов в ходе формирования адаптационных практик.

Методология

В основе работы лежит эмпирический материал, собранный в ходе двух поведенческих исследований таджикских мигрантов, осуществленных при поддержке МОМ в 2005–2006 гг. и в 2010 году.

Для сбора материала в 2005–2006 гг. были использованы количественные методы, которые включали опрос 4 групп: а) вернувшихся в РТ мигрантов — 400 чел.; б) мигрантов, работавших в России на момент опроса — 70 чел.; в) мигранток в России — 30 чел.; г) жен мигрантов в РТ — 70 чел. В опросе использовались 3 вида опросников — для мигрантов, мигранток и жен мигрантов. Основной опросник для мигрантов состоял из 186 вопросов. Опросы были проведены в Республике Таджикистан и в г. Москве и Московской области. Женщины-мигрантки в Москве были опрошены методом самозаполнения анкеты. На территории Республики Таджикистан каждое интервью сопровождалось тестированием на ВИЧ, сифилис и гепатит С методом сухой капли крови.

В 2010 г. был проведен количественный опрос вернувшихся в РТ мигрантов (350 респондентов) и их жен (36 респондентов) по двум анкетам, аналогичным анкете 2005–2006 гг. Содержание анкет было изменено в двух блоках: были изъяты разделы, характеризующие экономику мигрантских домохозяйств, и включен раздел об отношении к здоровью в целом и о доступе к медицинской помощи на рабочем месте. Всего опросник для мигрантов содержал 188 вопросов. Кроме того, были проведены 12 фокус-групповых дискуссий

* Олимова С.К. — профессор Научно-исследовательского центра «Шарк» (Республика Таджикистан)

* Олимов М.А. — профессор Научно-исследовательского центра «Шарк» (Республика Таджикистан)

(ФГД). В обоих исследованиях также были использованы экспертные интервью.

Ограничения. Адаптация и интеграция мигрантов во многом зависит от целей миграции и от типа мигрантов. В своем исследовании мы выделили 4 группы мигрантов.

А. Долговременные мигранты 1: отсутствуют в стране больше двух лет и за это время не посещали Таджикистан.

В. Долговременные мигранты 2: ездят за рубеж больше двух лет и периодически посещают родину, находясь там от нескольких дней до нескольких месяцев.

С. Кратковременные (сезонные) мигранты: работают за рубежом сезон — несколько месяцев в году (до 10 месяцев), в остальное время находятся дома.

Д. Мигрируют недавно (менее двух лет назад), в первый или второй раз и еще не определились с миграционной стратегией.

Данное сообщение основано на материале, собранном на базе изучения последних трех групп мигрантов, так как первая группа — долговременные мигранты, которые редко посещают

родину, в том числе те, кто мигрирует вместе с семьей, трудно достижима для исследования в Таджикистане.

Результаты исследования

Изменения профиля миграции. Прежде всего, отметим, что трудовая миграция — исключительно динамичное явление. Она отражает изменения демографического профиля, политики и законодательства на родине и в странах приема, маршрутов транспортировки, колебания на внутреннем и внешнем рынке труда. Все это можно видеть в таблице 1. За 5 лет масштаб миграции значительно вырос, при этом увеличилась доля сельских жителей, ухудшился образовательный уровень мигрантов. В то время как доля сезонных строителей, работающих в Москве и Московской области, выросла, доля мигрантов, работающих в торговле, а также тех, кто имел свое дело в России, заметно сократилась (с 8,9% в 2005 г. до 2,4% в 2010 г.).

Вдвое увеличилось число легальных мигрантов, что связано с либерализацией миграционного законодательства в России в 2007 г.

Таблица 1 — Изменения профиля мигрантов с 2005 по 2010 гг.

	Мигранты, 2010 (%)	Мигранты, опрошенные в РТ(%), 2006
Численность трудовых мигрантов из Таджикистана	800 тыс. — 900 тыс. человек	460 тыс. — 630 тыс.
Молодые мужчины (18–39 лет), которые мигрируют без семей	74,5%	71,5%
Выходцы из села	76%	72,2%
Строители	56%	47,2%
Сезонники	73,1%	67,6%
Работают в Москве и Московской области	42,3%	30,7%
Легально занятые	80,3%	45,2 %

В целом изменения профиля таджикских мигрантов демонстрируют ответ на ухудшение положения в сельском хозяйстве Таджикистана и рост потребностей рынка труда России в иностранной рабочей силе. Наибольший спрос на иностранных рабочих наблюдается в столичном строительстве. Увеличение доли строителей, грузчиков, работников транспорта, которые часто работают сезонно, объясняет рост числа сезонников и увеличение доли мигрантов, которые приезжают в Россию без семей.

Данные опросов также показали, что в России сформировались доминирующие практики использования мигрантов — это привлечение и эксплуатация молодой мужской малоквалифицированной рабочей силы с помощью жесткого контроля со стороны работодателей, властей, правоохранительных органов с использованием неформальных институтов и практик. Отмечен-

ные изменения ведут к дальнейшей изоляции или полуизоляции мигрантов, ограничивают возможности интеграции в принимающее общество и формируют специфику их матримониального, сексуального и прокреативного поведения.

Матримониальное поведение мигрантов. 93% таджикских мигрантов — мужчины. Уровень брачности среди них высокий — 89% состоят в браке. Мигрантские домохозяйства больше по размеру, чем немигрантские (Brown, Olimova, and Boboev, 2008) и чаще всего представляют собой традиционные экономико-производственные единицы, вписанные в состав расширенной семьи или родовой общины — авлода (Олимова, Боск, 2003: 100–101). Поэтому роль старших членов семьи в устройстве браков исключительно важна. Подавляющее большинство респондентов сообщили, что браки были устроены старшими родственниками по их выбору или с их участием при выборе брачного партнера. Большая

часть опрошенных мигрантов — 82,0% — женаты и ездят на заработки без супруг, которых оставляют дома или в домохозяйствах родственников-мужчин. 10% были холосты, и только 4,9% находились за рубежом вместе с супругой. Опрос зафиксировал неопределенность семейного статуса у 3,2% мигрантов: 1,2% указали, что женаты, но живут раздельно с супругами, 2% вообще отказались отвечать на вопрос о семейном статусе.

Сравнение с данными 2002 (С. Олимова, И. Боск, 2003:32) и 2006 г. показало, что число тех, кто выезжает на работу вместе с женами, сокращается: если в 2002 г. на зарубежную работу с женами поехали 7%, то в 2006 г. таких было 5,9%, а в 2010 — 4,9%.

Почему женщины не мигрируют вместе с мужьями? Большинство мигрантов молоды и имеют молодых жен с маленькими детьми, нуждающимися в уходе. Исследования показали, что мигранты на выезде получают такую зарплату, которая не позволяет содержать семьи с неработающими женщинами и детьми в стране приема. Так же как и в других отправляющих странах, мигрантские домохозяйства Таджикистана сформировали так называемую транснациональную экономику. Она включает 2 части — зарубежную работу мужчин плюс производство продовольствия и услуг женщинами и детьми в семейном хозяйстве на родине. При этом члены домохозяйства рассматривают трудовую миграцию в рамках традиционных гендерных ролей, где мужчина — добытчик, поэтому женщины безропотно остаются дома, несмотря на эмоциональные трудности и увеличение объема их обязанностей после отъезда мужа. Независимо от статуса и позиции, члены домохозяйства выработывают согласованное позитивное отношение к миграции, которое направлено на защиту интересов домохозяйства в целом. Этот консенсус включает и негласное признание права на сексуальные контакты в период работы за рубежом.

Социальные контакты мигрантов вне работы.

Исследование показало, что большинство таджикских мигрантов работает в крупных российских городах и живет там изолированными и полуизолированными гомогенными в половом отношении группами с очень высоким уровнем внутригрупповых контактов, а также связей с оставшейся на родине семьей. Во время последней поездки вместе со своими друзьями проживали 59,1% респондентов, с родственниками — 27,4%; одни — 7,7% респондентов. Только 3,4% респондентов находились с женой в течение всего периода зарубежной работы и 2% жили со второй женой/постоянной партнершей. Контакты с принимающим обществом, как правило, ограничиваются общением с коллегами по работе и представителями правоохранительных органов и ФМС. Еще слабее контакты таджикских мигрантов с мигрантами из других стран.

Свое крайне ограниченное свободное время мигранты по преимуществу отдают общению с друзьями, хозяйственным делам или просто отсыпаются: в свободное время 49,4% респондентов общаются с друзьями, 21,1% спят, 9,4% делают покупки, 7,7% смотрят телевизор, 4,3% занимаются спортом, 4% занимаются хозяйственными делами (стирают, убирают, готовят пищу), 2,6% посещают мечеть.

В опросе 2010 г. была поставлена задача изучить, кто входит в число друзей, с которыми мигранты могут поделиться своими проблемами, каково среднее число друзей у одного мигранта и как часто они встречаются. Опрос показал, что мигранты из Таджикистана, даже имея легальный статус, живут особняком, контактируя в основном со своими земляками. Только половина из них (50,9%) имеет друзей из числа местных жителей, и только треть (31,1%) общается с мигрантами из других стран.

Таблица 2 — Социальные контакты мигрантов вне работы

Есть ли на выезде у Вас близкие друзья, с которыми Вы можете поделиться своими личными проблемами? Сколько таких людей?	Да (%)	Сколько таких людей? (в среднем)
Среди таджикстанцев	97,4	4–6
Среди мигрантов из других стран	31,1	1–3
Среди местных жителей (русских, других)	50,9	1–3

Частота общения с земляками значительно выше, чем с местными жителями или мигрантами из других стран. Если большинство мигрантов общается с друзьями из числа земляков ежедневно, то с друзьями из местных жителей — 1–2 раза в неделю, а с мигрантами из других стран — несколько раз в месяц.

Сексуальное поведение мигрантов за рубежом и на родине

Анализируя сексуальное поведение мигрантов за рубежом и на родине, следует иметь в виду, что в Таджикистане доминирует традиционная исламская сексуальная этика, которая предполагает, что сексуальные отношения до и вне брака запретны. Поэтому время начала половой жизни

как женщин, так и мужчин зачастую совпадает со временем вступления в брак. Средний возраст полового дебюта опрошенных мигрантов и в 2006, и в 2010 г. равнялся 21 году .

Говоря о собственной сексуальной жизни за последние 6 месяцев, 38,2% опрошенных мигрантов сообщили, что не вступали в половые отношения на выезде вообще, 22,2% имели сексуальные отношения со случайными партнершами, 11,5% — с женой/постоянной партнершей, 10% — с секс-работницами (РС). Диаграмма показывает наличие различных сексуальных партнеров на родине и за рубежом. Если на родине мигранты осуществляют половые контакты с женами и постоянными партнершами и только 4% сообщили о сексе с нерегулярными партнершами, то на выезде мигранты используют разнообразные сексуальные практики, включая секс-услуги.

Сравнение материалов опросов 2002, 2006 и 2010 годов показывает, что происходит некая

4% в 2010 г.); 2) в рамках гражданского брака или временного сожительства, где партнерша чаще всего является коллегой по работе, 3) случайные связи; 4) использование либо предоставление секс-услуг; 5) гомосексуальные связи.

В сложном положении находятся женщины-мигрантки. Часть из них находится в стране приема с мужьями, детьми или родственниками. Другие — не замужем или разведены. Некоторые вступают в половые отношения с другими мигрантами, образуя временные союзы, которые иногда существуют только в период работы за рубежом, а иногда превращаются в постоянный союз, брак. Материалы ФГД с мигрантками и данные опроса показали, что существует опасность вовлечения женщин в секс-услуги. Так, 4% опрошенных мигрантов сообщили, что пользовались сексуальными услугами, предоставляемыми мигрантками из Таджикистана.

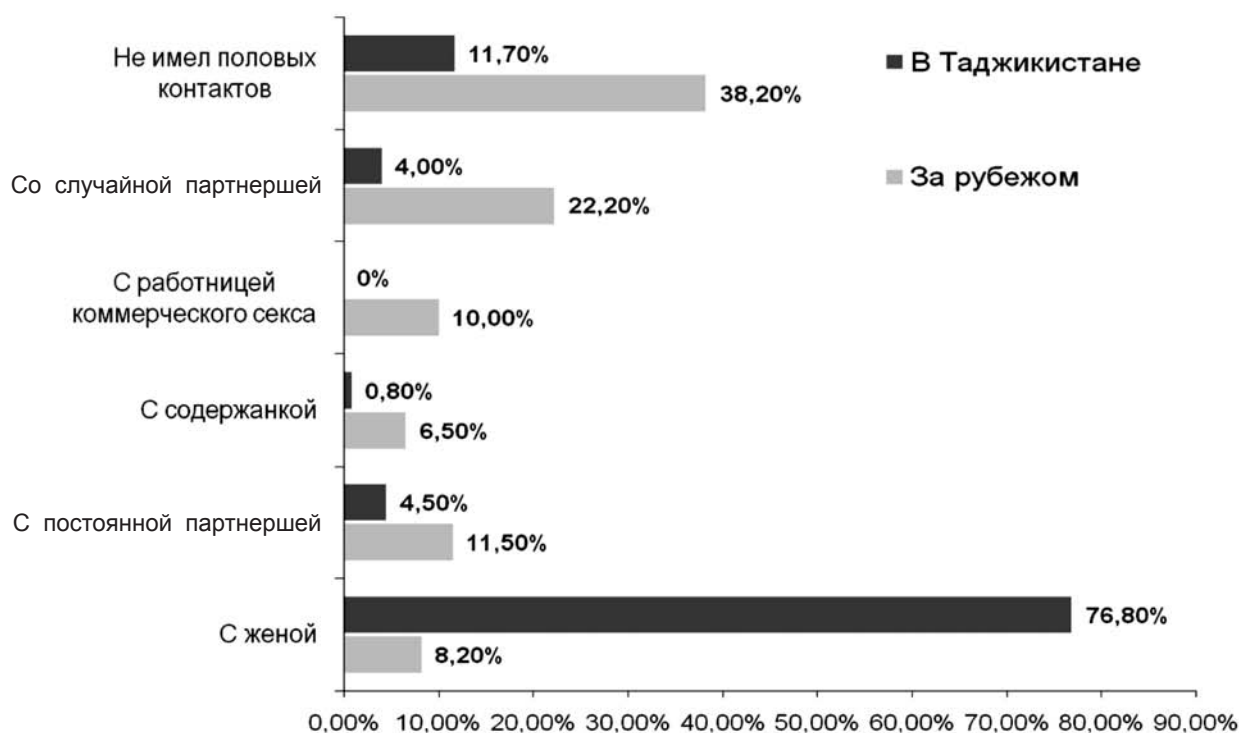

Рис. — Наличие разных половых партнеров в миграции и Таджикистане за последние 6 месяцев (n=350)

либерализация сексуальных отношений, связанная с трудовой миграцией. При сохранении традиционных норм растет число мигрантов, допускающих различные формы сексуального поведения.

Сексуальная активность мигрантов-мужчин в период зарубежной работы осуществляется не только в рамках легитимных брачно-семейных отношений, но и в следующих формах: 1) в рамках второго брака с русской женой за рубежом (7% опрошенных мигрантов в 2002 г., 4,5% в 2006 и

Наши мигрантки тоже сталкиваются с трудностями мигрантской жизни. В особенности те, кто одинок, без семьи. Бывают и семейные женщины, которые, оставив детей с мужем, приезжают на заработки. Некоторые в миграции позволяют себе «создать» новый временный союз с другим партнером, который также, оставив семью, один приехал на заработки. Мигрантки тем самым удовлетворяют свои финансовые и женские потребности. Некоторые из них после возвращения на

родину забывают об этом союзе, другие уходят из своих семей и т. д. Бывают случаи, когда мигрантки меняют много партнёров на протяжении периода зарубежной работы. Всё это способствует распространению различных инфекционных заболеваний.

Моя родственница уже давно живет в Екатеринбурге. Она вышла здесь замуж за таджика, родила сына. У него семья и дети на родине. Он периодически ездит к ним, посылает деньги. Жизнь на два фронта. Но я думаю, что так лучше, чем с кем попало.

Я также знаю случаи, когда мигрантка забеременела, её партнёр не дал ей денег на аборт, она родила и оставила своего ребёнка в роддоме. У неё на родине муж и двое детей.

Наиболее предпочтительной для патриархального общества Таджикистана является полигамия. Это многоцелевой институт. Издавна таджикские отходники и иммигранты использовали полигамию (т.е. установление брачных союзов с местными женщинами наряду с сохранением брака на родине) как основную стратегию интеграции в принимающее общество. На начальном этапе развития трудовой миграции в Россию (до 2003 года) она использовалась достаточно широко. Однако постепенно в ходе процесса стратификации в России и выделения нижних сегментов социальной лестницы для мигрантов возможности создавать легитимные или гражданские брачные союзы мигрантов с местными женщинами сократились до минимума. Одновременно распространились временные союзы мигрантов с так называемыми «подругами», включая мигранток, стала расширяться практика случайного секса и обращения к секс-услугам. В настоящее время в российских городах сформировалась развитая инфраструктура обслуживания мигрантов, включающая платные секс-услуги и являющаяся одновременно барьером и посредником между мигрантами и принимающим обществом.

Доступ к услугам РС. 10% респондентов указали, что на выезде обычно поддерживают половые контакты с РС. Чаще всего это происходит в местах проживания мигрантов либо на дому у РС, либо в притонах, массажных кабинетах, саунах. Материалы ФГД показали, что практически на всех больших стройплощадках существует инфраструктура обслуживания мигрантов, которая включает секс-услуги (вагончики с РС различного ценового уровня).

Контрацепция и безопасный секс. Обычно мигранты из Таджикистана редко используют презервативы в браке и достаточно часто с нерегулярными партнершами (случайными партнершами и РС). 70,2% респондентов, имевших половые контакты с нерегулярными партнершами в последние 6 месяцев, указали, что пользовались презервативом при последнем половом акте. При ответе на вопрос, для какой цели использовался презерватив при

контакте с нерегулярной партнершей, более 70% сообщили, что для профилактики ВИЧ и СПИД, остальные — с целью контрацепции.

В то же время только 16,9% респондентов, имевших половые контакты с женами/регулярными партнершами в последние 6 месяцев, использовали презерватив при последнем секс-контакте (ср. с 13,4% в 2006 г.). Причем треть из них использовала презервативы с целью контрацепции, треть — для профилактики ВИЧ и треть отказалась отвечать.

Исследование показало, что презервативы легко доступны и на работе за рубежом, и дома, однако существует прочное общественное предубеждение против использования презервативов в половых контактах с женами, в том числе и со вторыми. Это связано с тем, что характерная для таджикского общества семейно-пронатальная сексуальность подчинена потребностям рода, брак остается патриархальным, нацеленным на репродукцию. Мигранты сообщали, что считают позорным использовать презервативы в контактах с женой. В то же время контакты со случайными партнершами или сексработницами не преследуют репродуктивные цели, поэтому мигранты широко используют презервативы.

Семья в Таджикистане, включая мигрантские домохозяйства, — это прежде всего экономическая производственная единица с жестким разделением труда, строго определенными гендерными ролями. Парадигмальный сценарий сексуальной жизни таджикского общества воспроизводит патриархальную власть и строгий контроль над сексуальностью. Матримониальное, сексуальное и прокреативное поведение не обладает автономностью. Исключением являются отдельные очень узкие социальные страты. В то же время существуют большие группы людей, такие как трудовые мигранты, поддерживающие традиционные ценности и в то же время вынужденно прибегающие к различным сексуальным практикам. Как на родине, так и в России мигранты ориентированы на исключительно развитые неформальные мигрантские сети и институты, такие как землячества, бригады, патронаж, неформальные посредники в трудоустройстве, «крыши». В их среде идет постепенная либерализация сексуальности, которая носит не осознанный, а вынужденный характер и осуществляется в рамках адаптации к принимающему обществу, в меньшей степени затрагивая их поведение на родине.

Таджикские мигранты в российских городах представляют собой транснациональное сообщество, имеющее преимущественно сетевую природу и интегрированное в принимающее общество на условиях анклава.

Хотя на родине сохраняется патриархальная традиция в виде легитимного брака, границы допустимого на выезде становятся подвижными. Трудовая миграция не только резко расширила

пределы возможного, включив новые сексуальные практики, но и изменила отношение к ним. В настоящее время в ходе процесса адаптации идет переопределение и отбор допустимых сексуальных и брачных практик. Несмотря на то, что этот отбор имеет ситуационный и вынужденный характер, в его рамках происходит кодификация моделей семейно-брачного и сексуального поведения. Постепенно формируется неявное социальное признание одних форм сексуальных отношений, таких как вторые браки на выезде, нейтральное отношение к другим формам — гражданский брак

и временное партнерство, и порицание третьих форм — секс-услуги и гомосексуальные связи. Таким образом, границы нормы расширяются, но в рамках, очерченных традицией. При этом сексуальные практики мигрантов в России, являясь частью механизма адаптации к условиям миграции, остаются периферийными по отношению к доминирующему традиционному порядку. Тем не менее, масштаб трудовой миграции таков, что под ее влиянием происходит неявная либерализация сексуальных отношений в обществе Таджикистана в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Согласно данным Р. Брауна, С. Олимовой, и М. Бобоева (Brown, Olimova and Boboev (2008) среди трудовых мигрантов из Таджикистана преобладают молодые мужчины из сельской местности — 93,2% всех мигрантов из РТ — мужчины, 66,7% принадлежат к возрастной группе 16–34 года. Уровень образования мигрантов: 22,3% мигрантов имеют высшее образование и 76,2 % имеют среднее образование. Подавляющее большинство мигрантов (93%) мигрирует в Россию.

² Ежемесячный доход мигрантов за пределами РТ широко варьировался от 100 долл. до 2000 долл. США. По уровню среднемесячных доходов можно выделить 3 наиболее многочисленных группы: 1) самая большая группа — мигранты со средним доходом, зарабатывавшие в среднем от 400 до 600 долларов — 44,8%; 2) мигранты, с низкими доходами, зарабатывавшие от 100 до 300 долларов — 11,2%; 3) мигранты с высокими доходами, зарабатывавшие от 1000 до 2000 долларов — 9,2%.

ЛИТЕРАТУРА

Касымова С. Гендерный порядок в постсоветском Таджикистане: традиционализм перед лицом глобализации // Гендер: традиции и современность: сборник статей по гендерным исследованиям / под ред. С.Р. Касымовой. Душанбе, 2005. 198 с

Олимова С., Курбанова Р. Факторы уязвимости к ИППП и ВИЧ среди мужчин и женщин — трудовых мигрантов из Таджикистана // Сборник тезисов «Расширение доступа, профилактика, лечение и поддержка для всех», Вторая конференция по вопросам ВИЧ/СПИДа в Восточной Европе и Центральной Азии, Москва, 3–5 мая 2008. С. 345.

Тартаковская И. Введение: Постсоветский гендерный порядок в Центральной Азии и Южном Кавказе: неопатриархат или возрождение национальной идентичности? Гендерные исследования // Региональная антология исследований из восьми стран СНГ: Армении, Азербайджана, Грузии, Казахстана, Кыргызстана, Молдовы, Таджикистана и Узбекистана / под ред. И. Тартаковской. М.: ООО «Вариант» — ИСПГ, 2006. С. 5–21

Темкина А. Гендерный порядок: постсоветские трансформации (Северный Таджикистан) // Гендер: традиции и современность: сборник статей по гендерным исследованиям / под ред. С.Р. Касымовой. Душанбе, 2005. 198 с.

Brown, R., Olimova S., and Boboev M. (2008) «Country Report on Remittances of International Migrants in Tajikistan», in Study on International Migrants' Remittances in Central Asia and South Caucasus. Asian Development Bank. Available at: <http://www.adb.org/Documents/Reports/Consultant/40038-REG/40038-04-REG-TACR.pdf>

Kandiyoti D. (1988). Bargaining with Patriarchy, *Gender and Society*, vol. 2, N 3, p. 274–290.

Ortner S, Whitehead H (eds) . (1996) *Sexual Meanings, The Cultural Construction of gender and Sexuality*. Cambridge University Press.

Olimova, S., Bosc, I., Labour Migration from Tajikistan, Ed. IOM with Research Center «Sharq», Dushanbe, 2003, 120 p.

В.В. Амелин*

ИММИГРАНТЫ В ПРИГРАНИЧЬЕ РОССИИ: ИНТЕГРАЦИЯ ИЛИ ОТТОРЖЕНИЕ (пример Оренбуржья)

Мигранты в Оренбуржье. Оренбуржье — приграничье России. Оренбургский участок российско-казахстанской границы является самым протяженным из всех регионов России, граничащих с Республикой Казахстан, — 1876 км. Через его пункты пропуска (всего их 12, в т. ч.: 7 — автомобильных, 3 — воздушных и 2 — железнодорожных) ежегодно проходят сотни тысяч иностранных граждан и лиц без гражданства. К примеру, за 6 мес. 2011 года через пункты пропуска на оренбургском участке российско-казахстанской границы по миграционным картам проследовало 828,3 тыс. чел. иностранных граждан и лиц без гражданства, что на 26,0% больше, чем за аналогичный период прошлого года. Из них: въехало на территорию Российской Федерации 525,5 тыс. чел. иностранных граждан (+24,9% к 6 мес. 2010 года)¹. Среди въезжающих наибольший удельный вес, более 80%, составляют граждане стран Центральной Азии — все они участники Содружества Независимых Государств, с которыми Российской Федерацией заключены соглашения о безвизовых поездках граждан. Это такие государства: Узбекистан, Таджикистан, Киргизия и Казахстан.

Миграционные процессы в регионе в первое постсоветское десятилетие были связаны с внешней миграцией. В этот период в Оренбургскую область прибыло около 220 тыс. чел. мигрантов, в основном это представители из центрально-азиатских государств. Пик миграции пришелся на 1993–1994 гг., когда в регионе осело около 100 тыс. чел. Статус вынужденного переселенца и беженца с 1993 г. получили 82,5 тыс. чел. Миграция в этот период носила вынужденный характер. Большая часть прибывших — это русскоязычное население, которое приехало в этот регион на постоянное место жительства и приняло в последующем российское гражданство.

Период с 2000 по 2010 гг. характеризуется резким ростом трудовой миграции. Основными странами, из которых прибывают иностранные граждане данной категории, являются республики Узбекистан (36%), Таджикистан (20%), Казахстан (15%), Азербайджан (8%), Кыргызстан (5%), Украина (5%) и Армения (3%).

Иммигранты в условиях финансово-экономического кризиса. Разразившийся финансово-экономический кризис несколько изменил миграционную картину. Количество иностранных граждан, проследовавших через пункты пропуска оренбургского участка российско-казахстанской границы, не уменьшилось, а даже увеличилось: с 1 млн 368 тыс. чел. в 2007 г. — до 1 млн 597 тыс. чел. — в 2010 г. Однако в 2009–2010 гг., по сравнению с 2008 г., численность мигрантов, поставленных на миграционный учет, уменьшилась на 15%. Хотя за 6 месяцев 2011 г., по сравнению с 2010 г., прибывших поставлено на миграционный учет на 11% больше (52,6 тыс. чел.).

В целом в Оренбуржье мигранты никоим образом не влияют на рынок труда. Численность рабочих-мигрантов (гастарбайтеров) в регионе не превышает 1% от общего числа занятого населения. Несколько по-другому обстоит дело в строительной отрасли. До 30% всех занятых в строительных организациях Оренбуржья составляют мигранты. Здесь имеются в виду рабочие строительных специальностей (каменщики, маляры, штукатуры, подсобные рабочие), т.к. в регионе не осуществляется подготовка кадров этих специальностей. Потребность рынка выше, чем имеющееся количество специалистов из числа мигрантов.

По оценке специалистов, на территории области одновременно находятся до 25 тыс. чел. трудовых мигрантов. Квота на 2011 г. правительством Оренбургской области установлена 13 тыс. 156 чел.

* Амелин В.В. — д.и.н., профессор, главный редактор журнала «Этнопанорама»

За 6 месяцев т. г. выдано 5 тыс. 126 разрешений на работу².

Чем занимаются остальные? Свыше 5 тыс. чел. иностранцев работают на основании патента на трудовую деятельность. Около 30%, в основном из Казахстана, занимаются челночной торговлей.

Остальные нелегалы? На наш взгляд, это термин неприемлем в данной ситуации. Просто есть иностранцы, находящиеся в Оренбуржье на законных основаниях, но незаконно занимающиеся трудовой деятельностью, т. е. не имея разрешения на работу.

Областным правительством были приняты меры для стабилизации регионального рынка труда и приоритетного трудоустройства российских граждан. Так, в Соглашение между правительством, профсоюзами и работодателями Оренбургской области «О взаимодействии в сфере социально-трудовых отношений и социальной защиты населения Оренбургской области на 2008–2010 гг.» в части установления для всех работодателей при приеме на работу иностранных работников их предельной численности не более 30% от общего количества принимаемых были внесены изменения.

Впоследствии на заседании областной трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений был рассмотрен вопрос «О потребности использования иностранной рабочей силы в организациях Оренбургской области».

В последние годы изменился и состав мигрантов. Если в предшествующий период большинство из них хорошо знало русский язык, то сегодня многие им совершенно не владеют. Это связано с тем, что расширилась география исхода мигрантов. Ведь если раньше в Оренбуржье прибывали трудовые мигранты из столичных областей Узбекистана (Ташкентской, Самаркандской, Наманганской, Бухарской), то сегодня едут молодые люди из самых отдаленных районов республики (Хивы, Карши) или из Горного Бадахшана Республики Таджикистан, где русский язык в сельских школах давно уже не изучается.

Реакция местного населения. Прибытие людей другой культуры вызывает неадекватную реакцию у местного населения, наблюдается социально-культурный дискомфорт между новожителями и старожителями. Во многом это происходит оттого, что гастарбайтеры не спешат, а зачастую и не хотят интегрироваться в принимающее общество. К старожителям мы относим русских, украинцев, татар, башкир, казахов, чувашей, мордву, немцев и представителей других национальностей, давно проживающих на территории области. Накопленные ими за столетия традиции добрососедства и взаимопонимания способствуют сохранению межкультурного мира и согласия. Что касается представителей новых этнических групп, то можно согласиться со специалистами, которые полагают, что если не принять срочных мер по

интеграции и адаптации национальных диаспор, то напряженность в обществе неизбежна.

Социологические опросы, проводимые в последние годы, отражают опасения оренбуржцев, связанные с угрозой террористических актов, усилением наркомании, преступности, безработицей. При этом следует отметить, что 12% из опрошенных беспокоит ситуация, создаваемая мигрантами, а 20% из опрошенных — увеличение нерусского населения области. Данные социологических исследований подтверждают, что мифы о якобы имеющемся засилье в Оренбуржье «азиатов» и «кавказцев» по-прежнему характерны для некоторой части населения. По мнению 73% респондентов, мигранты представляют большую или некоторую угрозу стабильности в России, 66% считают, что такая угроза существует и для Оренбуржья. И это притом, что в области по-прежнему превалирует русское население и за межпереписной период (переписи 1989–2002 гг.), в отличие от ряда регионов, оно увеличилось на 1,6%. Выросла и численность традиционно проживающих в регионе представителей национальностей — татар, казахов. Однако увеличилась численность и узбеков, таджиков, турок-месхетинцев, корейцев³.

Помимо определенных предубеждений против новожителей, имеют место единичные случаи ксенофобии и экстремизма на национальной почве. Антимиграционные настроения в наибольшей степени распространены среди славянского населения: 12% украинцев и 26% русских считают наиболее эффективным средством улучшения межнациональной ситуации в регионе ограничение количества мигрантов. Специалисты полагают, что это вызвано беспокойством, что представители вышеуказанных этнических групп резко изменяют этнокультурный облик региона, поскольку большинство людей не имеют опыта прямого столкновения своих интересов с интересами мигрантов. Тем не менее, на вопрос «Есть ли национальность, к представителям которой сами респонденты испытывают недоброжелательное отношение» в 2005 г. утвердительно ответили 41% опрошенных, в 2006 г. — 34, в 2009 г. — 34,4; в 2010 г. — 43,3%. Уровень недоброжелательного отношения к людям другой национальности по своим абсолютным показателям за все годы измерений колеблется в пределах от 33 до 49%. Одной из основных причин существующей напряженности в межнациональных отношениях оренбуржцы считают неуважительное, порой вызывающее поведение приезжих (14,6% — опрошенных в 2006 г.; 26% — в 2009 г.). А также называют избыточную концентрацию представителей ряда этнических общностей в отдельных сегментах рынка труда, к примеру, в сфере торговли. Частично этим, наверное, можно объяснить и то, что 18% оренбуржцев поддерживают утверждение «Россия для русских», а 23% полагают, что не следует позволять людям, которые по националь-

ности или расовой принадлежности отличаются от большинства населения России, приезжать и жить в нашей стране. В целом же основная масса населения области (50–60%) сохраняет вполне терпимое отношение к инокультурным группам⁴.

На взаимоотношения новожителей (иммигрантов) и старожилов (местного населения) оказывает влияние и религиозный фактор. Ведь большинство принимающего верующего населения в России — это православные. Известен пример, когда жители одного из кварталов г. Оренбурга резко выступили против строительства мечети рядом с их домами. В то же время и представители местного мусульманского духовенства высказывают обеспокоенность уменьшением числа верующих среди местного населения (татар, башкир, казахов) на пятничных молитвах и резким увеличением гастарбайтеров узбеков, киргизов, таджиков, азербайджанцев.

На фокус-группе со студентами пятого курса ОГАУ мигрантов определяют по нескольким направлениям, признакам. К примеру, этнокультурным: язык и здесь же манеры поведения (говорят громко в общественных местах на своем родном (нерусском) языке, несмотря на то, что большинство окружающих их — русские). «Жила в Узбекистане, там узбеки непьющие. А здесь пьют и, бывает, пристают» (свидетельствует студентка), « Попрошайки и грязные. Болезни от них». Указывают и на антропологические признаки: цвет кожи, широкие лица, узкие глаза и т. д.

Местное население, как показывают опросы, достаточно плохо знает о проблемах мигрантов, но в то же время звучат высказывания об их качестве жизни: «живут где попало», «беззащитные какие-то», «забитые», «много работают и не пьют».

Не подтверждается миф о росте преступлений среди иммигрантов. В 2010 г. на территории Оренбургской области произошло 538 преступлений, совершенных иностранными гражданами, что на 13,2% меньше, чем в 2009 г. Доля преступлений, совершенных иностранными гражданами, составляет 1,56% от общего количества зарегистрированных преступлений (34 тыс. 464). Самыми распространенными видами преступлений среди иностранцев являются кражи — 86 случаев, незаконный оборот наркотиков — 79, экономической направленности — 62 и т.п. Вместе с тем в 2010 г. в отношении иностранных граждан совершено 57 преступлений.

Проблемы интеграции. Изучение, анализ проблем, затрудняющих успешную адаптацию иммигрантов в оренбургский социум, свидетельствует о том, что они идентичны проблемам, существующим в других регионах России. Это, в первую очередь, социально-бытовые и правовые (трудоустройство, жилье, получение официального статуса). И конечно же, важную роль играют культурные, религиозные различия между местным населением и приезжими.

Интеграция новых этнических групп в оренбургский социум проходит медленно, нередко наблюдается сегрегация, хотя, как правило, это не относится к тем выходцам с Кавказа или из стран Центральной Азии, которые приехали в регион 30–40 лет назад. Основные проблемы социальной и культурной адаптации связаны с положением в регионе новых жителей.

Если у старожилов преобладающей является гражданская идентичность, то у недавно прибывших — этническая идентичность. Стремление консолидироваться в рамках диаспор, а точнее, землячеств, формальных и неформальных сообществ способствует созданию своей («кавказской», «азиатской») этнокультурной среды, которая частично компенсирует прибывшим дефицит социальных контактов.

Поведение азиатских гастарбайтеров воспринимается местными жителями как проявление истинных намерений приезжих: мол, те не хотят общаться, зарабатывают и отбывают восвояси. Это подтверждает миф об изначальной отличительности азиатов: они-де замкнутые общинники со своими, чуждыми нам законами. Отсюда и неблагоприятный имидж мигрантов, представление о том, что они приехали добиваться благ нечестным путем⁵.

По мнению специалистов, чтобы избежать конфликтов, надо выработать несколько типов взаимодействия. Л.М. Дробижева называет три типа. Первый — это интеграция, которая предполагает стремление иммигрантов стать частью сообщества, к примеру, нашего оренбургского, и в то же время сохранить культурную и этническую идентичность. Второй тип — ассимиляция. Она предполагает отказ иммигрантов от своей культуры, устоев, нравов, обычаев, ценностей. И, наконец, третий — сегрегация⁶.

Для иммигрантов в Оренбуржье, конечно же, необходима интеграция. Но здесь множество проблем. Одна из них незнание русского языка, особенно молодежью. Это, в свою очередь, препятствует восприятию культуры местного населения. И конечно же, необходимо избегать сегрегации иммигрантов. Не создавать ни гетто, ни анклавов. Это чревато негативными последствиями.

Требуется совершенствование миграционной политики. Сегодня органы власти в России, с одной стороны, поощряют приток мигрантов, а с другой стороны, наблюдается тенденция сдерживания и фильтрация иностранной силы. Авторы Доклада о состоянии гражданского общества в России в 2010 г. полагают, это происходит потому, что «российская миграционная политика за последнее десятилетие столкнулась с собственным кризисом недостаточно эффективного управления и пока не находит адекватные ответы на временные вызовы как на международном, так и на межрегиональном уровнях».

В современных условиях необходима разработка федеральной целевой миграционной программы.

Такие программы уже разрабатываются в регионах России, к примеру, в Оренбуржье. В настоящее время в регионе уже есть проект областной миграционной программы на 2011–2015 гг. Одним из важнейших его пунктов является создание миграционного центра, на строительство которого заложено 20 млн руб. Пуск в эксплуатацию этого центра даст возможность решить вопросы бесконфликтной интеграции иммигрантов в российском обществе. Это должно строиться на основе их уважения к русской культуре, религии, традициям и укладу жизни местного населения. Это обеспечит соблюдение законных интересов как иностранных рабочих, так и работодателей. Задача программы — реализация сбалансированной политики привлечения гастарбайтеров с учетом потребностей экономики области и регионального рынка труда; решение проблем адаптации и интеграции иммигрантов в оренбургский социум. Другая, уже принятая, ведомственная программа по реализации Концепции региональной нацио-

нальной политики на 2011–2013 гг. предполагает противодействие ксенофобии, национальной и религиозной нетерпимости, агрессивному национализму.

Эффективную помощь в деле социальной адаптации мигрантов, их интеграции в оренбургский социум оказывают институты гражданского общества. К примеру, при Управлении Федеральной миграционной службы России по Оренбургской области функционирует общественно-консультативный совет, в состав которого входят руководители узбекских, таджикских, азербайджанских, киргизских диаспор, а также и руководители Русского центра и средств массовой информации.

Создание национальных организаций: центров, культурно-просветительских обществ, национально-культурных автономий — способствует не только сохранению этнокультуры, но и успешному взаимодействию с другими этническими общностями в рамках совместно проводимых мероприятий.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Текущий архив Управления Федеральной миграционной службы по Оренбургской области. 2010, 2011.

² Там же.

³ Отчет «Этноконфессиональные отношения в приграничном регионе» (Оренбургская область). Выборка квотная, соответствующая генеральной совокупности на территории опроса по признакам: пол, возраст, национальность. Опрошено 500 человек в 5 городах и 5 районах. Рук. исслед. Амелин В.В., Шешукова Г.В.

⁴ Аналитический отчет «Состояние межнациональных и этноконфессиональных отношений в Оренбуржье в условиях финансово-экономического кризиса». Опрошено 500 человек. Исследованием охвачено 9 ад-

министративных образований области: 5 городов и 4 сельских района. В выборку внесены три основные этнические группы Оренбуржья: русские, татары, казахи. Остальные составили другие. Рук. исслед. Амелин В.В., Шешукова Г.В. Оренбург, 2009.

⁵ Результаты мониторинга публикаций СМИ Оренбургской области о состоянии межнациональных, конфессиональных отношений и миграционной ситуации ООО «Этноконсалтинг». Рук. исслед. Савин И.В., Ярлыкапов А.А. Оренбург, 2007.

⁶ Дробижева Л.М. Политика межэтнической интеграции и адаптации мигрантов в московском социуме // Государственная национальная политика и принципы межэтнического согласия в Москве. М., 2010.

Майкл Рывкин*

ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО И ПОСТСОВЕТСКИЕ НАЦИОНАЛЬНОСТИ 20 ЛЕТ СПУСТЯ

Задача нашей конференции — дать оценку тому пути, который прошли за последние 20 лет бывшие союзные республики, а теперь суверенные государства, занимающие постсоветское пространство. Думаю, что факты хорошо известны всем участникам конференции, но интерпретации и оценки могут быть самыми разными. Постараюсь коснуться основных пунктов.

Распад СССР — случайность или неизбежность?

Перечислим факторы, приведшие к распаду.

А. Фактически распад уже имел место во время революции, более чем за 70 лет до распада СССР. Идеология коммунизма склеила обратно бывшую империю, а новый распад произошел, когда коммунистическая идеология испарилась. Пресловутая «автономия, национальная по форме, социалистическая по содержанию» не устояла: со временем социалистическое содержание исчезло — остался национализм.

Б. Сама Москва подготовила республики к независимости, создав эти республики, их правительства, министерства и т. д., всю форму власти, хотя фактически управление шло из центра. Были введены привилегии для титульных национальностей, все атрибуты независимости без таковой, даже если определенные посты резервировались для русских. На эту тему в США в 2001 году вышла книга, заголовок которой характеризует СССР как «Affirmative Action Empire» (автор — Terry Martin).

В. Империи не вечны. Все империи умирают. А что такое империя? Это многонациональное государство, где один народ лидирует, но все народы живут на своих исторических землях (например, США формально нельзя считать империей, так как все составляющие его население народы — пришлые, и если где-то и живут отдельно, то в городских кварталах, а не на своих территориях). Стоит отметить теорию, согласно

которой, чем быстрее и шире растет империя, тем быстрее её распад¹.

Г. До Второй мировой войны колонии означали дешевые рабочие руки, дешевое сырье и рынок для товаров. После из-за реакции на расизм и на развитие прав человека колония начала в первую очередь обозначать многочисленные рты для кормления и стала значительно менее рентабельной.

Д. Был ли в 1991-м году распад или роспуск СССР? Не все республики стремились к независимости от России, и от республик южного «подбрюшья» многие в Москве хотели избавиться. Это не значило сократить сферу влияния Москвы, но избавиться от расходов на дотации — например, на содержание матерей-героинь в Средней Азии. Все республики, кроме богатого нефтью Азербайджана, не покрывали своих расходов. Кроме этого, в Москве опасались демографического подъема мусульманских республик на фоне снижения рождаемости в славянских (говорилось о том, что число новобранцев-мусульман достигло 38%).

Е. Присоединение Сталиным западных земель, а особенно Западной Украины и Балтийских стран по пакту Молотова — Риббентропа, значительно усилило сепаратизм в СССР. Национализм Галиции повлиял на всю Украину, а западный характер Прибалтики не находил себе места в евразийской империи.

Западная советология в основном не предвидела распада СССР. Даже те, кто считали это возможным, не предполагали в 70-е и 80-е годы, что это может произойти так скоро и быстро. Название опубликованной в 1978 году книги «Распавшаяся Империя»² было воспринято как сенсационное и выбранное в рекламных целях.

Стоит отметить, что после распада СССР количество студентов в американских вузах, изучающих Россию и русский язык, сильно уменьшилось: раньше она была воплощением «империи зла» для

* Рывкин Майкл — CCNY of CUNY, National Committee on American Foreign Policy

одних и «светлого будущего» для других, а теперь стала просто одним из европейских государств.

Каковы результаты распада? Был ли распад катастрофой? Для многих — да: Россия в границах Ивана Грозного, национальные республики слабо стоят на ногах, демократия не получается, во многих республиках авторитарные режимы, трудный переход от социализма к капитализму (никто не давал на это рецептов) — «прихватизация», коррупция и т. д., и т. п. Вам всё это известно.

Но результат распада СССР для СНГ совсем неплох:

— Удалось избежать большого кровопролития — не так, как в Югославии, и в основном только на Кавказе. Россия удержалась от интервенции в Крым, целинном крае, северо-восточной Эстонии.

— Ни одна из постсоветских республик не потеряла независимости и не стала сателлитом сильного соседа или великой державы, несмотря на борьбу за влияние между такими крупными игроками, как Россия, Китай, США.

— Ни в одной бывшей национальной республике не сожалеют об обретении независимости — но многие жалеют о потере гарантий социальной безопасности.

— Россия, Казахстан и балтийские республики сильно подняли уровень жизни своего населения, даже если часть их жителей осталась позади. И значительно модернизировали свою инфраструктуру.

В некоторых постсоветских республиках больше проблем:

— Украина пока еще ищет себе место, но обратно не стремится — кто бы ни был у власти в Киеве;

— Беларусь как бы застыла в старом времени, и её лидер опасается любых перемен;

— Кавказские республики, а также Узбекистан, Киргизстан и Таджикистан нашли пока выход из положения путем экспорта рабочей силы, главным образом в Россию;

— прогресс демократизации в республиках Средней Азии и Кавказа зависит в большой мере от русского примера.

Подробнее о Российской Федерации. Останьтесь на позитивных результатах последних 20 лет, так как негативные всем хорошо известны и бесконечно обсуждались.

— Право на частную собственность, включая средства производства — основной элемент гражданской свободы, — обеспечено, и возврата к социалистической экономике больше нет.

— Несмотря на все издержки, граждане пользуются значительно большей свободой, чем в со-

ветское время, включая право выезда за границу, доступ к иностранной прессе и Интернету, возможность экономической инициативы. Изобилие товаров и свободный выбор для потребителя, включая машины, квартиры и т. д., только были бы деньги — стало нормальным.

Хочу привести пример значения свободы потребителя. Мне знаком случай, когда в одном американском колледже студентов попросили написать сочинение о свободе. Большинство студентов поняло термин свобода как свободу выбора товара для потребителя (Consumer freedom), а не как свободу выбора депутатов или свободу прессы.

— Еще один показатель экономического успеха Российской Федерации (не говорю о нефти и газе) — факт, что она снова экспортирует зерно, и это несмотря на потерю Украины. В царское время экспорт шел главным образом через Одессу, а СССР был крупным импортёром зерна!

Прогноз на будущее:

— уход со сцены старых советских поколений, активных 20 лет назад, должен дать положительные результаты на всем постсоветском пространстве и у всех национальностей;

— рост среднего класса (по признаку «квартира, дача, машина»), который начался во время Брежнева и прервался после распада СССР, снова возобновился;

— внешняя угроза для России больше не существует, а для других республик — только на Кавказе, который представляет отдельную проблему;

— Россия ищет восстановления сферы влияния в СНГ, но не прямой реинтеграции — по той же самой причине, по которой де Голль отказался от Алжира.

Вдобавок к общеизвестным факторам, Россия сталкивается и с новыми факторами в республиках Средней Азии и Кавказа:

— Китай заменяет Россию в Средней Азии как основной торговый партнер;

— русский язык уступает английскому во всех республиках — в ущерб и России, и местному населению, так как английский становится вторым языком элиты, а не массы, которая может остаться без языка мирового значения.

Россия — евразийская держава, но она неотвратимо следует по пути, проложенному Петром Первым и Екатериной Второй, строя жизнь страны на европейский лад. Поиски иных путей, независимо от затраченного времени, неизменно оканчивались возвратом на европейский путь.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Rein Taagepera в кн. M. Rywkin (editor). Russian Colonial Expansion to 1917 («Русская колониальная экспансия до 1917 г.»).

² H. Carrère d'Encausse. «Empire Eclaté». Flammarion, 1978.

И.С. Савин*

СОЧЕТАЕТСЯ ЛИ МУЛЬТИКУЛЬТУРНОСТЬ С МОНОСОЦИАЛЬНОСТЬЮ

На протяжении примерно 20 лет в общественных дискуссиях западной и отечественной социальной науки активно обсуждалось и обсуждается понятие многокультурности как концепта и модели, которая могла бы примирить индивидуальные права человека и потребности сохранять различные формы коллективной идентичности. На протяжении последних пяти лет все чаще приходится слышать о кризисе многокультурности применительно как к реалиям других регионов мира, так и к странам постсоветского пространства. Не вдаваясь в теоретические дискуссии, в самом общем виде понятие многокультурности можно сформулировать, как нам кажется, в следующем виде. Многокультурность — это сочетание двух принципов. Во-первых, в составе любого социума: населения любого села, города, региона, государства — допустимо и приветствуется существование людей с отличающимися культурно-специфическими предпочтениями. Во-вторых, в идентичности каждого человека допустимо и приветствуется наличие нескольких идентичностей, в том числе и коллективных. Также считается, что доминирующей идентичностью всех граждан одной страны должна являться общегражданская идентичность, согласно которой права и обязанности, даруемые и налагаемые этой идентичностью, должны быть более значимы для граждан, чем все любые права и обязанности, связанные с любыми другими типами идентичности.

Соответственно и общественные, и государственные институты, поддерживающие общегражданскую идентичность и наделяющие всех граждан равными ресурсами и равной ответственностью друг перед другом, должны быть более развитыми и более действенными, чем все институты, поддерживающие идентичности локального характера (региональные, этнические, религиозные и т.д.),

которые также существуют в многокультурном обществе.

Подытоживая, можно отметить, что в идеальном многокультурном обществе существование множества культурно-специфических идентичностей не приводит к появлению групп людей с отличающимися социальными ресурсами и стратегиями, поскольку все граждане являются обладателями равных гражданских прав и равных социальных статусов. В этих условиях группам незачем апеллировать к мобилизационным возможностям локальных идентичностей, поскольку ресурсы, дарованные общегражданской идентичностью, гораздо действенней. И манифестирование какой-то локальной идентичности не приведет к повышению социального статуса и появлению дополнительных социальных ресурсов. Таким образом, многокультурность сочетается с моносоциальностью. Культур много — социум один, с единой правовой и нормативной культурой и политической идентичностью.

О России тоже все чаще говорят как о государстве должного или строящегося мультикультурализма. Нам показалось интересным посмотреть, насколько и каким образом работают в России принципы мультикультурализма и чего не хватает для их полноценного воплощения. В качестве источниковой базы были использованы материалы нескольких исследований, проводившихся при участии автора в Московском регионе совместно Институтом этнологии и антропологии РАН и НКО «Международное ненасилие» в 2009–2010 гг. В рамках исследования качественными методами (фокус-группы, индивидуальные интервью, включенное наблюдение) были изучены три группы: старомосквичи, новомосквичи из Средней Азии и новомосквичи из республик Северного Кавказа. Старомосквичи были рассмотрены в несколь-

* Савин И.С. — к.и.н., Институт востоковедения РАН

ких фокус-группах — пенсионеры, активисты местного самоуправления, домкомы, учителя и школьники-старшеклассники, студенты. Новомосквичи из Средней Азии были рассмотрены через фокус-группу и интервью среди памирцев разного срока проживания в Москве и разного образовательного статуса. Новомосквичи из республик Северного Кавказа были представлены студентами и аспирантами московских вузов и предпринимателями, близких к Молодежному крылу Российского Конгресса Народов Кавказа.

Согласно данным исследования, наиболее часто представлены следующие конфигурации взаимодействия двух сообществ.

Пример первый. Старожилы и новопоселенцы в повседневном совместном обиходе (трудовые мигранты из Таджикистана).

Претензии «местных» к мигрантам:

— живут по многу человек в одной квартире или в ведомственных помещениях ЖКХ, а потребляемые ресурсы расписывают на всех. ЖКХ даже прекратили раздачу квитанций через домкомов, чтобы скрыть размеры негласных доначислений;

— не участвуют в решении совместных проблем — по обустройству территории, по ликвидации последствий аварий, по сбору средств на общественные нужды;

— работают десятки людей на уборке территории одного-двух домов, где раньше работали вдвое, много суеты. Местные не могут устроиться на работу в ЖКХ;

— строят что-то непонятное для местных людей, никак не связанное с их запросами, поэтому местные часто думают, что строят что-то «свое», не для «нас»;

— создают очереди в бесплатных поликлиниках и других местах бюджетного государственного сектора.

Претензии мигрантов к местным:

- неохотно сдают квартиры,
- неохотно берут на работу,
- неодобрительно смотрят.

Особняком стоят ответы тех же таджиков, которые живут в Москве, а до этого в России 5–10 лет. Они, как правило, уже не просто рабочие или продавцы, а менеджеры или мелкие руководители. Они живут уже с семьями, в два, три, четыре человека, а не 10. Охотно рассказывают о своем общении с соседями. Чаще всего они граждане России и ориентированы на жизнь в Москве. Более пристальный анализ того, что изменило их позицию и сделало ее отличной от позиций их земляков, показывает, что в основе этого процесса лежит превращение их повседневных стратегий в неотличимые от местных. Они отвечают на повседневные социальные запросы и вызовы, так же как и местные, поскольку видят, что в этом — залог их социального успеха. Изоляция и поиск своего пути были бы неэффективны. И они становятся полноправными и

полно ответственными субъектами полей социального и экономического взаимодействия. Очень важно, что эти правила рождаются естественно, в ходе совместной деятельности. Их культура, несомненно, несколько видоизменяется, но не радикально, они остаются приверженцами своей культуры.

Тогда как у их земляков с меньшим стажем проживания в Москве и включенных в коллективные формы работы-проживания эти стратегии и ресурсы сильно отличаются от местных. Не обладая всеми правами, они стараются минимизировать и обязанности в виде сокращения расходов на жилье, потребления бесплатной медицины и т.д. В то же время возрастает значимость ресурсов, основанных на лояльности к локальным идентичностям (земляческим, этническим и т.д.).

Нетрудно заметить, что недовольство друг другом вызывает не разность культуры, а разность, несовпадение и даже противостояние социальных стратегий, используемых разными сообществами. То есть мы имеем дело не с многокультурным обществом, а с многосоциальным.

Стало быть, необходимо решение следующих задач по усилению моносоциальности общества за счет активизации интеграционных факторов:

1. Установление сходного правового статуса, сходных критериев социальной защищенности, сходных параметров участия в социальных и коммунальных нагрузках для всех групп граждан независимо от их этничности и гражданства (коммунальные платежи, медицинская страховка, налоговые выплаты).

2. Создание одинаковых критериев минимальной оплаты труда, прозрачных механизмов начисления и выплаты заработной платы и всех социальных выплат (возможно, сокращение возможностей наличной оплаты труда). Предотвращение складывания моноэтнических трудовых коллективов и сфер занятости, обеспечение взаимопроникновения людей в ходе трудовой и досуговой деятельности.

3. Усиление зависимости социального комфорта мигрантов от интеграции в окружающее сообщество. Создание специальных общественных комитетов по интеграции на низовом уровне (кондоминиум, группа домов и т.д.) с учетом всех социальных рисков и издержек. Сопряжение массового привлечения мигрантов с общественными кампаниями на уровне сообществ соседей (взаимное информирование и ознакомление). Создание взаимного притяжения мигрантов и местных жителей на основе общих интересов и задач: организация совместного досуга, проведение общественно значимых кампаний (благоустройство, безопасность) с привлечением всех жителей без отделения мигрантов и новопоселенцев.

4. Обеспечение прозрачности мотивов деятельности мигрантов (с привлечением застройщика, работодателя), наделение местных жителей ин-

формацией о социальной значимости труда мигрантов на благо их территории.

Пример второй. Особенности взаимного восприятия «москвичей» и «кавказцев».

Что не нравится «москвичам» в «кавказцах»:

- вспыльчивость, неумение сдерживать себя, повышенные амбиции;
- использование коллективного ресурса «своих»;
- неуважительное отношение к «не своим» женщинам.

Что не нравится «кавказцам» в «москвичах»:

- предвзятое отношение как к «не своим», подозрение в причастности к криминалу и экстремизму;
- повышенные требования служб безопасности при приеме на работу;
- следование неправильным нормам поведения и морали.

Как следствие, было выяснено, что никто из опрошенных не смог устроиться на работу по официальным каналам и предпочел (вынужден был) использовать помощь «своих» (как правило, этнически или землячески) людей. Соответственно и доминирующей формой идентичности и основанных на ней лояльности и солидарности стала не общегосударственная, а локальная.

И в этом случае также было отмечено, что и среди «москвичей», и среди «кавказцев» были люди, мнение которых отличалось от общераспространенного. Это были те люди, которые имели позитивный опыт взаимодействия с представителями «другой» группы (туризм на Кавказе, близкий знакомый или одноклассник, поведение которого не давало повода задумываться о том, к какой группе он принадлежит, общение в ходе решения общих задач (бизнес, досуг, хотя раньше предпочитал делать это со «своими»).

Встает вопрос: что же мешает всем или большинству представителей обеих групп иметь такой позитивный опыт, то есть находиться в рамках единого социума, оставаясь носителями разных культур?

Анализ показывает, что в основе этого лежат разные ресурсы и разные стратегии, используемые двумя условными группами в ходе социализации и адаптации к вызовам социальной среды. «Москвичи», включая урожденных кавказцев, свой социальный успех связывали, прежде всего, с развитием личного образовательного и квалификационного ресурса: чем выше квалификация — тем выше благосостояние. Характер этого распределения ресурсов, конечно, изменился за последние 20 лет. Добавились такие качества, как умение рисковать, привлекать ресурсы со стороны близких тебе людей, использовать помощь органов власти в своих целях. По этим правилам играют все: и «москвичи», и «кавказцы». Но если среди москвичей есть носители как старого набора ресурсов, так и новых в разных количествах, то «кавказцам» в Москве, как людям, оказавшимся

далее, в силу географии, от образовательных центров, пришлось задействовать другие типы ресурсов.

Это видно и по статистике (по итогам переписи 2002 года пропорции различных этнических групп по видам занятости сильно разнятся), и по итогам исследований о виде занятости у родителей русских и армянских школьников.

То есть типы ресурсов у значительной части «кавказцев» отличаются от тех, что используют «москвичи». У первых — опора прежде всего на себя и на своих, слабая вера в равнодоступность государства и доброжелательное отношение окружающих. Стало быть, повышенное значение получает лояльность, прежде всего, к своим и культивирование «нашести» со всеми публичными манифестами в виде публичных танцев и демонстративного противопоставления своих и не своих.

Так вела бы себя любая группа среди недружественных чужих. Здесь нет ничего специфически «культурно» кавказского, кроме наличия инструментов лоббирования, гласного и негласного, со стороны институтов «национальной/этнической» государственности субъектов Федерации и длительных традиций диаспорного поведения.

Но коль скоро носители одной стратегии поведения чаще всего отличаются внешне от других, то и воспринимают они друг друга как культурно других с использованием известных техник демонизации «другого». Одни склонны к агрессии и социальной архаизации быта, другие склонны к пьянству и слишком свободному поведению, особенно женщин, деградации института семьи.

Так сообщества сами производят представления о проблемах межкультурной якобы интеграции, когда речь должна идти о социальных коллизиях, порожденных слабостью институтов, ответственных за поддержание единого социального и правового порядка. Иными словами, то, что мы принимаем за вызовы мультикультурализма, является, по сути, неизбежным следствием мультисоциальной или мультиправовой системы, где любая группа (социальная, этническая и т.д.) может считать себя носителем особого статуса, и правом на особую стратегию поведения.

Этнические (культурные) границы и основанные на них лояльности становятся действенным ресурсом для «своих», разрушая и без того хрупкую систему институтов, обеспечивающих равное распределение ресурсов для всех.

Яркими примерами отсутствия единого правосознания в обществе стали случаи попыток воздействия на органы правопорядка после двух убийств в декабре 2010 года и августе 2011. В обоих случаях ни та, ни другая сторона не рассчитывала на беспристрастность органов следствия и оказывала на них давление, используя этничность в качестве мобилизирующего фактора. Никто не апеллировал к общим принципам беспристрастного правосудия.

Возникает вопрос: что делать, чтобы мультикультурность сочеталась с единой правовой и нормативной системой?

Рекомендации сходны с теми же, что можно предложить в случае интеграции с мигрантами из Средней Азии:

— вовлечение в совместную деятельность, создание условий для использования всеми гражданами взаимно легитимных и доступных социальных ресурсов;

создание условий для взаимной заинтересованности различных сообществ во взаимодействии друг с другом.

Все это пожелания общесоциального порядка, которые вряд ли можно реализовать в короткие сроки.

Но особые задачи стоят перед социальными исследователями, экспертами и людьми, работающими в информационном пространстве.

Во-первых, я думаю, что нужно внедрять в общество представление о социальных и ситуативных, а не о вечных и непреодолимых границах между сообществами людей. Нужно разъяснять, что культура — это часть социальной практики, все культурные особенности, вся специфика возникли или возникали когда-то в ответ на какие-то запросы, условия социальной или природной среды. И под воздействием новых условий неизбежно будут видоизменяться и выглядеть иначе, чем ранее.

Необходимо создание новой парадигмы, когда «мы» и «они» — это не те, кто похожи или

не похожи на нас. Они — это всегда те, кто не работает на интеграционную парадигму. Здесь по одну сторону баррикад должны оказаться как те из диаспор, из новомосквичей, кто организует нелегальный трафик, кто этому содействует из чиновников и работодателей, кто ориентирован на поддержку только «своих», так и те из местных, кто не принимает вновь приехавших как своих. Это «они». А все «мы», условно говоря, — это те, кому нужно, чтобы мы все были друг для друга более или менее признаваемыми гражданами совместного государства и равно ответственными за порядок в нем. Сейчас же пока, к сожалению, борьба с ксенофобией ведется по принципу — найди расистов среди «них», «чужих».

Как представляется, должен быть иной подход. Расисты и ксенофобы — мы все в принципе можем быть ими. Наше дело: создать такие ситуации, при которых нам было бы невыгодно, не хотелось и не нужно проявлять свои «ксенофобские» реакции.

Нужно сделать равно общественно порицаемыми как лозунги «Россия — для русских», так и практику апелляции к «своим» по этническому или земляческому принципам. В случае же криминальных или судебных коллизий уже приходилось слышать о предложениях сделать такую практику уголовно наказуемой.

Возможно, все это в комплексе и поможет складыванию действенного сочетания мультикультурализма и моносоциальности.

В БИБЛИОТЕКУ ИСТОРИКА, ЭТНОЛОГА, ПОЛИТОЛОГА

РОССИЙСКАЯ НАЦИЯ: СТАНОВЛЕНИЕ И ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ МНОГООБРАЗИЕ

Под ред. В.А. Тишкова; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.И. Миклухо-Маклая РАН. — М.: Наука, 2011. — 462 с.

По заказу и при поддержке Минрегиона России осуществлен проект «Этнокультурный потенциал регионов как фактор формирования российской нации». На материалах социологических опросов и на основе анализа этнокультурной ситуации в регионах Российской Федерации представлены результаты новейших исследований гражданской и этнической идентичности. Разработана система рекомендаций по совершенствованию государственной этнической политики Российской Федерации.

Для ученых в области гуманитарных исследований, политиков, специалистов сферы государственного управления, преподавателей и студентов вузов, общественных деятелей.

В.В. Полещук*

ЧЕРЕЗ 20 ЛЕТ ПОСЛЕ 1991 ГОДА: РЕОРГАНИЗАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА И ИДЕНТИЧНОСТИ

Идеология реституции как основа эстонской этнополитики

Вопрос об официальной трактовке событий советского периода является ключевой для эстонской этнополитики. Основной стратегией эстонского движения за независимость было доказать юридическую ничтожность вхождения Эстонии в состав СССР в 1940 г.: эти события в местных официальных документах называются не иначе как советской оккупацией. Подобное толкование предполагало необходимость реституции, возвращения к довоенному положению дел в стране (*restitutio ad integrum*).

В рамках нашей статьи мы рассмотрим вопрос о воздействии на эстонскую этнополитику (особенно политику в области гражданства) идеологии реституции — т.е. системы взглядов, идей, представлений, которая при помощи правовых средств обеспечивала «восстановление в первоначальное состояние Эстонской Республики после 50 лет советской оккупации». Под «эстонской этнополитикой» мы понимаем прежде всего деятельность эстонского государства и политических партий Эстонии, специально направленную на решение вопросов, непосредственно касающихся лиц, не считающих себя этническими эстонцами. Такое понимание данного термина является в Эстонии конвенциональным. Для достижения нашей цели нам не нужно соглашаться или не соглашаться с официальными для Эстонии историческими интерпретациями. Мы намеренно обходим вниманием вопрос, насколько они обоснованы.

1940 г. и его официальная трактовка

По замечанию В.Тишкова, «постсоветские трансформации начались и заканчиваются историческими экскурсами и дебатами вокруг прошлого, особенно советского прошлого. Но в какой-то мере сами эти трансформации и сопровождающие их кризисы и конфликты были сделаны со ссылками на историю, точнее, на сочиненные версии про-

шлого и по лекалам исторической пропаганды»². Это замечание представляется крайне удачным для того, чтобы охарактеризовать особенности эстонской этнополитики, то, как определяются ее объект и содержание. Ссылки на историю используются здесь как альфа и омега — начальный и конечный пункты всех обсуждений по так называемому национальному вопросу, а типичным упреком местным и зарубежным критикам является утверждение о «неисторичности» их выводов.

В самом начале 1990-х гг. в ходе борьбы за независимость от СССР лидеры «Поющей революции» очень скоро пришли к консенсусу, что Эстония была в 1940 г. оккупирована Советским Союзом. После 1991 г. подобное видение событий властями сомнению не подвергалось. В этом же ключе трактуются и прочие факты недавней истории: в 1940–1941 гг. имела место «первая советская оккупация», 1941–1944 гг. — «немецкая оккупация», 1944–1991 гг. — «вторая советская оккупация». Согласно официальному подходу независимая Эстонская Республика существовала в 1940–1991 гг. де-юре, но не де-факто. Также утверждается, что параллельно с отходом немецких войск в 1944 г. в Эстонии несколько дней (до того, как Красная армия взяла под контроль всю материковую часть республики) работало эстонское правительство под руководством О. Тиефа³. Это обстоятельство имеет скорее символическое значение в контексте утверждений о преемственности независимой Эстонской Республики.

Отсылка к правопреемственности провозглашенной 24 февраля 1918 г. Эстонской Республики установлена в нынешней Конституции Эстонии (преамбула), в решении Верховного Совета Эстонской Республики от 20 августа 1991 г. «О государственной независимости Эстонии» и в Декларации парламента от 7 октября 1992 г. «О восстановлении конституционной государствен-

* Полещук В.В. — Центр информации по правам человека / Legal Information Centre for Human Rights (Таллин, Эстония)

ной власти». Также эстонская сторона считает до сих пор действующим Тартуский мирный договор от 2 февраля 1920 г., в котором большевистская Россия признала независимость Эстонии.

Официальная Москва не признает интерпретацию событий 1940 г. как оккупации или аннексии. Российские ученые также обычно исходят из того, что «постсоветская Прибалтика или постсоветская Средняя Азия — это именно постсоветские государства, а не некие «возрожденные» образования»⁴.

События II мировой войны и сталинские репрессии

Вопрос об интерпретации событий 1940 г. нельзя рассматривать в отрыве от отношения ко II мировой войне в целом: в последние годы произошло спаивание соответствующих официальных представлений в некое неразрывное целое. Судя по всему, эти представления, равно как и память о сталинских репрессиях, должны свидетельствовать о правильности выбора в пользу идеологии реституции.

Согласно официальному подходу Эстония во II мировой войне не участвовала. В то же время хорошо известно, что эстонцы все-таки воевали либо в Красной Армии (прежде всего в Эстонском стрелковом корпусе), либо в немецкой армии (в том числе в добровольческих военных частях СС — Ваффен-СС). То, что ветераны Великой Отечественной войны называют «освобождением Эстонии от немецко-фашистских захватчиков», официально в Эстонии трактуется как «начало второй советской оккупации». В 2002 г. нынешний президент Эстонии Т.-Х. Ильвес отмечал: «Надо иметь очень ограниченное понимание истории и принимающей страны, чтобы называть «освобождением» смену одной группы бандитов, насильников и убийц другой»⁵.

При этом эстонцы, которые в форме солдат СС пытались остановить прохождение советских войск по территории республики, обычно считаются борцами за свободу Эстонии, не хотевшими повторения в Эстонии ужасов сталинских репрессий. Эстонские солдаты Ваффен-СС отождествляются с участниками Освободительной войны⁶. Активное участие эстонцев в войне на стороне немцев зачастую объясняют сталинскими репрессиями, обрушившимися на страну в 1940–1941 гг.

Особое внимание в Эстонии уделяется депортациям населения. В июне 1941 г. из Эстонии были высланы более 10 тысяч «политически неблагонадежных лиц» (бывшие офицеры, крупные собственники, участники «контрреволюционных» организаций и пр. с членами семей), равно как и уголовный элемент и проститутки, не оставившие прежних занятий. Среди них женщины и дети младше 16 лет составляли более 3/4. Из этого числа примерно 3000 мужчин и 150 женщин были отделены от других и помещены в лагеря, где большинство из них были казнены или умерли⁷.

О влиянии депортации 1941 г. на настроения среди эстонцев можно узнать даже из составленных казенным языком протоколов допросов в КГБ лиц, сотрудничавших с немецкой оккупационной администрацией. Например, некто Р. Ньюод показал, что «перед началом войны началось выселение из Эстонии некоторых жителей. Хотя из моих родственников никого это выселение не коснулось, но некоторые мои знакомые были высланы в 1941 г. из Эстонии. Это мероприятие Советской власти вызвало у меня недовольство и обиду...»⁸ Тот же Ньюод, например, потом служил в «Омакайтсе» — созданной с разрешения немцев организации, обеспечивающей «порядок» в немецком тылу, и участвовал в расстрелах заключенных.

Если согласно официальной точке зрения Эстония в 1941–1944 гг. была оккупирована фашистской Германией, то, следуя формальной логике, эстонцев в немецкой форме надо считать предателями-коллаборационистами. На практике, однако, это не так. Стремление нынешних властей видеть позитив в организованном немцами противостоянии наступлению Красной Армии в 1944 г. несложно объяснить: более или менее явно немецкую оккупацию считают в Эстонии более «легкой», чем советскую. Поскольку советское наступление переросло «в советскую оккупацию до 1991 г.», то СССР выступает уже в роли абсолютного зла, тогда как нацистская Германия — зла относительного.

К тому же сталинские репрессии продолжались и после войны: во время второй крупной депортации 25 марта 1949 г. в отдаленные регионы СССР было отправлено уже 20 702 человека, в основном, из сельской местности⁹. И вновь память об этих событиях дает мощный эмоциональный импульс поддержке реституционной идеологии даже без юридически выверенных формул, когда факт депортации уже сам по себе считается доказательством оккупации. Как заявила на митинге в августе 2006 г. вице-спикер эстонского парламента Э. Эргма, «я помню свой страх весной 1949 г. Помню тот страх, который владел всеми нами в дни мартовской депортации того года. И если председатель комитета Государственной думы Российской Федерации Константин Косачев по-прежнему находит, что никакой оккупации не было, то я, Эне Эргма, будучи маленькой девчушкой, прекрасно помню поезда с депортируемыми, которые я видела уходящими из Раквере»¹⁰.

Важно, что вопрос о сталинских репрессиях и событиях II мировой войны влияет в Эстонии на современный политический дискурс. Это и не может быть по-другому в стране, где согласно Закону о праздничных днях и памятных датах 14 июня — годовщина июньской депортации 1941 г. — ежегодно является траурным днем (ст. 3), когда вывешиваются государственные флаги с черными лентами и запрещены несовместимые с трауром мероприятия (ч. 2 ст. 3¹).

Согласно принятым в феврале 2007 г. поправкам в этот же закон, 22 сентября стало Днем сопротивления. 22 сентября 1944 г. — знаковая дата, ибо именно в этот день части Красной Армии вступили в Таллин.

В целом надо учитывать, что в Эстонии и других странах Балтии «восстановленные государства стали инструментом этнического большинства для реализации их интересов и идеалов. Предполагалось, что моральное право делать это основывается на дихотомии между «мы» — нация, жертвы, и «они» — колонисты, угнетатели, которые не имеют право ни на долю общенациональной собственности, ни на участие в возобновлении политической жизни в странах Балтии»¹¹.

Вопрос о гражданстве

Как видно из данных опроса 2005 г. в Таллине, отношения к событиям более чем полувековой давности существенно отличались у эстонцев и неэстонцев. Респондентам было предложено выбрать одну из трех возможных интерпретаций провозглашения в 1940 г. Эстонской ССР, когда республика оказалась в составе СССР: 1. Это была военная оккупация, которая продолжалась до 1991 г.; 2. Это было присоединение Эстонии к СССР под угрозой применения силы; 3. Это было добровольное вступление Эстонии в СССР. У эстонцев первый вариант выбрали 64% респондентов, а второй — 27%. Вариант добровольного присоединения выбрали менее 1% эстонцев. У неэстонцев наблюдается другая картина. Вариант военной оккупации выбрало всего 7%. За второй вариант высказался 31%, а за добровольное присоединение — 40%. Правда следует отметить, что у неэстонцев 1/5 респондентов затруднилась с ответом (у эстонцев — только 7%)¹². Подобные данные были получены и в ходе других социологических опросов¹³.

Отношение неэстонцев к событиям 1940 г. может быть связано (хотя бы частично) с их оценкой сегодняшней политики эстонских властей. Следует иметь в виду, что представление о советском периоде как об оккупации и дискурс реституции стали важной составляющей государственного строительства после 1991 г., а также служили оправданием и основой той этнополитике, которая проводилась в отношении русских и других групп населения, поселившихся в Эстонии преимущественно после II мировой войны. Если расценивать события 1940 г. как оккупацию, то въехавшие после этого времени лица могут считаться нелегальными иммигрантами, которые не должны претендовать на гражданство Эстонии и предоставление которым права остаться на территории страны целиком и полностью остается на усмотрение местного правительства. В то же время вопрос о выдаче видов на жительство «находится в т.н. собственной компетенции национального правительства, и любое государство

вольно устанавливать юридические критерии для принятия иностранцев и лиц без гражданства на своей территории, если международные договора не установят другой режим»¹⁴.

С таких позиций достаточно легко отклонять обвинения России в адрес Эстонии, согласно которым в республике имеет место массовое нарушение прав человека уже на том основании, что сотни тысяч людей были лишены гражданства, и следовательно, ряда политических, экономических, социальных и культурных прав. Как заявлено в научной статье эстонского юриста, «непрерывность существования (continuity) эстонского государства не обсуждается. Что касается вопросов гражданства, законодательство балтийских государств о гражданстве во многом базировалось на законодательстве, которое в каждой из этих стран было в силе до 1940 г.»¹⁵.

По официальным оценкам, 1/3 населения Эстонии в 1992 г. относилась к «лицам с неопределенным гражданством». По данным переписи 2000 г., население Эстонии делилось по признаку гражданства на четыре основные группы: граждане Эстонии (около 80% населения), граждане России (6,3%), граждане иных государств (0,7%) и лица без какого-либо гражданства (12,4%)¹⁶. К началу 2011 г. гражданства Эстонии не имело 16% всего населения, доля лиц без какого-либо гражданства снизилась до 7%¹⁷.

Отвечая на критику по поводу сохраняющейся проблемы массового безгражданства, эстонские политики и эксперты, как правило, подчеркивают, что лица без эстонского гражданства не имеют «только» политических прав, а все прочие гражданские, экономические и социальные права у них имеются. Эти утверждения высвечивают некоторые важные причины принятия в начале 1990-х гг. решений, касающихся гражданства. Уже в начале 1990-х гг., «несмотря на то, что вопрос гражданства формулировался в терминах индивидуальных «прав», он рассматривался эстонцами как политическая заявка [местной] русской элиты и быстро стал частью открытых дискуссий о власти»¹⁸.

Пришедшие к власти радикальные националисты подчеркивали и «воспитательный эффект» своих решений в отношении гражданства. Как заявлял еще в 1990 г. будущий министр иностранных дел Т. Веллисте, «русское колонистское население в принципе является военным гарнизоном в гражданской одежде. Ни в коем случае нельзя давать им гражданство до того, как они выполнят ряд важных условий... Если вы дадите этим людям, которые по международному праву являются нелегальными мигрантами, ложные ожидания, вы только создадите путаницу у них в головах. Кто аннексировал Эстонию в 1940 г.? Сталин и Жданов. Вы должны понимать последствия этого! Сказав им это, мы сможем построить честные и

правовые отношения. Те, кто не захочет этого принять, может уехать»¹⁹.

Феномен массового безгражданства среди неэстонцев был вполне ожидаемым итогом применения принципов реституции к вопросу о гражданстве. Эта ситуация является одним из самых ярких примеров вторжения исторических интерпретаций в область этнополитики.

Когда в 1992 г. было восстановлено действие Закона о гражданстве 1938 г., это ознаменовало собой победу этнорадикальных политических сегментов, идеологическое поражение избранного в 1990 г. Верховного совета в борьбе с параллельным органом власти — Конгрессом Эстонии. При принятии решения о гражданстве «целью по-прежнему считались суверенитет и независимость ради защиты эстонской нации. Однако теперь это было оформлено (хотя бы риторически) в легалистских юридических понятиях, которые как бы изъяли из процесса подлинную националистическую составляющую. Это не было этнической борьбой за политическое доминирование; это было решение международного правового вопроса, когда одно государство было незаконно оккупировано другим в 1940 г., и теперь это государство имеет право восстановить свой суверенитет. Более того, у обычных эстонцев идея воссоздания корпуса граждан имела большой отклик, будучи возможностью публично отвергнуть легитимность Советского Союза, равно как и увеличить в психологическом плане уверенность в себе как в свободной нации»²⁰.

В целом иностранные эксперты обычно не сомневаются, что подлинной целью реституции в сфере гражданства было ограничение политического участия меньшинств, доля которых к концу советского периода превысила треть населения. Сошлюсь на недавнее решение американского апелляционного суда шестого округа по делу Щерба. В решении суда, который никак нельзя заподозрить в ангажированности, сказано, что «признавая гражданство лишь за теми, кто был гражданами до 1940 г. и за их потомками, Эстония манипулировала правилами о гражданстве с тем, чтобы исключить русских, иммигрировавших во времена советской оккупации. Эти ограничения касались даже тех жителей, которые родились в Эстонии...»²¹ На позицию американского суда не повлиял тот факт, что неграждане после 1992 г. могли пройти процедуру натурализации.

Проблема натурализации

Миграционная тематика также играет большую роль для обоснования реституционной риторики. Приезд в республику после II мировой войны многочисленных русскоязычных мог рассматриваться в качестве угрозы эстонскому языку и культуре. К тому же и тогда, и сейчас среди эстонцев главенствуют убеждения о привилегированном статусе русскоязычных в советское время²². В целом миграция оценивалась как

еще одна несправедливость, которая могла быть устранена при помощи определенных решений в рамках реституции и политики натурализации.

Исследователь Л. Калев считает, что исторически традиция гражданства в Эстонии была связана с концепцией нации культуры. «Долгая изоляция страны от институтов современного гражданства, незначительный опыт взаимодействия с легальными иммигрантами и местечковые привычки (*parochial elements in habits*) также оказывают влияние на установки и политику. После восстановления независимости страны Балтии продолжили как законодательные, так и философские касающиеся гражданства традиции довоенного времени, и в целом их законы о натурализации формируют их как «однообщинные» национальные государства»²³. Тем не менее, современные юридические требования к натурализации «всегда были относительно открытыми. Не имеется барьеров, которые невозможно преодолеть. Критерий гражданства для неграждан не зависит от этничности и основывается на индивидуальных достижениях, т.е. каждый желающий может выполнить эти критерии»²⁴. Как известно, основное натурализационное требование в Эстонии — сдача экзамена по эстонскому языку.

Большинство неэстонцев, видимо, пока не согласно с утверждениями об открытости натурализационного процесса. По данным «Мониторинга интеграции 2005 г.», 60% эстонцев рассматривали политику в области гражданства как «нормальную» и соответствующую международным требованиям, тогда как 70% неэстонцев считали ее слишком «жесткой и нарушающей права человека»²⁵. Понятно, что такие оценки невозможно объяснить вне контекста официальных исторических интерпретаций и различий в подходах между эстонцами и неэстонцами.

Вопрос о гражданстве в ракурсе этнических привилегий волновал некоторых зарубежных ученых, включая тех, кто открыто не ставил под вопрос юридические аспекты принятого в 1992 г. решения по поводу гражданства. Например, немецкий юрист Р. Алекси, участвовавший в правительственной комиссии по юридической экспертизе эстонской конституции, посвятил этому вопросу немало внимания в своей работе о фундаментальных правах в основном законе Эстонии. А именно, его интересовало, не противоречат ли языковые требования при натурализации второму предложению части 1 статьи 12 конституции, запрещающему дискриминацию по любому основанию, включая этническое. Алекси справедливо исходил из того, что наличие гражданства является предпосылкой для доступа к важным фундаментальным правам.

В целом аргументация немецкого юриста напоминает обычную аргументацию эстонских судов: «Не может быть никаких сомнений в том, что самосохранение и идентичность Эстонии являются явными конституционными ценностями с

учетом формулировок, истории создания, контекста и целей эстонской конституции. Кроме того, трудно сомневаться, что эти конституционные ценности включают также языковое самосохранение и идентичность»²⁶. Он считает возможным ограничение в этих целях означенного основного права не подвергаться дискриминации, поскольку это ограничение «соответствующее и необходимое», ведь требование о знании эстонского языка способствует эстонскому языковому самосохранению и идентичности.

Следуя классическому тесту определения возможности ограничения прав человека, Алекси далее затрагивает вопрос о пропорциональности ограничения запрета на дискриминацию, который он разрешает в пользу признания конституционности эстонского закона о гражданстве. Здесь он особо указывает на некоторые гарантии неэстонцам согласно конституции. Наличие этих гарантий доказывает, по мнению Алекси, что «дело заключается не в насильственной культурной ассимиляции, но в полномасштабной готовности русского меньшинства встать на один уровень с восстановленной эстонской государственностью. С учетом истории и смены власти самосохранение эстонского народа требует большего, нежели то, что считалось бы умеренным при других обстоятельствах»²⁷.

Нам кажется весьма примечательным желание Алекси рассматривать натурализационные требования сквозь призму антидискриминационных положений. Ведь само по себе требование о знании официального языка при получении гражданства этнической дискриминацией не является. Есть такие «интеграционные требования» и в Германии. Однако Алекси явно не рассматривает русское меньшинство в качестве «классических» вновь прибывших иммигрантов-поселенцев: он говорит о необходимости для русских соответствовать реалиям восстановленной эстонской государственности. Не вызывает сомнений, что работавший на эстонское правительство немецкий эксперт без

колебаний жертвует индивидуальными правами неэстонцев ради коллективных целей, имеющих заметный этнический акцент. Вместо ожидаемой отсылки к «нормальности» означенной процедуры натурализации он начинает объяснять, почему в данном конкретном случае оказывается нейтрализованным общий запрет на этническую дискриминацию представителей «русского меньшинства», причем с учетом истории и обстоятельств смены политического режима.

Выводы

В Эстонии идеология реституции выражена в ряде юридических документов, касающихся оформления республикой независимости от СССР. Она базируется на понимании всего советского периода истории как советской оккупации, после которой было необходимо восстановить Эстонскую Республику в первоначальное состояние (*restitutio ad integrum*).

Выбор в пользу идеологии реституции стал возможен в определенных политических и социальных условиях с учетом реакции этнического большинства на реальные и мнимые несправедливости советского времени. Реституционная идеология придавала и придает легитимность проводимой жесткой этнополитике в глазах большей части эстонского общества.

Реституция в области гражданства стала краеугольным камнем новейшей эстонской этнополитики. Она привела к появлению проблемы массового безгражданства, радикально ограничив политическое участие меньшинств. В условиях Эстонии основное требование в рамках натурализации — экзамен по эстонскому языку — может рассматриваться не только как обычное интеграционное требование, но и как выражение этноцентричных установок эстонской государственности, которые получают правовое обоснование через отсылки к истории и изменению характера политического режима в начале 1990-х гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Тишков В. Политическая антропология, Lewiston, Queenston, Lampeter, 2000. С. 22

² Parmas A. *Otto Tief ja 1944. a. Vahevalitsus* (Отто Тиеф и переходное правительство 1944 г.). Tartu, 2006.

³ Полоскова Т. Современные диаспоры. Внутриполитические и международные аспекты. М., 1999. С. 129.

⁴ Ilves T.H. *The OSCE mission in Estonia* // Helsinki Monitor, Vol. 13, 2002, no. 4. P. 323.

⁵ Так эстонская историография называет военные действия, которые имели место в ходе Гражданской войны 1917–1922 гг. на территории Эстонии и закончившиеся признанием в феврале 1920 г. большевистским правительством эстонской независимости.

⁶ Выводы Эстонской международной комиссии по расследованию преступлений против человечности (русская версия). С. 12. Имелись на www.historycommission.ee (посещение 1 августа 2007 г.)

⁷ Преступления нацистов и их пособников в Прибалтике (Эстония) 1941–1944: документы и свидетельства. Таллин, 2006. С. 179.

⁸ *Küüditamine* // *Eesti Entsüklopeedia* (Эстонская энциклопедия), Tallinn, 1990.

⁹ Кац Й. Эхо Хирвепарка // Молодежь Эстонии (газета). 2006. 28 августа.

¹⁰ Jurgaitiene K., Järve P. 1997. *The Baltic States: Renationalisation of Political Space* // Joenniemi P. (ed.)

Neo-Nationalism or Regionality: The Restructuring of Political Space Around the Baltic Sea Rim. Stockholm. P. 126–127.

¹¹ Полешук В. Латентный этнический конфликт в Эстонии на примере ситуации в Таллине // Этнополитика. Оренбург, 2005. №4. С. 32.

¹² Vetik R. Identiteedi probleem integratsioonis: sobiva proportsiooni leidmine avaliku sfääri ühtlustumise ja erasfääri erinevuste säilitamise vahel (Проблема идентичности при интеграции: нахождение подходящей пропорции между гомогенизацией публичной сферы и сохранением различий в частной сфере) // Uuringu Integratsiooni monitooring 2005 aaruanne (Отчет исследования «Мониторинг интеграции 2005 г.»). Tallinn, 2005. Lk. 89.

¹³ Uibopuu H-J. Minorities in Estonia, Their Legal Status under Estonian Law and Estonia's International Commitments. Salzburg, 1998. P. 27.

¹⁴ Kerikmäe T. European Convention on Nationality and State's Competence: The Issue of Human Rights // Juridica Internaitonal, vol. 2, 1997. P. 28.

¹⁵ Полешук В. (ред.) Проблемы прав национальных меньшинств в Латвии и Эстонии. М., 2009. С. 110.

¹⁶ Данные Департамента полиции и погранохраны представлены автору по запросу.

¹⁷ Ruutsoo R. Discursive Conflict and Estonian Post-Communist Nation-Building // Lauristin M., Heidmets M. (eds.) The Challenge of the Russian Minority. Emerging Multicultural Democracy in Estonia. Tartu, 2002. P. 44.

¹⁸ Цит. по: Lieven A. The Baltic Revolution. Estonia, Latvia, Lithuania and the Path to Independence. New Haven and London, 1994. P. 306.

¹⁹ Pettai V., Hallik K. Understanding Processes of Ethnic Control: Segmentation, Dependency and Cooptation in Post-communist Estonia // Nations and Nationalities, vol. 8, 2002, no. 4. P. 510–511.

²⁰ Lilia Stserba et al. v. Eric Holder, Attorney General, United States Court of Appeals for the Sixth Circuit, 20 May 2011

²¹ См. например, данные опроса жителей Таллина в 2005 г.: Полешук В. Латентный этнический конфликт в Эстонии на примере ситуации в Таллине // Этнополитика. Оренбург, 2005. №4. С. 26.

²² Kalev L. Multiple and European Union Citizenship as Challenges to Estonian Citizenship Policies: Abstract. Tallinn, 2006. P. 24.

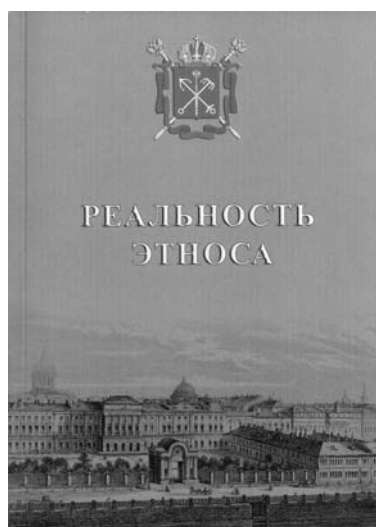
²³ Ibid.

²⁴ Hallik K. Kodakondsus ja poliitiline kaasatus (Гражданство и политическое участие) // Uuringu Integratsiooni monitooring 2005 aaruanne (Отчет исследования «Мониторинг интеграции 2005 г.»). Tallinn, 2005. Lk. 60–61.

²⁵ Alexy R. Põhiõigused Eesti põhiseaduses (Фундаментальные права в эстонской конституции) // Juridica, 2001 (eriväljaanne). Lk. 65.

²⁶ Ibid. Lk. 65–66.

В БИБЛИОТЕКУ ИСТОРИКА, ЭТНОЛОГА, ПОЛИТОЛОГА

РЕАЛЬНОСТЬ ЭТНОСА. ОБРАЗОВАНИЕ И ЭТНИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: сборник статей по материалам XIII Международной научно-практической конференции.

Санкт-Петербург. 12–14 апреля 2011 г. / под науч. ред. И.Л. Набока. — СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2011. — 511 с.

Сборник содержит статьи по материалам докладов и научных сообщений участников XIII Международной научно-практической конференции «Реальность этноса. Образование и этническая безопасность». Материалы сборника основаны на результатах исследований учёных, педагогов, представляющих научно-исследовательские центры, образовательные учреждения высшего, среднего профессионального образования, школы, музеи, общественные организации Санкт-Петербурга, Москвы, Оренбурга, Ставрополя, Новосибирска, городов кавказского региона, регионов Севера, Сибири и Дальнего Востока, а также Эстонии, Швеции, Белоруссии. Проблемы этнической безопасности рассматриваются сквозь призму различных областей гуманитарного знания — философии, этнологии, культурологии, политологии, социологии, психологии, педагогики, конфликтологии.

А.Д. Коростелев*

ЭТНИЧНОСТЬ И АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ГРАНИЦЫ В СЕВЕРНОЙ БАШКИРИИ: ОБ ОДНОМ ЗАБЛУЖДЕНИИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

По мере углубления в мое исследование я поражен, постоянно подмечая в жизни Франции тех времен черты, удивляющие нас в жизни сегодняшней. Я находил там во множестве чувствования, которые, как я думал, порождены Революцией; я находил там во множестве идеи, которые, как я до сих пор считал, также происходят из эпохи Революции; я находил там тысячи привычек, полагая, что и они также привнесены Революцией¹. Повсюду находил я корни современного общества, глубоко вросшие в ту старую почву.

*Алексис де Токвиль.
Старый порядок и Революция.*

В 2011 году исполнилось сто пятьдесят лет со дня отмены крепостного права. Реформы Александра II — крестьянская, судебная, военная, земская, образовательная и другие — существенным образом изменили облик России; оказали немалое влияние на развитие общественных процессов самого различного характера. Они стали первой вехой в целом ряду общественных потрясений, которые за последние полтора столетия пережила наша страна. Люди меряют ее историю и события своей собственной жизни этими вехами. Они говорили и говорят: «при крепостном праве», «до революции», «до коллективизации», «при советской власти». Обществоведы основывают на этих вехах периодизацию истории. Школа, литература и СМИ транслируют такое представление в массы, чем еще больше усиливают эту особенность массового сознания. И возникает соблазн упрощения — желание объяснять если не все, то многие явления общественной жизни исключительно радикальными изменениями политического и / или социального строя.

В современной России, как известно, существуют крупные административные единицы двух категорий: с одной стороны, края и области, названные, как правило, по административным

центрам, и с другой — республики, автономная область и автономные округа, наименования которых связаны с теми или иными этническими сообществами. Такая дихотомия возникла в первые годы советской власти, и по прошествии многих десятилетий сложилось представление, поддерживаемое различными политиками и публицистами, согласно которому создание административных образований и проведение между ними границ по этническому принципу — это изобретение большевиков, которое никогда до этого в административной практике России не встречалось. Практический вывод, который отсюда предлагается сделать, состоит в том, что поскольку такой порядок сравнительно новый (ему даже нет еще и ста лет) и не имеет исторических корней, то имеет смысл к этим корням вернуться и унифицировать административное устройство Российской Федерации.

Конечно, можно возразить, что за эти почти сто лет общество стало другим, что попытка такого переустройства повлечет за собой массу проблем, чреватых потенциальными конфликтами, что существование названных категорий субъектов Российской Федерации основано на ее действующей Конституции. Но в данном выступлении имеет смысл остановиться только на одном возращении против упомянутой точки зрения. Речь пойдет об ошибочности самого представления о том, что практика проведения административных границ по этническому принципу возникла только в советское время.

Это относится даже к крупным административным образованиям. В состав Российской империи входили Царство Польское и Великое княжество Финляндское. Нам могут возразить, что эти политические единицы были присоединены к империи сравнительно поздно — в начале XIX века и притом «в уже готовом виде». На

* Коростелев А.Д. — к.и.н., Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

большей же территории России границы губерний и областей были образованы отнюдь не по этническому принципу.

Этот очевидный факт нельзя оспорить. Однако в данном случае следует, прежде всего, с самого начала более четко разграничить два понятия: выделение административных единиц по этническому принципу и проведение административных границ по этническому принципу. В силу более или менее чересполосного характера расселения этнических групп в большинстве регионов не так уж часто вообще существует возможность провести четкую границу между территориями, где проживают эти группы. Поэтому в процессе выделения по этническому принципу административной единицы всегда допускается больший или меньший произвол. Если же проводить административную границу строго по этническому принципу или хотя бы по мажоритарно-этническому, то есть включая в состав определенной административной единицы только те населенные пункты, где данная национальность составляет большинство, мы можем получить территорию, состоящую из большого числа участков, не имеющих общих границ. Впрочем, практика административного деления знает и такие случаи как в дореволюционной России, так и в Советском Союзе.

Итак, губернии и области Российской империи были образованы не по этническому принципу. Тем не менее, этого нельзя сказать о местном уровне управления — о таких административных единицах, как волости. Организовать управление волостью было проще в том случае, когда в ней проживало этнически однородное население, в частности из-за того, что решение многих вопросов производилось на основе норм обычного крестьянского права, которые были различными в разных этнокультурных сообществах. Скажем, в мусульманской среде действовали нормы шариата. Поэтому считалось желательным, чтобы селения, где проживает православное и мусульманское население, причислялись к разным волостям. При этом специально задача создания этнически однородных административных единиц вовсе не ставилась. Это было «побочным» результатом данного подхода, причем такой результат получался далеко не всегда. Тем не менее, традиция учета этнического расселения при проведении административных границ возникла отнюдь не в советское время. Подобный учет практиковался на территориях со сложным этническим составом населения, но не повсеместно, а только в некоторых специфических ситуациях. Такая ситуация, в частности, существовала в XIX веке на территории Бирского уезда Уфимской губернии (по современному административному делению это примерно соответствует 12 северо-западным районам Республики Башкортостан).

Сложность этнического состава населения Бирского уезда (башкиры, татары, русские, марийцы,

удмурты) усугублялась сложностью его конфессионального и сословного состава и специфической историей административного деления данной территории. При этом чересполосное расселение разных этнических групп на этой территории, как и в большинстве других районов современного Башкортостана, являлось и является скорее правилом, чем исключением. В религиозном отношении башкиры и татары были мусульманами, русские — почти поголовно православными, подавляющее большинство марийцев и удмуртов оставались последователями своих традиционных этнических религий («язычниками»), очень небольшое их число приняло православие (частью формально). Кроме того, имел место переход некоторой части удмуртов и марийцев в ислам, сопровождавшийся сменой этнической идентичности.

Еще одной специфической чертой населения данной территории выступает культурно-языковая близость большей части проживающих здесь башкир и татар, сформировавшаяся в результате длительного взаимодействия двух тюркских мусульманских народов. В частности, эта близость выражается в распространенности у значительной части тюркоязычного населения нечеткой, двойственной или неустойчивой идентичности и в склонности не различать татар и башкир.

Термин башкиры имел как этническое, так и сословное значение. Второе было связано с тем, что при присоединении этого края к Русскому государству в XVI веке царскими жалованными грамотами были подтверждены права местного башкирского населения на земли, которыми они пользовались и которые таким образом стали их вотчинами. Так возникло сословие башкир-вотчинников, или асаба, причем вотчинные права были коллективными правами башкирских общин. Позже здесь появились переселенцы из различных районов Среднего Поволжья — татары, марийцы, удмурты, в южной части Башкирии также чувши, которых вотчинники, по терминологии того времени, «припускали» на эти земли, то есть позволяли на них поселиться, и таким образом возникла категория припущенников. Появление же русского населения в этом регионе было связано с государственной, помещичьей и монастырской колонизацией.

В 1798–1855 гг. башкиры и часть татар-припущенников («служилые мещеряки») составляли военно-служилые сословия и входили в состав Башкиро-Мещеряцкого войска. Существовало также военно-служилое сословие теплярей (также припущенников), куда относилась значительная часть мусульман (по происхождению татары и отчасти башкиры), а также большинство марийцев и удмуртов. Кроме того, часть татар, марийцев и удмуртов были государственными крестьянами. Тепляри занимали в сословной иерархии промежуточное положение между вотчинниками и государственными крестьянами. Русские кре-

стьяне делились на государственных, удельных, помещичьих.

Такие административные единицы, как волости, на этой территории первоначально существовали только у башкир и исторически были связаны с их родоплеменными группами, но в дальнейшем претерпели ряд преобразований. В связи с тем, что Башкиро-Мещерякское войско в военно-административном отношении подразделялось на кантоны и юрты, волостное деление стало играть менее важную роль, чем кантонно-юртовое (в состав одного юрта могли входить деревни разных волостей).

Тептяри подразделялись на команды. Анализ перечня тептярских селений Бирского уезда² в сопоставлении с известными по другим источникам сведениями об этнической принадлежности их жителей³ показывает, что в каждую команду входили либо только селения мусульман, либо только марийцев, либо только удмуртов. Таким образом, при формировании команд учитывался и этноконфессиональный фактор.

Вернемся к эпохе реформ Александра II. Одним из первых законодательных актов его царствования стал закон, принятый в 1855 г., причем всего через четыре дня после смерти Николая I, согласно которому Башкиро-Мещерякское войско было реорганизовано в Башкирское войско. При этом «мещеряки», а также все тептяри перечислялись в сословие башкир. Административная структура нового войска была изменена радикальным образом. Новые кантоны и юрты не имели никакого отношения к прежним, причем при их создании этнический состав уже не учитывался — юрты стали смешанными⁴.

После отмены крепостного права в 1861 г. одним из направлений преобразований стало создание крестьянского самоуправления на уровне сельских обществ и волостей. Были созданы сельские общества и волости и для селений, входивших в состав Башкирского войска⁵. При этом одни волости формировались на базе прежних башкирских волостей, куда включались и жившие на соответствующих территориях бывшие тептяри. Другие волости были образованы там, где значительное число марийских и / или удмуртских селений (иными словами, селений «язычников») было расположено компактно, и такие волости не включали или почти не включали мусульманские селения. Таким образом, там, где это представлялось возможным, власти старались развести селения мусульман и селения «язычников» по разным волостям, что способствовало уменьшению контактов между ними и, как следствие, влияния ислама на марийцев и удмуртов. Тем самым для селений Башкирского войска вновь стало параллельно существовать два административных деления: волостное и кантонно-юртовое. Однако в 1865 г. Башкирское войско были упразднено и волостное деление вновь стало единственным.

Что же происходило в это время с селениями русских крестьян, а также с теми марийцами, удмуртами и татарами, которые не входили в состав Башкирского войска, а в основном относились к категории государственных крестьян? На момент крестьянской реформы существовали отдельные волости для селений государственных крестьян и отдельные — для селений удельных крестьян, так как они управлялись различными ведомствами. Селения крепостных крестьян в волости не объединялись — они управлялись своими помещиками. Первоначально в 1860-е гг. шел процесс формирования новых волостей, на конфигурацию которых влиял не только территориальный фактор, но и принадлежность жителей селений к той или иной сословной категории.

В дальнейшем произошла существенная реорганизация волостного деления и унификация самих волостей. Однако при этом вновь не последнюю роль сыграл этнический фактор. Сравнение списков селений по волостям, относящихся к 1863 г.⁶ и к 1879 г.⁷, показывает, например, что ряд селений марийцев и удмуртов (в прошлом относившихся к категории тептярей) был перечислен из волостей, где преобладали мусульмане, в волости, где большинство составляли русские, а также государственные крестьяне той же этнической принадлежности — марийцы и удмурты. Этого не происходило там, где марийцы и удмурты жили в мусульманском окружении вдали от русских селений. Это происходило с удмуртами гораздо реже, чем с марийцами, также потому, что удмуртские селения в силу исторически сложившихся особенностей расселения гораздо реже располагались по соседству с русскими. Тем не менее, там, где это было возможно, такое преобразование произошло, и в результате было сформировано несколько волостей, где преобладающей национальностью выступали русские, а второе место по численности занимали марийцы. В то же время власти стремились к тому, чтобы селения русских и мусульман в основном находились в пределах различных волостей, за исключением тех случаев, когда одиночные мусульманские селения были расположены в окружении русских селений вдали от границы данной волости.

В дальнейшем переселение значительного числа русских крестьян на территорию Уфимской губернии, в том числе в Бирский уезд, и образование ими новых поселков на земле различных волостей сделали картину этнического расселения более чересполосной, а этнический состав населения волостей более пестрым. Административные преобразования начала XX века фактически уже не учитывали этнической принадлежности сельских жителей.

Тем не менее, моноэтнические административные единицы низового уровня еще продолжали длительное время существовать на данной территории. Но это были уже не волости, а сельские

общества в дореволюционное время и сельсоветы в 1930–1940-е гг.

Можно привести и другие случаи организации административного управления по этническому принципу в России XIX века.

Так, калмыки Астраханской губернии подразделялись на девять улусов независимо от того, в пределах какого уезда они кочевали. Способ управления шестью из этих улусов был сходен с управленческими моделями, практиковавшимися европейскими государствами в своих заморских колониях, тогда как остальные три улуса управлялись по модели протекторатов⁸.

«Татары Минусинского округа», предки нынешних хакасов, управлялись так называемыми «степными думами» и «инородными управами», подчиненными начальству соответствующих округов Енисейской губернии⁹.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Токвиль, Алексис де. Старый порядок и Революция. М.: Московский философский фонд, 1997. С. 5.

² Давлетбаев Б.С. Ведомости земских исправников о числе тептярей и бобылей Оренбургской, Пермской и Вятской губерний, количестве принадлежащих им земель с указанием актов и прав на эти земли, спорных и общих с другими лицами владений. № 11. Бирский уезд // Малоизученные источники по истории Башкирии. Уфа, 1986. С. 125–152.

³ Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Т. 7. Ч. 2. Список земельных владений губернии. Уфа, 1901. С. 526–660.

⁴ Установлено по: Сведения о башкирах, тептярях, мешеряках уездных казначейств Уфимской губернии... Ведомость Бирского уездного казначейства о наличности душ, состоящих к 20 декабря 1863 г., — башкир, мешеряков и тептярей // История административно-территориального деления Республики Башкортостан (1708–2001). Уфа: Китап, 2003. С. 343–355.

⁵ Список башкирских деревень с разделением их на волостные и сельские общества. 1863 г. ... 6-го Бирского

кантона // История административно-территориального деления... С. 390–403.

Немецкие колонии в Херсонской губернии составляли округа, входящие в состав уездов¹⁰, и т.д. Таким образом, в Российской империи на некоторых территориях, где население принадлежало к разным этническим сообществам, исповедовало разные религии и относилось к разным сословным категориям, существовала практика организации низовых административных структур не столько по территориальному принципу, сколько с учетом этой этнической, конфессиональной и сословной неоднородности. Подобная традиция, корни которой восходят еще к феодальной эпохе, стала в дальнейшем одним из факторов формирования в общественном сознании представления о необходимости существования административно-территориальных единиц, сформированных с учетом этнического состава населения.

кантона // История административно-территориального деления... С. 390–403.

⁶ Там же.

⁷ Список селений по волостям Уфимской губернии. 1879 г. ... Бирский уезд // История административно-территориального деления... С. 437–449.

⁸ Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным Статистическим Комитетом Министерства Внутренних дел. II. Астраханская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 года. Обработан Старшим Редактором А. Артемьевым. Спб., 1861. С. 32.

⁹ Списки населенных мест Российской империи... II. Енисейская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 года. Обработан состоящим при Комитете Р. Мааком. Спб., 1864. С. XXX.

¹⁰ Списки населенных мест Российской империи... XLVII. Херсонская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 года. Обработан редактором Л. Майковым. Спб., 1868. С. LXIX.

А.В. Девятков*

ПОЛИТИКА РОССИИ В ОТНОШЕНИИ ПРИДНЕСТРОВЬЯ: МЕЖДУ СУВЕРЕНИЗАЦИЕЙ И ЛЕГИТИМНОСТЬЮ

Россия является одной из главных сил, от которых зависит международно-политическая реорганизация территории современной Республики Молдова. Формально под юрисдикцией этого государства находится Приднестровский регион, который в результате политического, а затем и военного конфликта с Кишиневом в 1989–1992 гг. провозгласил свою независимость и за 20 лет самостоятельного существования сумел построить собственную политико-правовую, социальную и экономическую систему. Россия, хотя и не была в прямом смысле участником вооруженного конфликта 1992 г. (таковым была скорее 14-я армия, слабо контролировавшаяся Москвой), вмешалась в события на стороне Приднестровской Молдавской Республики: под командованием генерала Лебеда 14-я армия осуществила точечную военную операцию против молдавской армии и способствовала тем самым ее деморализации и поражению. Итоговое соглашение, которое положило конец вооруженному конфликту, было подписано между Молдовой и Россией, что закрепило как правовую, так и моральную ответственность России за судьбу республики на левом берегу Днестра.

Для России участие в урегулировании конфликтов как в Молдове, так и в других странах постсоветского пространства с 1993–1994 гг. приобрело значение важного элемента внешней политики. Во-первых, речь шла о том, что Россия пыталась и пытается до сих пор найти собственное место в пространстве европейской системы безопасности и в целом определить фундаментальные основания собственной внешнеполитической идентичности.

Ориентируясь на современную школу критических / постструктуралистских исследований, можно прийти к выводу о расколотости, фрагментарности этой идентичности. Россия, несмотря на заявления о независимости собственной внешней политики, в плане идентичности за-

висима от конструируемого ею образа Европы / Запада. С одной стороны, на основе дискурса национального суверенитета и соотнесенности с Европой и Западом в России существует стремление играть равноправную и легитимную роль в международной политике, эффективно разрешать региональные конфликты и т.д. С другой стороны, это стремление увязано с фактом признания со стороны Европы / Запада. Наличие на Западе политических сил, выступающих против тесной интеграции с «другой» Россией, а также практики самоисключения России препятствуют сближению двух частей Европы, что приводит к обострению у Москвы чувства исключительности. Поэтому очень часто российская внешняя политика насыщена эмоциями, непредсказуема. Россия вследствие этого зачастую обращалась к геополитическим концепциям о пространстве СНГ как о «зоне влияния» или исключительной ответственности, стратегии «сдерживания» НАТО и т.д. Приднестровье и находящаяся там 14-я армия становятся тогда инструментом укрепления российского влияния как в Молдове, так и в целом в регионе западной части СНГ. Сам по себе факт диалогичности российской и западной идентичностей может быть как позитивным, так и негативным фактором их отношений, в том числе по вопросу региональных конфликтов.

На практическом уровне внешняя политика России оказывается крайне противоречивой. Например, в приднестровском вопросе Москва, с одной стороны, выражает свое согласие с принципом территориальной целостности Молдовы, является посредником на переговорах между конфликтующими сторонами (в формате 5+2 или 2+1). С другой стороны, поддержка Россией Приднестровья не всегда стыкуется с принципом нейтральности посредника: Россия синхронизирует два юридически разных вопроса (вывод бывшей

* Девятков А.В. — Тюменский государственный университет

14-й армии и политическое урегулирование конфликта), осуществляет масштабную поддержку Приднестровья в виде фактически бесплатного газа (долг ПМР достигает уже 2,8 млрд долларов), дает гражданам ПМР возможности приобрести российское гражданство, осуществляет так называемый гуманитарный проект в Приднестровье, выражающийся в поддержке социальной и пенсионной систем левобережья Днестра, и т.д.

В правящей политической элите России давно наметился явный раскол между теми, кто выступает за легитимную с точки зрения международного права формулу урегулирования (Г. Павловский, Институт современного развития и др.), и теми, кто выступает за суверенизацию Приднестровской Молдавской Республики (М. Колеров, К. Затулин и др.). Существует также влиятельное мнение о необходимости прагматизации и коммерциализации российской внешней политики: в рамках этой логики Приднестровье видится скорее как финансовая обуза. Исход борьбы между этими группами мнений за определение приоритетов России, в т.ч. на постсоветском пространстве, еще пока не ясен.

Противоречивая политика России приводит к очень серьезным негативным последствиям: подавая противоречивые сигналы политикам и общественности в Молдове и Приднестровье, Москва способствует возникновению многих обстоятельств, которые цементируют статус-кво в урегулировании и делают возможность радикального политического акта (достижение договоренности об урегулировании) минимальной. В самом Приднестровье идея государственности вовсе не является единственно приемлемым вариантом разрешения конфликтной ситуации. Профессор университета г. Осло П. Колсто описал тамошнюю идеологию государственности как «реактивный национализм». Для Молдовы требуется эффективное внешнее посредничество и, главное, постоянное давление на конфликтующие стороны, чтобы реализовать необходимые Приднестровью международные гарантии, а также обеспечить прозрачность любой конструкции урегулирования.

Особенно ситуация противоречивости российской внешней политики проявилась в 2010–2011 гг. Российско-германские переговоры в Мезеберге в июне 2010 г. положили начало процессу активных переговоров по приднестровской проблеме, в случае успеха которых ЕС обещал России, как минимум, создание общего комитета по делам безопасности. Создание подобного института дало бы России дополнительные основания говорить о «стратегическом партнерстве» с Евросоюзом. Не менее важными, как представляется, были разговоры о либерализации визовых и торговых отношений. Москва явно пошла на очень важные символические уступки, согласившись обсуждать полицейскую, а не военную миссию в Приднестровье, а также недвусмысленно заявив о под-

держке Анатолия Каминского на пост президента Приднестровья на выборах в декабре 2011 г.

Однако переговоры о возобновлении функционирования официального формата 5+2 в июне 2011 г. окончились неудачей. Это произошло по нескольким причинам, в том числе вследствие кампании в прессе, развернутой против Мезебергского процесса и лично президента Медведева в контексте предвыборной ситуации в России. В частности, на сайте агентства Регнум публиковались не только статьи приднестровских экспертов, обвинявших Россию и ее политическое руководство в «сдаче Приднестровья», но и имена конкретных сотрудников Администрации Президента РФ, которые якобы действуют против национальных интересов России в Молдове. Внешняя обстановка (в т.ч. новости о размещении ПРО США в Румынии) способствует консервативной линии внешней политики России и позиционирует Мезебергский процесс как заигрывание с Западом, которое не должно вести ни к каким радикальным переменам в региональном раскладе сил вокруг Молдовы. В этой связи умеренный либерализм российской внешней политики (в т.ч. и в контексте ливийской ситуации) превращается в дополнительный ресурс устойчивости политического режима в России, обеспечивая относительную лояльность Запада в отношении того, что происходит в самой России, переживающей непростой экономический и политический период.

Однако, по мнению многих экспертов, сохранение статус-кво в приднестровском урегулировании невыгодно России в долгосрочной перспективе. Партия «Обновление», которая возглавляется вышеупомянутым Анатолием Каминским и имеет прямые связи с крупнейшей в Приднестровье и Молдове финансово-промышленной группой «Шериф», уже высказалась за «европейское решение» конфликта с Кишиневом. Напрямую сегодня в Приднестровье никто не может заявить о том, что в сегодняшней международно-политической ситуации невозможно ничего, кроме создания самостоятельного государства ПМР. Однако желание прагматичного диалога с Кишиневом подавить вряд ли возможно вследствие серьезных экономических интересов, которые уже давно вышли за пределы первичного накопления капитала с помощью серых и полусерых схем. То, что Россия поддерживает «Обновление», доказывает, что в Москве понимают всю опасность неконтролируемого конфликта законодательной и исполнительной ветвей власти в Приднестровье. Журналист Михаил Леонтьев, побывав в июне в Тирасполе и говоря от имени российского руководства, заявил о том, что Россия должна способствовать демократизации, пока приднестровские оппозиционные силы не перешли к «оранжевым» сценариям. Но ориентация оппозиции на Москву сохраняется до тех пор, пока Россия оказывает давление на режим

Смирнова с целью его демократизации или даже демонтажа.

Вызовом российскому присутствию является прежде всего политика Кишинева, который в одностороннем порядке последовательно идет по пути европеизации. По собственной инициативе идя на уступки ЕС, Молдова надеется на скорейшую интеграцию в Евросоюз, что даст ей большие преимущества перед идеей приднестровской государственности в глазах как простых граждан, так и политической и экономической элит левого берега. К концу этого года вполне возможно заключение соглашения об ассоциации Молдовы и ЕС.

Таким образом, участие России в реорганизации политического пространства Молдовы на данный момент является противоречивым и строится на реактивной основе. Москве необходимо предложить комплексный подход к урегулированию

конфликта и будущему Молдовы, если она хочет сохранить собственное позитивное влияние (soft power) в этом государстве, которое все в большей степени перерастает понятие «постсоветское пространство». Жесткие формы сопротивления тому же расширению НАТО вряд ли сохранят свое воздействие даже в ближайшей перспективе: интеграция таких стран как Молдова и Украина в пространство ЕС, хотя и медленно, но все же продвигается (реакция России в виде давления на Украину по поводу Таможенного Союза тому лишнее доказательство), а в самих этих странах, насколько бы сильны не были их внутривнутриполитические раздоры и проблемы идентичности, происходит консолидация национальных проектов государственного строительства с использованием России как Другого, который представляется как источник давления, политического и экономического.

В БИБЛИОТЕКУ ИСТОРИКА, ЭТНОЛОГА, ПОЛИТОЛОГА

В.А. Тишков, Ю.П. Шабаев ЭТНОПОЛИТОЛОГИЯ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ЭТНИЧНОСТИ: учебник для вузов

М.: Издательство Московского университета, 2011. — 376 с. (Библиотека факультета политологии МГУ)

Учебник подготовлен академиком, директором Института этнологии и антропологии Российской академии наук В.А. Тишковым и известным специалистом в области этнополитологии, доктором исторических наук, профессором Ю.П. Шабаевым. В его основу лег курс лекций, прочитанный на факультете политологии МГУ имени М.В. Ломоносова. В учебнике излагаются основные положения и проблемы современной этнополитологии — науки о политических функциях этничности и о политическом взаимодействии государства и этнических сообществ. Рассмотрены предмет и методы науки, теоретические подходы к анализу исследовательских направлений, проблемы политической организации многоэтнических обществ, этнонационализма, конфликтов и прикладное значение науки.

С.К. Сагнаева*

МИЛИЦИЯ И ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ: ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ УЧАСТИЯ МИЛИЦИИ В КОНФЛИКТЕ

(Киргизстан, Ош, 2010)

Киргизская милиция пережила серьезную трансформацию в процессе двух революций и политических событий последнего десятилетия, насыщенного противостоянием оппозиции и власти¹. Так же как и политические участники, милиция научилась лавировать и вырабатывать собственную тактику для обеспечения своих интересов. Оказавшись «меж двух огней» во время революционных событий, часть милиции выбрала тактику неповиновения власти. В периоды мирного противостояния власти и оппозиции милиция часто отказывалась выступать на чьей-либо стороне, опасаясь, что в итоге окажется жертвой враждующих политиков. Милиция могла открыто заявить накануне митингов оппозиции, что она отказывается, например, применять силовые методы разгона протестантов. Не раз милиция сама выходила на митинги, сопротивляясь попыткам политиков переложить на ее плечи ответственность за гибель протестующих или заявляя о своих правах.

Именно поэтому киргизские революционеры, захватывавшие силой власть во главе с Курманбеком Бакиевым в 2005 или Розой Отунбаевой в 2010 году, мало могли рассчитывать на поддержку большей части милиции, даже если она сочувствовала оппозиции. Плохо управляемая милиция превратилась к концу декады в самое «слабое звено» киргизской государственности: кризис милиции стал первым сигналом превращения Киргизстана в «хрупкое государство».

Отправной точкой трансформации киргизской милиции стали Аксы́йские события². В марте 2002 г. во время мирного шествия жителей южной Джалалабадской области в защиту арестованного по указанию правительства Аскара Акаева оппозиционного депутата и земляка Азимбека Бекназарова милиция открыла стрельбу. Пять молодых жителей Аксы погибли. Инцидент вызвал рез-

кую реакцию оппозиции и близкой к ней части гражданского общества, обвинивших милицию в служении «режиму», а не «народу». Спецназовцам удалось избежать тюрьмы только благодаря амнистии. В дальнейшем оппозиция использовала и риторику, и способы политической мобилизации населения, чтобы принудить милицию к отказу от поддержки власти в конфликтах между властью и оппозицией. Население южных аилов могло, например, изгнать своего участкового, если он злоупотреблял властью.

Милиция в сельских поселениях юга страны олицетворяла власть больше, чем чиновники местного уровня. Именно милиционеры были ближе к рядовому населению, чем акимы — главы местных администраций или главы местных органов самоуправления, не говоря о губернаторах областей или далеко от юга правительстве в Бишкеке. Милиционеры были также в гораздо большей степени источниками недовольства населения по сравнению с местными властями. Конфликты между сотрудниками милиции, подавляющее большинство которой составляли киргизы, и рядовыми узбеками часто, казалось, легко могли перерасти в межэтническое столкновение. Коррупцированная милиция сама нередко провоцировала возбуждение уголовных дел, зачастую привлекая криминал для давления на бизнесменов или торговцев или преследуя их сама, чтобы получить свой «куш» — взятку за откуп. Готовность милиционеров закрыть возбужденное дело в обмен на вознаграждение снижала напряженность во взаимоотношениях с населением. И та, и другая стороны привычно «решали» проблемы, не доводя дело до суда. Поэтому казавшиеся неизбежными межэтнические стычки на местах легко прекращались, а протестные настроения медленно копились как среди киргизского, как и среди узбекского рядового населения, не про-

* Сагнаева С.К. — независимый эксперт по Киргизстану

являясь всплесками масштабного недовольства. Но в то же время они легко могли вылиться в любой момент в ожесточенное противостояние милиции и населения, как это случилось после трагедии в Аксы.

Правительство Акаева не проявило «заботы» даже о высокопоставленных офицерах милиции, оказавшихся под следствием, и склонно было скорее присоединиться к обвинениям оппозиции в адрес спецназа, стрелявшего в протестующих, чтобы снять с себя политическую ответственность и отвести обвинения оппозиции в приказе стрелять, данном «сверху». Этот момент оказал сильное воздействие на «дух» милиционеров: многие офицеры именно с тех пор выбрали позицию невмешательства в политические игры, по сути, отказавшись исполнять команды своего начальства в подобных столкновениях власти и ее оппонентов. Часть милиционеров предпочла лавировать, угождая и «народу», и власти, освоив риторику политических оппонентов власти, приглядываясь к новым патронам среди оппозиционеров. Критические высказывания в адрес власти из уст милиционеров усилились именно после Аксыйских событий, когда милиция испытала сильную растерянность от действий власти, не торопившейся на выручку своих слуг.

Тюльпановая революция 2005 года застала милицию в раздвоенном состоянии: она была мало способна хранить верность президенту Акаеву, помня о том, что власть может легко сделать ее «виновной». Значительная часть высоких милицйских чинов, так же как и руководителей спецслужб и генеральной прокуратуры, перешла на сторону революционеров задолго до революции 2005 года, особенно на юге страны. Милиция не проявляла энтузиазма при разгоне демонстрантов в Джалалабаде или в Оше, откуда начали свое триумфальное шествие революционеры в марте 2005 года. Солдаты внутренних войск охраняли здания областных администраций и других важных объектов, но самого небольшого натиска часто было достаточно, чтобы они по команде своего руководства или без команды стремительно покидали свой пост. В Джалалабаде, например, милиция некоторое время стреляла в воздух, отпугивая атакующих здание администрации, а в Оше почти без выстрелов покинула свой пост. В Бишкеке во время штурма Белого Дома милиция также не усердствовала в отражении атак митингующих, которые довольно быстро вошли в здание, преодолев сопротивление так называемых «белокепчников» — полукриминальных спортсменов, нанятых для охраны Белого Дома. То есть с первых дней революции было очевидно, что милиция на стороне революционеров. Самым распространенным лозунгом, под которым милицйские чины или рядовые милиционеры присягали новой «народной» власти на площадях, был лозунг «Милиция с народом!»

Во время правления президента Бакиева (2005—2010) милиция, как и весь сектор безопасности, перешла под жесткий контроль семьи президента, и это усилило коррупцию, криминализацию и деморализацию в ее рядах. Милиция, как и другие правоохранительные структуры, контролировала и наркотрафик, хотя, как заметил один из международных экспертов, «милиция мало что получала от этого контроля», который был сосредоточен в руках высшего руководства страны³. Теневым источником доходов большей части сотрудников милиции были поборы с населения, в частности, базарных торговцев, бизнесменов, особенно — игрового бизнеса и др. Большая часть офицеров милиции была мало причастна к огромным доходам, которые получала семья Бакиевых, используя правоохранительные органы для контроля над бизнесом, наркотрафиком, приграничной торговлей и другими сферами. В то же время при Бакиевых началось строительство жилых домов для милиционеров, были повышены зарплаты и увеличены соцпакеты, что имело воздействие на лояльность власти части рядовых офицеров, но все же не заменило подлинных реформ всей системы.

Апрельская революция 2010 года и последовавшие за ней события по изгнанию президента Бакиева из Джалалабада стали серьезным вызовом для милиции. В очередной раз после смены власти милиция страны должна была решить вопрос «с кем идти?» И на севере, и на юге страны милиция чаще всего отказывалась выступать в роли преследователей прежней власти, особенно после неудачных назначений на высшие должности в МВД «временщиков». Министром МВД стал один из революционеров — более известный как депутат парламента и бизнесмен Болот Шернияз, который много лет не работал в милиции (его последним воинским званием было сержантское, но вскоре после назначения он был произведен в генералы). Хотя он и делал громкие заявления о том, что милиция перешла на сторону революционеров, его реальная власть редко простиралась за пределы его кабинета.

Министром МВД почти все время бакиевского правления был Молдомуса Конгантиев, земляк президента. Он успешно лавировал между членами семьи президента, чтобы удержаться в должности, угождая по очереди тому, кто имеет наибольшее влияние. Старший брат министра МВД занимал должность генерального прокурора, но очевидный конфликт интересов не смущал никого. В апреле 2010 года Молдомуса Конгантиев был направлен в Талас — город на северо-востоке страны, который первым начал ожесточенное противостояние власти. Министр МВД, который должен был утихомирить взбунтовавшихся таласцев — земляков Болота Шернияза, попал в руки протестующих, отомстивших за арест Шернияза. Они жестоко избили Конгантиева — видео избитого до крови министра было показано почти на всех россий-

ских телеканалов. В Таласе были избиты и изгнаны милиционеры, прибывшие из столицы и из южных регионов страны в качестве подкрепления. Особенную жестокость жители города проявили по отношению к южным спецотрядам милиции. Десятки милиционеров получили серьезные увечья.

Эти действия революционных толп и их лидеров привели к усилению саботажа милицией после прихода новой власти. Когда назначенный Временным правительством министр МВД Болот Шернияз посетил Джалалабад 17 апреля 2010 года, толпа вытеснила его с площади, не дав ему говорить, а его машину забросала камнями и бутылками. Милиция не выступила в его защиту и потребовала снять его с должности. В мае 2010 года милиционеры вышли на митинг в центре Бишкека, требуя снять с должности нового министра и прекратить «вмешивать милицию в политику».

Временное правительство, не получившее после революции большой поддержки южных элит, заключило альянс с лидерами узбекской общины для того, чтобы изгнать засевших в Джалалабаде — на родине Бакиевых — членов семьи свергнутого президента. Глава части узбекской общины Джалалабада, крупный предприниматель, миллионер и бывший депутат парламента Кадыржан Батыров поддержал приглашение революционеров помочь в изгнании Бакиевых из Джалалабада. Сам К. Батыров был давним оппонентом Бакиева, братья которого сначала соперничали с ним в контроле над Джалалабадом, а потом сильно ограничили его влияние, незаконно отняв часть его собственности в этом городе.

Всплеск политической активности лидера узбеков юга, подогретый поддержкой ключевых членов Временного правительства, почти сразу вызвал неодобрение южных киргизских элит — чиновников местных администраций и сотрудников правоохранительных органов. К опасениям, что Временное правительство начнет «чистку» среди южан, нелояльных к «северной» власти, прибавилось раздражение по поводу того, что революционная власть поддержала южных узбекских политиков с их требованиями политических прав для узбеков юга, в частности, пропорционального представительства в милиции и использования узбекского языка в местах компактного проживания узбеков. Временное правительство к тому же действительно провело «чистку» на уровне центральной власти, обвинив высокопоставленных чиновников юга в солидарности с прежней властью. Все правоохранительные органы оказались зависимыми от декретов новой власти, а не от законов и конституции страны. В этой атмосфере милиционеры, так же как и сотрудники других правоохранительных структур, были больше озабочены сохранением должности или своей безопасностью, чем следованием букве закона.

Озлобленные и в очередной раз потерявшие перспективы карьеры и стабильной среды существования, сотрудники милиции, так же как и политические элиты, оказались на распутье. Особенно это касалось южных элит, которые с приходом к власти представителей севера, очевидно, могли легко потерять свои позиции. Раздражение послереволюционной неразберихой усилилось после амбициозных выступлений узбекских политических лидеров, открыто выступивших вместе с политическими лидерами юга, например, Омирбеком Текебаевым или Азимбеком Бекназаровым, против «бакиевцев» и любых противников новой власти. Давнее политическое соперничество политиков — узбеков и киргизов — на юге страны, усиленное конкуренцией в бизнесе, вылилось в почти открытую неприязнь и готовность к более решительным действиям с обеих сторон.

Митинги в мае 2010 г. в Джалалабаде показали высокую степень политической конфронтации узбеков и киргизов: лозунги с обеих сторон были радикальными, столкновения сопровождались вооруженными конфликтами. В итоге офицеры милиции, так же как и южные киргизские элиты, приобрели уверенность, что виновниками майских вооруженных столкновений в Джалалабаде являются лидеры узбекской общины, призывавшие рядовых узбеков к «узбекской автономии», а Временное правительство находится в сговоре с ними и этим поощряет их действия против киргизов. Многие милиционеры, так же как и силовики, вместе с киргизскими элитами юга были на стороне «интересов» киргизов. Такой политический контекст, предшествовавший трагическому конфликту в Оше в июне 2010 года.

Ни одна из правоохранительных структур страны, включая милицию, не смогла ни предотвратить масштабный вооруженный конфликт в июне 2010 года на юге страны, ни остановить массовые убийства и погромы, жертвами которых стали около 400 человек и около двух тысяч были ранены⁴. Временное правительство, занятое преследованием своих политических оппонентов и отъемом собственности, мало реагировало на тревожные сигналы с юга о радикализации и политиков, и рядового населения.

Во время Ошского конфликта часть милиционеров, как и офицеров и солдат киргизской армии, выступила на стороне погромщиков, выбрав солидарность с ними, а не следование приказам начальства или призывам новой власти. Военные в Оше не смогли противостоять атакам толпы, которая захватила БТРы и оружие в воинских и пограничных частях, дислоцированных в Оше. Милиция имела слишком мало технических и человеческих ресурсов, чтобы остановить многотысячные толпы погромщиков в первые дни конфликта, начавшегося с драки в казино. Хотя небольшая команда милиционеров в Оше — сторонников новой власти — пыталась

остановить толпы погромщиков, перевес был не на их стороне. Попытки Временного правительства усилить милицию южных городов северными «добровольцами» — дружинниками или профессиональными милиционерами — дали обратный результат: прибывшие с севера киргизы чаще присоединялись к погромщикам, чем участвовали в миротворчестве. Погромщики часто возглавлялись криминальными лидерами и юга, и севера страны, которые успешно взаимодействовали с некоторыми политическими активистами и представителями власти. Среди ключевых участников конфликта были разные группы, интересы которых совпали и выражались в виде этнической солидарности во имя восстановления «порядка» и «справедливого возмездия».

«У нас нет ни милиции, ни армии, ни спецслужб» — эти слова можно было услышать от многих членов Временного правительства в первые дни конфликта на юге страны. Революционеры были обескуражены быстрым процессом перехода значительной части милиции и армии на сторону погромщиков и их криминальных лидеров⁵. У большинства офицеров милиции не было особой идеологии, которой мотивировалась бы их поддержка погромщиков — киргизов из горных районов юга, которые стремительно хлынули в Ош и позже Джалалабад сразу после сигналов о том, что в Оше «узбеки бьют киргизов». Хотя среди южной милиции было достаточно сторонников семьи Бакиевых, вряд ли можно было в тот момент назвать их преданными приверженцами прежней власти. Один из высших офицеров милиции коротко выразил свои чувства во время погромов в Оше: «Узбеки допрыгались: они начали первыми, сами виноваты».

Милиция, не пользовавшаяся большим доверием населения и до событий в Оше, во время так называемых «зачисток» — рейдов вооруженных групп милиции и военных для выявления очагов сопротивления в узбекских кварталах — махалях Оша и Джалалабада, повела себя почти как погромщики, бесконтрольно нарушая законы. Офицеры милиции воровали вещи во время обысков, избивали задержанных на глазах семьи, изымали без протоколов деньги и золотые украшения, рвали паспорта узбеков, отгоняли личный транспорт, применяли силу и угрозы, чтобы найти «виновников» конфликта. Массовые нарушения прав человека, пытки подозреваемых, преимущественно узбеков, до предъявления обвинения или суда в ИВС или СИЗО приняли серьезный масштаб. Почти вся киргизская милиция состоит из этнических киргизов, поэтому и рейды милиции, и пытки подозреваемых превратились в длительный источник межэтнической напряженности.

Временное правительство столкнулось с протестом милиционеров и других структур безопасности во второй раз, когда сразу после конфликта попыталось пригласить в страну международную

полицейскую миссию под эгидой ОБСЕ из 52 полицейских, которые должны были участвовать в мирных инициативах в Оше. Эта идея казалась спасением и международным организациям, и Временному правительству, когда стало очевидным, что местная милиция окончательно утратила доверие населения. Акция по привлечению международных полицейских, тем не менее, не была осуществлена из-за протеста и милиционеров, и политиков, особенно юга страны, которые резко заявили, что нет гарантий безопасности для безоружных участников этой миссии. За этими заявлениями скорее скрывался страх вмешательства третьей стороны, которая могла обнаружить преступления и власти, и милиции.

Правительство мало работало на повышение доверия общества к милиции и после конфликта. По сей день проблема пыток остается одной из самых злободневных, особенно на юге страны. Президент Роза Отунбаева призналась во время недавней поездки в Ош в августе 2011 года: «Стало нормой использовать в отношении Киргизстана такие слова, как «геноцид» и «апартеид». В иностранной прессе приводятся конкретные факты незаконных арестов и пыток. И речь преимущественно о лицах узбекской национальности. Помнится, после июньских событий нас обвиняли в геноциде. Теперь прибавилось обвинение в апартеиде. Вот до чего мы дожили! ...В СМИ сотрудников правоохранительных органов называют озверевшими ментами, которые творят беспредел»⁶. Однако ограниченность влияния президента страны, покидающей временную должность осенью 2011 г., и, наоборот, усиление региональных политических лидеров, например, мэра Оша Мелиса Мырзакматова, почти полностью контролирующего ситуацию в Оше, не обеспечивают жесткого контроля над милицией⁷. Многолетние попытки реформ милиции, предпринятые международными организациями и киргизским правительством, не смогли удержать киргизских милиционеров, которые получили уже и криминалистические лаборатории, и спецсредства и были обучены на тренингах по правам человека, от «выбивания» показаний. Киргизская милиция превращается в один из серьезных источников конфликта, подрывающая и государственность, и стабильность мирной жизни, особенно на юге страны.

Угроза нового участия милиции в конфликте сохраняется. Реформы милиции не продвигаются из-за отсутствия политической воли и сопротивления значительной части милиции. И политики, и бизнесмены обзавелись «народными дружинами» и частными «армиями» для участия в борьбе за власть и охраны своей собственности. Если раньше политический вес депутатов или чиновников измерялся количеством людей, которых они могут вывести на митинг, то теперь влияние политиков измеряется численностью и боевым арсеналом их «армий»⁸.

Такие мобильные вооруженные группы успешно конкурируют с милицией после революции и Ошских событий. Государство не имеет средств для усиления технического потенциала милиции или обучения милиционеров, но главный вопрос лежит все же в другой плоскости: кому служит милиция, если государство переживает период распада ключевых институтов? Нужна ли милиция, которая не обеспечивает безопасность граждан государства и превращается в самостоятельного политического игрока?

Киргизская милиция обогатилась за последнюю декаду большим опытом регулирования конфликтов. Именно офицеры милиции вынужденно выступали медиаторами, когда власть не могла найти общего языка с населением. Милиция в действительности показала, что она намного «ближе к народу», чем власть или армия, в большинстве случаев проявляя большее понимание протестующих, чем белодомовские чиновники. Милиция прекрасно осведомлена об их настроениях и, в отличие от чиновников, не задает вопросов «почему эти люди вышли на площадь?» Милиция также нередко успешно демонстрировала навыки дипломатии во время предвыборных баталий или других конфликтов. Но эти «достижения» милиции не уменьшают ее ответственности в провоцировании конфликтов с населением.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Автор доклада — бывший старший политический аналитик Crisis Group (ICG), Центрально-Азиатского проекта. Доклад базируется на десятилетних исследованиях политического процесса в Киргизстане, в том числе и трансформации правоохранительных органов. Многие доклады ICG обращают особое внимание на роль милиции в политической жизни страны. См.: www.crisisgroup.org. Во время Ошских событий 2010 года автор оказалась в Оше и имела, хотя и ограниченную, возможность наблюдать за событиями. Выходить из зоны вооруженного конфликта на третий день автору помогли именно сотрудники милиции, которые остались на своем посту и пытались противостоять погрому.

² См. подробный отчет ICG Kyrgyzstan Political Crisis: an Exit Strategy, 20 August 2002, <http://www.crisisgroup.org/~media/Files/asia/central-asia/kyrgyzstan/Kyrgyzstans%20Political%20Crisis%20An%20Exit%20Strategy.pdf>, перевод доклада на русский язык см. http://www.crisisgroup.org/en/regions/asia/central-asia/kyrgyzstan/037-kyrgyzstans-political-crisis-an-exit-strategy.aspx?alt_lang=ru.

³ Интервью с высокопоставленным чиновником офиса ОБСЕ. Бишкек, май 2010.

⁴ См.: Отчет международной независимой комиссии по исследованию событий на Юге Киргиз-

стана в июне 2010, http://www.k-ic.org/images/stories/kic_report_russian_final.pdf, http://www.k-ic.org/images/stories/kic_report_english_final.pdf.

Киргизская милиция оказалась самым «слабым» звеном хрупкого государства. Она первой из всех правоохранительных структур проявила неповиновение власти. Но сама милиция сильно страдает от последствий ослабления политической системы. Как и центральная административная власть, которая плохо управляет средним и низшим звеном вертикали власти, МВД, похоже, до сих пор не может контролировать офицеров среднего и рядового звена, которые, так же как и высокое милицейское начальство, все глубже погружаются в коррупцию, теряют профессионализм, срastaются с криминалом. Вряд ли самой милиции удастся обновить свои ряды и провести реформу без участия правительства, гражданского общества и международной поддержки.

Отсутствие энтузиазма как среди гражданского общества, включившегося было в реформирование милиции, так и среди международных участников, опустивших руки после неудачных проектов реформ и неприглядной роли милиции во время Ошского конфликта, оставляет мало надежд на серьезные перемены в милиции. Но, тем не менее, тема требует усиленного внимания как политиков, так и гражданского общества, заинтересованного в восстановлении милиции как органа охраны общественного порядка и противодействия растущему влиянию криминала.

стана в июне 2010, http://www.k-ic.org/images/stories/kic_report_russian_final.pdf, http://www.k-ic.org/images/stories/kic_report_english_final.pdf.

⁵ Интервью автора с членами Временного Правительства, июнь 2010. Бишкек.

⁷ Глава авторитетного киргизского НПО Рая Кадырова парирует это заявление президента: «Не может сегодняшняя власть ...свое недовольство выразить на практике. Роза Отунбаева озвучивает свои претензии ...но этого недостаточно. ...Должны быть какие-то конкретные шаги. В виде наказания, судебного разбирательства, снятия с должности, например. ...Если кто-то из Бишкека попытается тронуть элитарное начальство милиции Джалал-Абадской или Ошской областей, то в отношении гражданских властей в ответ будет озвучено такое количество компромата, что в нем можно захлебнуться. ...В Киргизстане есть территории, на которые центральная власть не распространяется». <http://www.24kg.org/politic/107487-raya-kadyrova-esli-kto-to-popytaetsya-tronut.html>.

⁸ «В Киргизстане слишком много частных армий», интервью Сании Сагнаевой <http://tazar.kg/index.php?dn=news&to=art&id=646>.

О.В. Кульбачевская*

ПОСТСОВЕТСКИЙ МЕГАПОЛИС И КСЕНОФОБИЯ

(на примере Москвы)

На смену декларируемой и пропагандируемой в советское время «дружбе народов», сопровождавшейся «кухонным» бытовым национализмом, в постсоветское время приходит и набирает силу активная ксенофобия. В первую очередь это печальное явление затрагивает крупные города постсоветской России, а Московский регион из года в год твердо держит пальму первенства в стране в сфере преступлений на почве ксенофобии. На долю Москвы и Московской области приходится почти 50% от общего числа преступлений на почве ксенофобии в стране. Более того, именно в Москве и Московской области от рук экстремистов погибает самое большое количество людей (эта цифра в последние годы также варьируется в районе 50-процентной отметки от общего числа погибших в результате преступлений на этнической почве).

После событий на Манежной площади в Москве в декабре 2010 г. (когда в драке представителем Кавказа был убит футбольный фанат, а после задержания органами правопорядка виновный был отпущен на свободу. Все это вызвало массовые беспорядки, проходившие под националистическими лозунгами. В беспорядках приняло участие очень много молодежи) многие эксперты, политические и общественные деятели открыто заговорили об этнической преступности. Многие из них уверены, что преступления с этническим компонентом играют далеко не последнюю роль в разжигании межнациональных конфликтов в России в новейшее время. При этом ряд экспертов считает, что не сама по себе этническая преступность, а именно коррупция (в том числе правоохранительных органов), порождающая и поддерживающая этническую преступность, является одной из главных причин межэтнической нетерпимости. С таким мнением согласно большинство городской молодежи, о чем свидетель-

ствует исследование, проведенное весной 2011 г. «Агентством социальных технологий «Политех» (Москва) совместно с Институтом этнологии и антропологии РАН и Сетью этнологического мониторинга EAWARN по заказу Общественной палаты Российской Федерации. Таким образом, первопричиной межэтнической нетерпимости являются серьезные общественно-социальные проблемы российского общества, такие как коррумпированность власти, ведущая к социальному расслоению, экономической недостаточности и неустойчивости большинства населения, недоверие к власти и отсутствие уверенности в том, что эта власть может защитить. Вернее, именно социальные неудовлетворенность и протест, а также отсутствие чувства безопасности в разных сферах жизни являются тем тлеющим топливом, которое умело разжигают националистические организации и переводят социальный протест населения в плоскость этнической нетерпимости и конфликта.

Причины того, почему население России не выдвигает государству прямые обвинения и требования по исправлению своего положения и не требует от государства выполнения своих обязанностей по защите прав граждан и обеспечению их безопасности, при этом предпочитая обвинять во всех своих бедах иноэтничных членов общества и поддаваться на манипуляцию и провокации националистов, по всей видимости, следует искать в неуважении к власти и, возможно, в страхе перед ней, отсутствии у населения правовой культуры, навыков по защите своих гражданских прав, а также в извечном психологическом свойстве несвободного (по тем или иным параметрам) человека искать виноватого во внешней среде, тем более, если эта среда инородная. Все это очень хорошо иллюстрируют высказывания на общественных интернет-форумах следующего типа: «Ну а то, что

* Кульбачевская О.В. — н.с. Центра этнополитических исследований ИЭА РАН

эти националистические сборища — это инстинкт самосохранения, согласен. Причем этот инстинкт, если наберет обороты, вряд ли будет разбираться в нюансах международного общения. Если у народа срабатывает инстинкт самосохранения, это лишь верный признак отсутствия государства».

Теперь рассмотрим факторы, которые запускают процесс этнизации социального протеста в крупных мегаполисах.

Одним из основных факторов развития и проявления ксенофобии в крупных мегаполисах (в частности, в Москве) является различие в социальных моделях адаптации и социально-экономических стратегиях у местных и мигрантов, широким потоком хлынувших в крупные города в постсоветское время. Этот фактор усугубляется также повышенным уровнем фрустрации у населения вследствие экономических кризисов и сложной социальной ситуации в условиях мегаполиса с его жестким ритмом жизни.

Мигранты с Кавказа и из Средней Азии, особенно «новые» (недавно приехавшие), селятся вместе, ведут замкнутую на свою общину жизнь; многие из новых мигрантов плохо владеют русским языком; собираясь вместе, придерживаются характерной для них эмоциональной («шумной») манеры поведения; контакты и взаимодействие с местным населением для большинства мигрантов ограничиваются только трудовой сферой. Громкая речь на непонятном языке на улицах родного города и обособленная культурно-бытовая жизнь мигрантов вызывают раздражение у местного населения. Раздражение зачастую является чувственной формой выражения страха перед неизвестным, а значит, могущим таить в себе опасность. Как показало упомянутое выше исследование, даже молодежь российских мегаполисов, которой свойственны относительно высокая мобильность и коммуникабельность, довольно остро ощущает разобщенность национальных групп. А дефицит межнациональных контактов порождает взаимную предубежденность и фобии. Все это усугубляется тем, что местное население, несмотря на определенный уровень толерантности, зачастую оценивает поведение иноэтничных мигрантов как «гости ведут себя по-хозяйски» и испытывает опасения даже за свою жизнь. Об этом свидетельствуют обсуждения читателей статей на тему этнических конфликтов в электронных СМИ. На тематических форумах электронных СМИ можно часто встретить высказывания такого рода: «Я знаю примеры адекватных черных. С мной в одном дворе жила азербайджанская семья. Мы сдружились, ходили к ним в гости. Также я вел дружбу с грузинской семьей. С татарами. Но почему сейчас приходится постоянно напрягаться, когда идешь по СВОЕМУ городу и видишь компанию людей определенной национальности?», «Иногда они (кавказцы — О.К.) приезжают в Москву и другие русские города и взрывают здесь дома, подрываются в метро, на

рок-фестивалях, приходят на мюзиклы и захватывают людей в заложники. Также они ходят по городу с ножами и пистолетами и убивают мирных граждан, если им покажется, что ты на них не так посмотрел».

Огромную роль в продуцировании этнофобии у москвичей в постсоветские годы играют СМИ. Они активно способствуют формированию в массовом сознании представителей этнического большинства негативных этнокультурных стереотипов «других»; делают акцент на этнизации криминальной ситуации (оставляя за кадром механизмы, позволяющие этому происходить), мотивируют этноконфессиональными факторами проблемы, лежащие в социально-экономической и политической сферах; некорректно используют различные статистические показатели в отношении этнических мигрантов. Отдельно следует отметить, что в постсоветское время журналисты уделяют сравнительно много внимания русскому этносу, при этом акцент делается на негативных этнических характеристиках и подчеркивается, что «так было всегда, так и будет дальше». Настойчиво транслируется тревожная для общества идея о сокращении численности русских и даже их вымирании. На страницах газет часто можно найти идеи запугивания, самоуничтожения, насмешки в адрес русских. Такая идеологическая деятельность СМИ способствует формированию массовой негативной самоидентичности населения, особенно у молодого поколения.

В список причин, способствующих развитию ситуации с ксенофобией, входят также бездействие и попустительство правоохранительных органов в области столкновений и конфликтов на этнической почве: случаи безнаказанности экстремистских националистических выходов либо придание им бытового характера, халатность и в некоторых случаях сочувствие сотрудников милиции по отношению к преступникам; неудовлетворительная правоприменительная практика в отношении преступлений на почве ксенофобии и СМИ, пропагандирующих межнациональную рознь (ограничение арестом непосредственных участников криминальных акций и безнаказанность идеологов преступлений, вынесение «мягких» приговоров). Кроме того, немаловажную роль в усилении этноконфликтного потенциала в Москве сыграли многолетние неопределенность и непоследовательность столичных властей и правоохранительных органов в отношении проведения массовых мероприятий радикальными и экстремистскими организациями.

Еще одним фактором продуцирования этнической нетерпимости является жесткая, однобоко ориентированная антимиграционная политика со стороны столичных властей и правоохранительных органов. Политика эта осуществляется на фоне отсутствия выработки со стороны московских властей и работодателей механизма урегулиро-

вания целого комплекса проблем, с которыми сталкиваются мигранты.

И столичные власти, и правоохранительные органы в течение многих лет настаивают на том, что половину преступлений в Москве совершают приезжие, и что уровень таких преступлений будет расти. Под приезжими однозначно имеются в виду не граждане РФ, гастарбайтеры, мигранты, которые в сознании московской общественности четко увязываются в первую очередь с азиатами и кавказцами. Следует ли говорить о том, что трансляция такого видения ситуации повышает уровень тревожности у москвичей и ослабляет чувство безопасности, тем самым способствуя усилению настроений непринятия «нехороших чужих»? Примечательно, что позиции столичных властей и федеральных структур в данном вопросе расходятся. В последние годы первые лица МВД России и ФМС РФ выступали с заявлениями, свидетельствующими о желании федеральных властей объективно оценивать и адекватно решать проблемы мигрантов. Так, зам. директора ФМС РФ Е. Егорова заявляла, что в России нет никакого резкого всплеска мигрантской преступности. Директор ФМС К. Ромодановский опровергал заявления о наличии кварталов, заселенных нелегальными мигрантами. По его словам, не менее 60% приезжих знают, где они будут работать, а не просто едут в Россию наобум. К. Ромодановский также неоднократно опровергал миф о мигрантской преступности, объясняя, что приезжие совершают 3–4% от общего массива преступлений, и достаточно большая часть этих преступлений — преступления, связанные с подделкой документов или незаконным их использованием. Глава МВД России Р. Нургалиев заявлял о необходимости в полном объеме обеспечить права трудовых мигрантов, работающих на территории РФ.

Несмотря на обновление московской власти и некоторое ужесточение в сфере преследования и наказания участников деятельности националистического характера, мы продолжаем наблюдать случаи халатности правоохранительных органов, отказывающихся принимать заявления об экстремистской угрозе от граждан (здесь же уместно вспомнить поведение правоохранительных органов, спровоцировавшее беспорядки на Манежной площади); а новый мэр Москвы и представители Главного управления внутренних дел по Москве продолжают увязывать увеличение числа преступлений (в том числе экстремистской направленности) с мигрантами и настаивать на том, что незаконные мигранты пользуются московской инфраструктурой, но при этом никакой пользы городу не приносят и даже напротив — создают дополнительное напряжение в и без того неспокойной криминогенной ситуации в мегаполисе. При этом новый мэр столицы на страницах СМИ заявляет о том, что незаконные мигранты — это в первую очередь трудовые мигранты («На самом

деле это больше трудовая миграция, которая процентов на 80 вообще не зарегистрирована»). Примечательно, что расхождение в заявлениях и практике столичных властей было подмечено и мягко озвучено в одном из сюжетов на мигрантскую тему, показанных по одному крупному российскому телевизионному каналу. Автор сюжета в конце рассказа о решительном настрое столичных властей бороться с нелегальной миграцией заметил, что тем не менее столичные тротуары выкладываются плиткой все теми же трудовыми мигрантами-таджиками.

Причины, способствующие осложнению ситуации с ксенофобией, особенно среди молодого поколения, наблюдаются и в образовательной сфере. Это четко наметившаяся в последние годы тенденция преобладания православного компонента воспитания в ущерб другим конфессиям; практика создания в общеобразовательных школах г. Москвы отдельных классов для детей-мигрантов, ведущая к сегрегации и противостоянию детей по этническому принципу; опасная идеология методической подготовки учителей в области воспитания толерантности, когда в понятие «толерантность» вкладываются идеи о военно-патриотическом воспитании, а воспитание патриотизма в молодежной среде ограничивается только вариантом русского и православного.

Кроме того, как показывают недавние исследования, учащиеся средних специальных учебных заведений относятся к выступлениям националистического характера с большим сочувствием, чем учащиеся вузов. Ряд экспертов высказывают предположение о том, что гуманитарные дисциплины в средних специальных учебных заведениях преподаются на низком уровне, и данное упущение в определенной степени приводит к дефициту толерантности в этой среде.

И последнее: следует признать, что определенная часть населения России живет четким представлением о том, что Россия — это страна для русских, при этом Северный Кавказ не воспринимается ими как часть своей страны, а о других народах России они имеют слабое представление. Таким образом, часть граждан России (в основном русские) не воспринимают себя частью мультикультурного общества.

К первоочередным мерам противодействия ксенофобии следует отнести:

— усиление внимания государства к техническому образованию и поддержку именно гуманитарного образования;

— воспитание правовой культуры у населения страны и обучение навыкам легитимного отстаивания своих гражданских прав;

— воспитание гражданской идентичности. При этом остается необходимой в планомерной трансляции (в первую очередь через СМИ и образовательную сферу) знаний о других культурах и народах, являющихся частью общей страны.

— внимательный и жесткий контроль деятельности радикальных националистических организаций, а также их интернет-ресурсов; усовершенствование законодательной базы, обеспечивающей наказание за разжигание национальной розни и экстремистскую деятельность (в том числе в отношении СМИ), в первую очередь, в области понятийного аппарата и характера и степени тяжести наказания;

— твердую политику правительства Москвы по недопущению массовых акций, митингов и ме-

роприятий экстремистской и националистической направленности;

— выстраивание адекватной миграционной политики, учитывающей интересы и мигрантов, и местного населения;

— жесткий контроль деятельности правоохранительных органов;

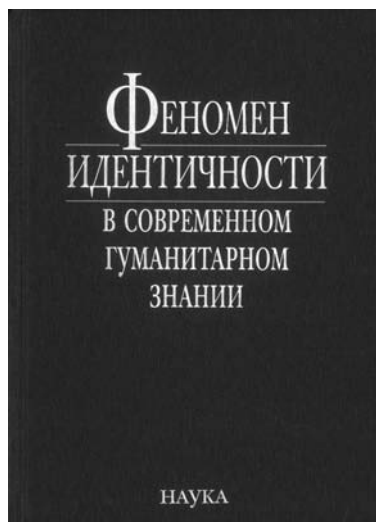
— развитие взаимодействия национальных общественных организаций и органов местного самоуправления для профилактики и в случаях возникновения острых ситуаций на этнической почве.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Доклад на секции «Проблемы межкультурного взаимодействия» подготовлен при поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ (НШ-64897.2010.6, «Критический пересмотр инструментария

отечественной антропологии и ее субдисциплин; совершенствование и распространение новых методов исследования в научно-прикладной сфере, имеющей непосредственное отношение к государственной этнической политике»).

В БИБЛИОТЕКУ ИСТОРИКА, ЭТНОЛОГА, ПОЛИТОЛОГА

ФЕНОМЕН ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ: к 70-летию академика

В.А. Тишкова

сост. М.Н. Губогло, Н.Л. Дубова; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. — М.: Наука, 2011. — 670 с.

В книге представлены новые образы идентичности России, в создании которых немалую роль сыграли творчество и общественная деятельность В.А. Тишкова, более двух десятилетий возглавляющего Институт этнологии и антропологии РАН и по праву ставшего признанным лидером российских этнологов и антропологов.

Очерки, написанные авторами не только по плану научной работы, но и по призыву сердца, позволяют проследить, как круто менялись образы России, корреспондируя с ее прежней, и особенно, советской историей.

Л.В. Остапенко*
И.А. Субботина**

20 ЛЕТ В СУВЕРЕННОЙ МОЛДОВЕ: СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РУССКИХ

В 2010 г. исполнилось 20 лет с того момента, как Молдавия объявила о своем суверенитете. 20 лет назад местное русское население в одночасье оказалось оторванным от своего этнического материка, отгороженным от него государственными границами, а в самой республике получило статус этнического меньшинства. Молдавию можно отнести к тем странам нового зарубежья, политика которых в отношении местного русского населения после суверенизации оказалась сравнительно жесткой. Значительная часть русских покинула страну, а оставшиеся попытались адаптироваться к новым условиям жизни.

В данном докладе предпринята попытка выявить некоторые, наиболее важные трансформации, которые произошли за 20-летний период в демографической и социальной структуре русских Молдовы, выяснить, что представляет собой нынешнее русское население этого нового государства, каковы шансы сохранения здесь русской диаспоры¹.

Как известно, динамика численности и расселение любого народа в рамках тех или иных государств определяются тремя группами факторов: изменениями в его естественном движении, миграциями и, наконец, этнотрансформационными процессами. Этнические различия в естественном движении, в уровнях рождаемости и смертности и разнонаправленные миграционные перемещения людей многих национальностей существенно меняют социально-этнический состав населения регионов, городов и сел, вносят изменения в соотношение этнических групп, в возможности межэтнических контактов, влияют на динамику национально-смешанных браков, что естественно отражается на ходе этнических процессов. Все эти факторы взаимосвязаны и взаимообусловлены и, в свою очередь, испытывают на себе влияние

иных структур — политической, экономической, социальной.

На протяжении всего послевоенного, более чем 40-летнего периода численность и национальный состав населения советской Молдавии динамично изменялись. За период 1959–1989 гг. численность населения республики выросла с 2,9 до 4,3 млн человек, т.е. на 50,3%, а численность русских увеличилась (главным образом за счет миграционных и ассимиляционных процессов) почти в два раза (на 91,8%), с 293 тыс. человек в 1959 г. до 562 тыс. человек в 1989 г. Доля русских в населении республики соответственно выросла с 10,2 до 13,0%. Удельный вес горожан среди русских в 1959 г. составлял 66,6%, к 1989 г. он существенно возрос и достиг 86,1%. В сельской же местности Молдавии русских было исключительно мало (в 1989 г. лишь 3,4%, молдаван — 80,3%).

Произошедшие в 1991 г. геополитические изменения привели к коренным демографическим переменам. По результатам проведенной в 2004 г. переписи населения Республики Молдова, число ее постоянных жителей составило 3 388 тыс. чел., что на 208 тыс. меньше, чем в 1989 г. (по сопоставимым территориям, без учета численности населения Приднестровской Молдавской Республики). Наибольшим снижением численности (в 1,7 раза) отличалось русское население. По данным 2004 г., в Республике Молдова проживало немногим более двухсот тысяч русских, что составило 57% от численности русского населения Молдавии в 1989 г. Столь сильное снижение абсолютной численности русских было детерминировано их миграциями за пределы страны, этнотрансформационными процессами, когда часть русских, особенно в национально-смешанных семьях, поменяла свою этническую идентичность, а также процессами депопуляции. Уровень смертности

* Остапенко Л.В. — с.н.с. Института этнологии и антропологии РАН

** Субботина И.А. — с.н.с. Института этнологии и антропологии РАН

русских, начиная с 1994 г., заметно превышал их рождаемость. В итоге, резкое снижение абсолютной численности русского населения привело к снижению их доли в населении страны — с 9,8% в 1989 г. до 5,9% в 2004 г.

В 1990-е годы в Молдавии произошла смена урбанизационной динамики с положительной на отрицательную. К 2004 г. соотношение городского и сельского населения в РМ было совсем иным, нежели накануне распада СССР. Доля городского населения, которая в советский период в Молдавии неуклонно росла, существенно понизилась — с 47 до 39%, что отчасти было связано с отделением Приднестровья, крупные городские образования которого — Тирасполь, Бендеры, Рыбница — не были учтены в составе городского населения Молдавии.

Процессы снижения доли городского населения в республике в разной степени затронули ее этнические группы. Если в 1959 г. русские были ведущей национальностью в городском населении Молдавии (30,4%), несколько опережая молдаван, и соотношение этих доминирующих национальностей было приблизительно 1:1, то к 1989 г. доля русских сократилась до 23,9%, а соотношение молдаван и русских составило уже пропорцию 2:1. К 2004 г., времени проведения переписи населения в РМ, в городском населении Молдавии численность молдаван уже в 5 раз превосходила численность русских. При снижении абсолютной численности русских в городах к 2004 г. до 166 395 человек значительно, в 2,5 раза, снизилась и доля их в городском населении — до 12,7%.

Изменения в этнической структуре сельского населения не имели столь яркого проявления, но, тем не менее, доля русских в селе сократилась за 15 лет в два раза, составив к 2004 г. 1,7%, абсолютная численность русских сельчан снизилась до 34 823 человек.

К 1989 г. при общем снижении уровня рождаемости в Молдавии коэффициент рождаемости русских снизился за предыдущие 30 лет в 1,6 раза — с 21,3 до 13,1%, что было самым низким показателем рождаемости среди национальностей республики. Следующее снижение рождаемости в 1,8 раза у русских наступило гораздо быстрее — всего за 15 постсоветских лет: коэффициент рождаемости опустился к 2004 г. до 7,3%, что в немалой степени детерминировано изменением возрастной структуры, существенным постарением русского населения республики. По данным последней переписи 2004 г., у русских доля детей в возрасте до 9 лет составила всего 7,6%, что было существенно меньше (в 2,6 раза) показателей 1989 г., тогда как удельный вес пожилых людей (старше 50 лет) уже превышает треть всей численности русских республики.

Исключительное влияние на изменение возрастной структуры русских республики оказали не только изменения в процессах рождаемости,

но и развернувшиеся в постсоветский период процессы их миграционного оттока в Россию, особенно вымывание из страны населения в активном трудоспособном возрасте.

Материалы многолетних «замеров» миграционной активности русского населения, проводимых авторами в Молдавии, дают возможность проследить динамический ряд показателей потенциальной миграции населения в течение 15 постсоветских лет (1993—2007 гг.). После острых межнациональных конфликтов начального периода суверенизации Молдавии уровень потенциальной миграции русских был довольно высок, составив в 1993 г. 25% (среди горожан, в Кишиневе — 29%), и это значило, что каждый четвертый русский городской житель Правобережной Молдовы намерен был в перспективе уехать, к концу 1990-х годов он стабилизировался на уровне 10—11%. Несомненно, прошедшие годы оказали свое влияние на формирование решения о миграции. Во-первых, большая часть желающих уехать русских уже покинула республику; во-вторых, зачастую чужой неудачный опыт миграции заставлял задуматься о целесообразности этого шага, более взвешенно оценить преимущества и потери от переезда; в-третьих, годы, прошедшие со времени распада Союза, дали некоторым русским возможность как-то приспособиться к новым условиям существования; в-четвертых, ситуация, во многом обусловленная экономическими трудностями в стране, отодвинула межнациональные конфликты на второй план, заставила часть русских изменить свои прежние намерения и т.д. Но в начале XXI в. уровень потенциальной миграции русских вновь возрастает, хотя причины этого лежат уже не в этнополитической, а в экономической сфере. Это подтверждается и высоким уровнем потенциальной миграции молдаван, титульного этноса республики.

По данным последнего этносоциологического исследования 2007 года, как и прежде, среди горожан Молдавии 20% русских высказали желание уехать, но доля колеблющихся в принятии миграционного решения значительно сократилась в пользу тех, кто не собирается никуда уезжать (56%). Видимо, на эти показатели значительное влияние оказывает возрастная структура русского населения с большой долей людей пожилого возраста, для которых решение о миграции уже трудно осуществимо. У молдаван доля потенциальных мигрантов лишь немногим ниже — 18%.

Направления возможной миграции русских и молдаван существенно различаются и меняются во времени. Так, по данным исследования 2003 г., почти 70% русских потенциальных мигрантов были ориентированы на Россию, 13% — на страны дальнего зарубежья. Большинство (46%) молдаван-потенциальных мигрантов было ориентировано на переезд в дальнее зарубежье, на Россию было нацелено 29% молдаван. В 2007 г. картина направленности потенциальных миграционных

потоков несколько изменилась: у молдаван, при сохраняющейся доминирующей ориентации на страны дальнего зарубежья, заметно сократилось стремление к переезду в Россию. То же можно сказать и о русских: потенциальных мигрантов, ориентированных на переезд в Россию, стало меньше, вместе с тем большей наполненностью стал выделяться миграционный вектор, нацеленный на дальнее зарубежье.

Каковы же основные причины миграции? Что выталкивает русских и представителей титульной национальности за пределы страны? Если в начале 1990-х гг. преобладающими были этнически окрашенные миграционные мотивы, связанные с ухудшением межнациональных отношений в Молдавии, унижением национального достоинства русских, законами, ущемляющими права национальных меньшинств, сужением сферы использования русского языка, в т.ч. и в образовательных целях, то уже к концу 1990-х гг. в структуре мотивов потенциальной миграции доминирующей стала экономическая составляющая. Несмотря на экономическую доминанту, в мотивации потенциальной миграции русских определенное место все еще занимали причины, связанные с этничностью: это невозможность получить желаемое образование на русском языке и определенная напряженность в межнациональных отношениях. Исследование, проведенное в Молдавии в 2007 г., показало практически аналогичные 2003 году результаты миграционной мотивации.

В наши дни политическая и социально-экономическая ситуации стремительно меняются, у людей расширяются границы выбора, и мигранты, не ориентированные на эмиграцию, на смену постоянного места жительства, зачастую ограничиваются лишь временным выездом из страны.

В численности постоянного населения Молдавии, равной 3 383 332 человек, было учтено и временно отсутствующее население, выехавшее за пределы страны, численность которого составила на момент переписи 273 056 человек, или 8,1%.

В 2007 г. в городах Молдавии почти половина всех опрошенных русских (47%) хотела бы уехать из Молдавии на заработки или уже работает за границей, часть из них (26%) ориентирована на то, чтобы вернуться через какое-то время назад, а практически каждый 5-й опрошенный хотел бы устроиться за границей на постоянное жительство и не возвращаться в Молдавию. Направленность потенциальной международной трудовой миграции русского населения показала, что самой притягательной страной приложения труда, безусловно, является Россия, куда хотел бы уехать каждый второй потенциальный мигрант из всех выразивших намерение отправиться на заработки.

Кроме миграции из республики и естественной убыли, еще одним фактором, оказывающим влияние на численность русских, стали ассими-

ляционные тенденции, пробивающие себе дорогу, в частности, через межнациональные браки.

В целом по республике доля национально-смешанных браков среди всех браков, заключенных в течение года, на протяжении тридцати лет советского и постсоветского периода, последовательно снижалась: с 32% в 1970 г. до 28% в 2009 г. Это общее снижение было детерминировано уменьшением доли межнациональных браков у основной, наиболее многочисленной титульной нации республики — молдаван: с 15% в 1970 г. до 9% в 2009 г. Для русских, как и для остальных, наиболее многочисленных национальностей Молдавии (украинцев, болгар и пр.), характерна была противоположная тенденция — увеличение доли межнациональных браков. У русского населения эти процессы проходили наиболее стремительно: если в 1970 г. каждый второй заключаемый брак был национально-смешанным, что и так было очень высоким показателем и свидетельствовало о прорыве эндогамии, то в 2009 г. уже каждые три брака из четырех, заключенных русскими, были межэтническими.

У всех нетитульных народов советской Молдавии в межэтнической брачности среди всех заключаемых в данный год браков чаще встречались браки с молдаванами, наиболее многочисленным этносом республики. Спустя тридцать лет, к началу XXI века, этническая картина браков в Молдавии очень существенно изменилась. У титульного этноса республики, а также у гагаузов отчетливо проявилась тенденция к увеличению доли моноэтнических браков, у русских и остальных национальностей Молдавии — к значительному росту доли межэтнических браков. Общей тенденцией для всех национальностей Молдавии было снижение доли браков, заключаемых с русскими.

Происходящие радикальные изменения в динамике и структуре брачности у разных национальностей Молдавии детерминированы общим повышением моноэтничности населения республики, обусловленным целым рядом факторов, в числе которых наиболее значимыми выступают снижение рождаемости, идущее более быстрыми темпами у русского, украинского и болгарского населения республики, безвозвратные миграции русского и другого славянского (украинцев, белорусов) населения за пределы Молдавии, начавшиеся с конца 1980-х годов, а также проводимая в республике этноориентированная политика с приоритетом прав титульной нации.

Первый фактор — снижение рождаемости у русского, украинского и болгарского населения, происходящее на протяжении нескольких десятков лет темпами, превосходящими эти процессы у молдаван и гагаузов, и второй фактор — миграция русского и другого славянского населения за пределы Молдавии — привели к снижению доли молодежи вышеназванных национально-

стей в населении и, как следствие, к сужению одноплеменного рынка брачных партнеров у славянского населения в целом, ибо именно эта межнациональная брачность славянских народов составляла существенную долю в общей межэтнической брачности республики. И третий фактор — политика этноцентризма, стремление к созданию моноэтнического государства, когда становится «выгодным» быть представителем титульной национальности государства. Это не могло не привести к определенному увеличению числа браков нетитульного населения республики с молдаванами, когда альтернативой миграции из страны выступает стратегия на ассимиляцию, если не для самих брачных партнеров, то для их детей.

Принимая решение о национальности своего ребенка, родители исходят из многих обстоятельств, среди которых «престижность» той или иной национальности; «выгода» от принадлежности к той или иной этнической группе в данных условиях и в данное время; желание, чтобы ребенок продолжил этническую линию родителя и др. Среди всех опрошенных в конце 1990-х годов в Молдавии русских молодых людей, отвечавших на вопрос «Кем вы хотели бы видеть своих детей?», приоритет своей национальности выбрало лишь около 4%: они ответили, что хотели бы видеть своих детей русскими. Только 17% респондентов хотели бы, чтобы их дети выросли людьми, знающими русский язык и культуру. В исследовании 2007 г., проведенном среди городского населения Молдавии, были получены очень сходные результаты: лишь 8% опрошенных русских хотели бы видеть своих детей русскими, 12% высказали желание видеть своих детей людьми, знающими русский язык и культуру.

Говоря о «демографических рисках» для русских Молдавии, следует признать их высокими, а демографические перспективы русской диаспоры — неутешительными: практически двукратное сокращение численности русского населения за постсоветский период, резкое снижение и так низкого уровня рождаемости, депопуляция, масштабные миграции из страны молодых трудоспособных людей, высокий уровень потенциальной миграции, существенное постарение русского населения. К тому же, демографическое поведение сегодняшних русских, живущих в независимой Республике Молдова, существенно отличается от их поведения в условиях бывшей союзной Республики Молдавии. Во-первых, у русских значительно возросла межэтническая брачность, главным образом, за счет повышения доли их браков с представителями титульной национальности — молдаванами. Во-вторых, у русской молодежи, состоящей в смешанных браках, наблюдается стремление к выбору для своих детей нерусской национальности, что свидетельствует о наличии установки на естественную ассимиляцию у значительной части русских, состоящих в

подобных браках. Все это говорит о том, что и межнациональные браки в условиях нынешней Молдавии, в отличие от советской Молдавии, будут способствовать снижению численности русской диаспоры в этой стране.

Процессы, идущие в социально-экономической сфере, носили менее деструктивный характер, особенно в начале нового века, когда ситуация в республике стала стабилизироваться и многие вопросы этнокультурного неравенства русских потеряли свою остроту. Здесь негативные моменты сочетались с позитивными, хотя и не уравновешивали их.

Остановимся сначала на некоторых негативных сторонах. Прежде всего, это деиндустриализация экономики — распад тех хозяйственных отраслей, в том числе передовых высокотехнологичных индустриальных производств, где в силу особенностей межэтнического разделения труда были сконцентрированы русские. В конце 1980-х годов в индустрии работало около 60% русских. Лишившись «куска хлеба», русские высококвалифицированные рабочие и специалисты были вынуждены искать новые источники дохода. Им пришлось резко менять сферу деятельности, переходя на работу в быстро развивающиеся сферы торговли и обслуживания. Эти процессы были свойственны и всему населению Молдовы, но у русских они проходили в наиболее радикальной форме. Если по республике удельный вес индустриальных кадров уменьшился втрое, то среди русских — почти в 7 раз, а по доле продавцов и занятых в службах общественного питания и сервиса, которая в советский период была заметно выше у молдаван, русские опередили представителей многих других этнических групп (кроме гагаузов). По данным переписи 2004 г., каждый третий горожанин русской национальности стоял у прилавка или работал в службах сервиса. Приведем весьма красноречивый пример: в русском городском населении продавцы превзошли по абсолютной численности рабочих машиностроения и металлообработки (в прошлом традиционной отрасли русских) в 2 раза, в то время как в 1989 г. вторые почти в 10 раз превосходили по численности первых.

В результате новой этноязыковой политики в республике, характеризующейся вытеснением русского языка из большинства сфер жизни, а русскоязычных работников — из многих профессионально-отраслевых групп, заметно сократилось представительство русских в составе республиканской интеллигенции — индекс участия, рассчитанный с учетом соотношения доли русских среди интеллигенции и всего занятого населения, упал со 130 в 1989 г. до 108. Особенно заметно снизилась представленность русских среди специалистов и руководителей высшего звена.

Сузились как сами группы, так и уровень представительства в них русских, медицинских,

педагогических работников, юристов, деятелей СМИ, но в особенности государственных чиновников. По относительной численности учителей и врачей в городском населении русские опустились со второго (после евреев) в 1989 г. на предпоследнее место, опережая только гагаузов. В 2004 г. на 10000 занятого городского населения приходилось высококвалифицированных врачей 318 человек у молдаван и 203 у русских, учителей в среднем образовании — 350 и 317, преподавателей вузов — 185 и 84(!). В сфере научной деятельности, которая значительно потеряла в кадрах, особенно серьезные проблемы в работе имели русские, занятые в гуманитарных отраслях, так как именно здесь в основном сосредоточивалась прорумынски настроенная часть молдавской интеллигенции, формировались новые геополитические доктрины, политика по отношению к этническим меньшинствам и т.п. Хотелось бы привести несколько весьма ярких показателей, свидетельствующих о явно неравном положении представителей русской научной интеллигенции с разной специализацией. Так, например, среди специалистов в области общественных и гуманитарных наук доля русских в 2004 г. опустилась до 8% (т.е. была в полтора раза ниже их доли в городском населении республики), среди же занятых в области физики, химии, математики, геологии взлетела до 23% (т.е. стала непропорционально высокой, напомним, процент русских в городском занятом населении был равен 12,8). Несомненно, что подобная ситуация, помимо прежней трудовой межэтнической кооперации, поддерживалась и новой кадровой политикой, нацеленной на «выдавливание» русских в отрасли, далекие от сфер управления, идеологии, формирования общественного мнения и т.п.

По-разному в республике и среди русских шло развитие управленческих кадров. Среди русских удельный вес работников властных структур заметно упал, а в среднем по республике вырос. Вытеснение русских из сфер, связанных с управлением, началось еще в конце советского периода и стало одной из задач нового руководства страны. В расчете на 10000 занятых горожан среди молдаван, например, численность госслужащих выросла с 1989 по 2004 гг. более чем в полтора раза, а у русских она во столько же раз сократилась, став самой низкой по сравнению со всеми другими крупными этническими общностями Молдовы. Показательно, что уровень участия русских был более чем вдвое ниже их доли в занятом населении республики среди работников всех уровней власти, как среди законодателей, так и среди управленцев, как в центральных, так и в местных органах, составляя около 6%. Если в последние годы советской власти постепенное отстранение русских от государственного управления в какой-то мере компенсировалось их повышенным участием в составе хозяйственных

руководителей, то в постсоветской Молдове в государственном секторе экономики управленческие функции по большей части перешли к молдаванам и румынам.

К негативным аспектам развития социального состава русских в новое время можно отнести и изменение соотношения в нем работников физического труда с разным уровнем квалификации. На фоне общего сужения сферы физического труда у русских (в отличие от молдаван) сокращалась преимущественно группа квалифицированных кадров (в основном за счет миграции и разрастания сферы торговли и бытового обслуживания, заместившей развалившиеся предприятия крупной индустрии, где требовалась более высокая профессиональная подготовка), доля же мало- и неквалифицированных рабочих осталась на прежнем уровне. Так, с 1989 по 2004 гг. доля рабочих с квалификацией уменьшилась среди русских горожан с 37 до 24%, а без таковой сохранилась в размере 15%.

И, наконец, принципиально важным для русских следует назвать снижение образовательного уровня русской молодежи. Если среди всего русского населения (городского и сельского) Молдовы старше 6 лет доля людей с высшим образованием по переписи 2004 г. составляла 20%, а со средним специальным — 14%, то в группе молодежи 16–29 лет эти показатели были соответственно равны 13% и 6%.

Постараемся теперь выделить некоторые позитивные тенденции.

В сфере торговли и обслуживания, куда были вытеснены русские, им удалось занять немало руководящих и достаточно доходных мест. Так, например, их доля среди руководителей предприятий бытового обслуживания составляла 14%, среди руководителей малых торговых предприятий — 15%, а в крупных и средних она поднималась до 17%, т.е. была в той или иной мере выше удельного веса русских в занятом городском населении (12,8%).

Помимо торговли, заметное внимание проявили русские и к другим видам деятельности, которые в начальный период перехода к рыночной экономике стали функционировать достаточно успешно, где в первую очередь начался процесс разгосударствления, формирования предпринимательских структур и были сравнительно высокие заработки. Это финансово-кредитная сфера, а также такие сравнительно новые службы, как управление имуществом, туристический бизнес, индустрия развлечений, компьютерное обеспечение и т.п. По данным переписи 2004 г., в городском населении какой-либо деятельностью, связанной с финансами, операциями с недвижимостью и т.п., было занято около 8% русских горожан, а среди молдаван — 5%. Доля русских среди работников финансово-кредитных учреждений оказалась выше их доли в населении — 17%.

Особенно показателен рост относительной численности русских в составе персонала фирм, работающих в сфере досуга и развлечений (здесь доля русских составила 21%), а также связанных с операциями с недвижимостью (например, среди агентов по продаже имущества четверть работников были русскими).

Уровень участия русских увеличился в ряде индустриальных отраслей, в том числе в их традиционной — машиностроении и металлообработке, а также в строительстве (где раньше относительно лидировали молдаване), среди работников железнодорожного транспорта и т.п., что в основном было связано с оттоком из этих отраслей молдаван (в другие отрасли, на заработки в другие страны). Учитывая ориентацию страны на возрождение наукоемкого, конкурентоспособного индустриального производства, повышение здесь роли русских также можно рассматривать в позитивном плане.

Принципиально важным был рост участия русских в рыночных структурах.

Работа в частной сфере была довольно выгодной, особенно для русскоязычного населения, она не только давала сравнительно приличный доход, но и предоставляла больше шансов людям нетитульной национальности для карьерного роста. Здесь слабее ощущалось давление государственной кадровой и языковой политики, была возможность пользоваться русским языком, вести самостоятельный подбор персонала. Она давала возможность русским повысить и упрочить свои социальные позиции, подорванные новой властью, что было принципиально важно и с психологической точки зрения, для повышения чувства самоуважения русских, подъема их престижа, ранее небывало высокого, в глазах остального населения.

В начале нового века русские в городах были заняты в частном секторе в той же степени, что и молдаване, а русская молодежь чаще молдавской. В составе работников, связанных с частной сферой — руководителей малых предприятий, специалистов по предпринимательской деятельности, различных дилеров, брокеров и т.п., русские занимали вполне достойное место, насчитывая (по данным переписи 2004 г.) от пятой части до четверти работников этих групп (при доле в городском населении менее 13%).

Правда, формирование в составе русского населения нового социального слоя предпринимателей сначала шло достаточно сложно и медленно, в том числе в силу различных бюрократических барьеров со стороны властных структур, представленных преимущественно молдаванами и румынами. Но в первом десятилетии нового века в городах русские практически не отставали от молдаван по уровню вовлеченности в предпринимательскую деятельность, что было принципиально важно, т.к. предприниматели формировали не только средний, но высший класс нового капиталисти-

ческого общества. При отсутствии статистических данных об общей численности русских предпринимателей в Молдове можно привести лишь такую информацию: во всем занятом городском населении республики владельцы и руководители малых и средних предприятий, находящихся преимущественно в частных руках, в 2004 г. составляли 1,5%, среди же русских горожан — 3%. В крупном предпринимательстве доминирующую роль играли молдаване и румыны.

Все это говорит о том, что при выявленной общей тенденции к снижению социально-экономических позиций русских в республике оказалось и немало моментов, показывающих, что этот процесс далеко неоднозначен. Потеряв в статусе, русские нередко приобретали в зарплате.

Однако нельзя однозначно говорить и о резком падении социального статуса русских. Прежде всего, важно отметить, что и в новых условиях в Молдове не прекращался рост образовательного уровня людей, шло увеличение численности работников квалифицированного умственного труда. Русские также были включены в этот процесс, хотя он проходил у них явно медленнее, чем у молдаван. С 1989 по 2004 г. русские сумели увеличить контингент своих интеллектуальных кадров по относительной величине в 1,4 раза, доля людей с высшим образованием выросла в 1,3 раза. Даже в городском населении русские все еще почти в полтора раза опережали молдаван по доле выпускников высших и средних специальных учебных заведений, а также по удельному весу работников, занятых на должностях, требующих такого образования, т.е. специалистов и руководителей — 45% у молдаван и 48% у русских (хотя разница существенно уменьшилась). Русские и сейчас остаются этнической группой, отличающейся наиболее высокой долей интеллигенции и людей с высшим образованием, уступая в этом отношении только румынам.

Важно, что по сравнению с началом и серединой 90-х гг. улучшилось социальное самочувствие русских, стал расти их материальный уровень. По материалам этносоциологического опроса в Молдове 2007 г., почти 40% русских горожан отметили, что за годы реформ их материальное положение улучшилось. Оценки русскими горожанами возможностей своего семейного бюджета с 1996-го по 2007-й гг. имели тенденцию к росту. Доля бедных (денег не хватает даже на питание) упала с 40 до 11%, а сравнительно обеспеченных (денег хватает на все или почти все приобретения) выросла с 12 до 29%.

Оптимизировались и представления русских о своих социально-экономических позициях. По данным опросов 2003 и 2007 гг., доля русских горожан, поставивших себя на средние и более высокие позиции (из пяти предложенных), выросла на шкале богатства с 34 до 44%, престижа — с 52 до 60%, власти — с 20 до 31%. Хотя уровень

удовлетворенности материальным положением остался невысоким (в той или иной мере им была довольна лишь пятая часть русских), выросла доля людей, которые были полностью или скорее удовлетворены своим положением в обществе: с 2003 по 2007 г. этот показатель увеличился с 38 до 57%.

По сравнению с 2003 г. в 2007 г. доля горожан русской национальности, считавших, что в их жизни все не так плохо, а скоро будет еще лучше, возросла с 17 до 26%. Жизненные позиции многих оказались достаточно активными. Так, оценивая свою жизненную ситуацию, только 15% русских (среди молдаван 17%) придерживались мнения, что в своей нынешней крайне тяжелой жизни они вряд ли что-то смогут изменить к лучшему.

Перспективным представляется довольно высокий адаптационный потенциал русской молодежи, которая активно участвует в рыночных структурах (шире, чем молдавская молодежь), ориентируется на рыночную модель трудового поведения, владеет современными трудовыми навыками, в том числе компьютером, сравнительно высоко (на общем фоне) оценивает свои материальные возможности и социально-экономические позиции. Большинство ее представителей удовлетворено своим положением в обществе, позитивно оценивает свою жизнь в целом. Немаловажную роль в деле адаптации русских к новым условиям жизни в Молдове играет и широкое приобщение молодых людей русской национальности к государственному языку, и даже такой в целом малопозитивный момент, как некоторое снижение их образовательного уровня и, соответственно, и социально-культурных потребностей.

Таким образом, позиции русских в Молдове остаются еще довольно весомыми — в их со-

ставе немало высокообразованных и высококвалифицированных кадров — ученых, политиков, бизнесменов, технических специалистов, творческих работников. Тем не менее, оставшиеся в республике русские — это уже совсем иной контингент, чем 20 лет назад. К тому же они гораздо сильнее расслоены, чем раньше, как в социальном и имущественном отношении, так и по своему мироощущению, ценностям ориентациям, интересам и потребностям, политическим пристрастиям, готовности воспринимать новое, осваивать государственный язык и т.п.

Можно сказать, что примерно пятая часть русских горожан (особенно молодежь) за прошедшие годы сумела довольно успешно адаптироваться к новым условиям, что может служить сдерживающим фактором в процессе «размывания» русской диаспоры в Молдове. В то же время более трети остается полностью за рамками этого процесса, находясь в довольно бедственном материальном положении и ностальгируя по Союзу. Особенно старшее поколение, имеющее существенные расхождения по многим параметрам с молодежью.

Для сохранения русских в Молдове и упрочения их положения важны не только усилия и желание самих русских, но и объективные факторы, прежде всего, решение внешне- и внутривнутриполитических вопросов (особенно вопроса о присоединении Молдовы к Румынии, что неприемлемо для русских), расширение сферы использования русского языка при пропаганде двуязычия, установление фактического равенства русских в трудовой сфере, особенно при карьерном росте, повышение их доступа в сферы управления, образования, науки и т.п. Важно, по мнению самих русских, и улучшение общей экономической ситуации в республике.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ В качестве основных источников были использованы статистические материалы за ряд лет, в том числе Всесоюзных переписей населения 1959, 1970, 1979, 1989 гг., переписи населения Республики Молдова

2004 г. Были привлечены данные массовых этносоциологических опросов 1993, 1996, 2003 и 2007 гг., проведенных авторами среди взрослого городского населения республики разной этнической принадлежности.

О.А. Смирнова*
Д.М. Золина

КУЛЬТУРНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Активное развитие с середины прошлого столетия глобализации породило новые проблемы и вызовы безопасности государств. Все чаще на первое место выходят проблемы так называемой *soft security* (мягкой безопасности), к числу которых относится и культурная безопасность. Под культурной безопасностью понимают «способность общества сохранять специфические характеристики, несмотря на изменяющиеся условия и реальные и виртуальные угрозы. Если говорить более подробно, то данное понятие включает в себя постоянство традиционных схем языка, культуры, идентичности, сообществ, национальных и религиозных обычаев»¹. Культурная безопасность предполагает не только предотвращение религиозных, этнических и иных конфликтов культурного характера, но, прежде всего, развитие культурного самосознания и тесно связанных с ним вопросов идентичности. Отечественные специалисты рассматривают культурную безопасность не только как объект, но и как фактор обеспечения безопасности. Отметим в этой связи высказывание А.Я. Флиера по поводу того, что «по-настоящему безопасное общество то, где люди в абсолютном большинстве своем сознательно и целенаправленно соблюдают общепринятые нормы жизнедеятельности, то есть являются культурными»². Частью культурной безопасности является безопасность конфессиональная, которую достаточно часто отождествляют с безопасностью религиозной. Однако здесь есть ряд различий: прежде всего, религиозная безопасность (в отечественной школе) связана с защитой традиционных религий от современных нетрадиционных культов³. Под конфессиональной безопасностью понимается как система сохранения контентного содержания любой конфессии и ее культовой оболочки, так и предотвращение конфликтов на конфессиональной почве. Под конфессиональной безопасностью может рассматриваться система

условий для полноценного развития различных конфессий в едином культурном пространстве, предотвращающая или, по крайней мере, смягчающая конфликты, связанные с конфессиональной принадлежностью⁴. Нужно отметить, что вопрос религиозной (конфессиональной) идентичности один из основных в контексте культурной безопасности. Однако в современном мире произошли значительные перемены: так, например, мусульмане «едины» только по отношению к христианству или другой религии, а внутри существуют различные направления, течения, носящие даже антагонистический характер. Точно так же, как показывают социологические исследования, человек идентифицирует себя православным довольно часто не потому, что он является ярким приверженцем веры, а потому что православие — это культурная традиция нашей страны. В случае поликультурной или мультикультурной среды логичнее говорить об этнорелигиозной идентичности, поскольку принадлежность человека к определенной диаспоре является очень часто основной составляющей⁵.

Для России на данном этапе развития вопросы культурной безопасности занимают одно из первых мест в контексте системы безопасности государства. Со своих истоков Россия является страной, населенной различными этносами и многоконфессиональной. Таким образом, в отличие от большинства европейских стран, где вопросы культурной безопасности возникли с приездом значительного числа мигрантов из других государств, Россия уже сама по себе формировалась как государство многонациональное. На протяжении всей истории развития государства всегда существовала некая наднациональная идея, стоявшая выше культурных и конфессиональных различий. В царской России идея и миссия «святой Руси» стала определенным надэтническим связующим звеном, в СССР общей социально-политической

* Смирнова О.А. — ННГУ им. Н.И. Лобачевского

идеей стало строительство коммунизма, самоидентификация в качестве советского человека. Сейчас подобной объединяющей идеей могли бы стать общие демократические ценности, а как следствие, права и свободы человека, самоидентификация в качестве россиянина. Однако возможным это может стать только в случае социальной стабильности и экономической развитости общества.

На современном этапе Россия сталкивается с проблемами культурной безопасности, связанной как с ситуацией в отношениях между народами и конфессиями внутри страны, так и с миграционными потоками, основу которых составляют приезжие из стран Центральной Азии.

Прежде всего рассмотрим положение внутри страны, где миграционные потоки направлены в центральную Россию, Москву и Санкт-Петербург.

Развитие внутренней миграции необходимо для повышения эффективности пространственного размещения ресурсов, сглаживания региональных различий в доходах и занятости. Для России решение именно этих вопросов наиболее важно для улучшения экономического развития государства. Пространственное размещение экономической деятельности страны должно быть пересмотрено, так как существующая структура пространственного распределения во многом нецелесообразна с экономической точки зрения, а следовательно, не может развиваться в условиях рыночной экономики. С другой стороны, для России характерна концентрация капитала в определенных регионах (прежде всего Центральной России), что также ухудшает общее экономическое состояние государства.

Распад Советского Союза и либерализация внешней торговли привели к значительному росту неравенства по уровню заработной платы в различных отраслях, а так как для структуры промышленности была характерна ее концентрация в определенных регионах, то подобное неравенство также породило различия в региональных доходах.

Таким образом, в России существует значительная ротация в распределении регионов по уровню жизни и безработицы⁶. Казалось бы, что все это должно способствовать росту внутренней миграции. Но экономическая нестабильность — отсутствие развитого рынка съемного жилья, административные препоны в виде регистрации по месту жительства — все это затрудняет процесс перемещения населения внутри страны. Нельзя не отметить и роль вопросов культурного характера, что связано с существованием национальных республик, обладающих своей конституцией, на территории государства. На наш взгляд, в многонациональном государстве недопустимо административное деление территорий по национальному признаку. Говоря о самоидентификации, мы все, прежде всего, граждане России — россияне, а уже потом русские, татары, чувашаи и т.д., что говорит о том, что на первом месте для любого человека,

проживающего на территории Российской Федерации, должно стоять соблюдение законов страны. В этом плане существенную роль играют средства массовой информации как один из основных источников формирования общественного мнения. Информировав общество о каких-либо правонарушениях, основной упор должен делаться на сам факт правонарушения, а любое упоминание национальности или конфессиональной принадлежности должно сводиться к минимуму. Регистрация по месту жительства также усугубляет и провоцирует рост напряженности внутри общества: деление на своих и приезжих. В Москве до сих пор существует графа о наличии московской прописки для получения работы во многих организациях, что только увеличивает число правонарушений, провоцирует рост коррупции и напряженности в отношениях внутри населения.

Проблемы, связанные с миграционными потоками из стран ближнего зарубежья, также оказывают влияние на культурную безопасность государства. Основной поток мигрантов приходится на страны Центральной Азии. Согласно данным о населении мира⁷, по темпам естественного прироста населения (–0,6 процента) Россия занимает предпоследнее место среди всех стран мира (перед Украиной — 0,8 процента). Кроме того, согласно прогнозам, население России в период с 2004 по 2050 г. сократится на 17 процентов (с 144 до 119 млн человек); этот показатель немного лучше, чем в странах Восточной Европы (–19 процентов), но хуже, чем в соседних с Россией странах Скандинавии (8 процентов), Западной Азии (60 процентов), странах юга Центральной Азии (89 процентов)⁸. Все это свидетельствует о том, что рост миграционных потоков просто неизбежен. Компенсация естественной убыли миграционным притоком снижалась до 10,5% в 2003 г., но затем опять стала увеличиваться. В 2007 г. этот показатель достиг 50,2%.

Демографическая ситуация в России на данный момент такова, что экономическое развитие государства невозможно без приезжей рабочей силы. Таким образом, основной задачей становится формирование и разработка миграционной политики страны, совершенствование миграционного законодательства, что предусматривает, прежде всего, создание и разработку долгосрочной и детально проработанной концепции стимулирования миграционных потоков.

9 октября 2007 г. был подписан акт №1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года», где основной провозглашается цель стабилизации общей численности населения и ее повышения к 2025 г. «Привлечение мигрантов в соответствии с потребностями демографического и социально-экономического развития»⁹ присутствует в списке основных задач, но уже не в качестве самоцели. Конкретные направления миграционной

политики в Концепции включают: «содействие добровольному переселению соотечественников...; привлечение квалифицированных иностранных специалистов, в том числе выпускников российских высших учебных заведений» и некоторые другие меры. Несмотря на ряд положительных трендов (таких, как введение дифференцированной системы привлечения мигрантов), ряд вопросов остался нерешенным. Во-первых, до сих пор отсутствует четкое определение понятия «соотечественник». Указ Президента РФ, подписанный в 2006 г., о содействии добровольному переселению на родину соотечественников реального результата не дал, поскольку механизма обустройства соотечественников он не предполагал¹⁰. К тому же понятие «соотечественник» там было обозначено крайне нечетко, включает в себя вообще всех граждан бывшего Советского Союза. Условия для упрощенного получения российского гражданства государствообразующему этносу (русским) и титульным этносам России российским законодательством не предусматриваются.

Во-вторых, вопросы интеграции мигрантов в российское общество также вписаны в повестку дня и требуют детальной разработки. Несмотря на то, что несколько десятилетий назад страны основного потока мигрантов входили вместе с Россией в единое государство, уже выросло целое поколение молодежи, которое разделяет иные ценности и традиции. Таким образом, необходимо выстраивать работу с общинами, пропагандировать культурные ценности, традиции, язык российского государства в странах-соседах. Если мы выясним, какой язык предпочитают жители ряда стран бывшего СССР, то увидим, что во многих странах русский язык сдал свои позиции, особенно это важно для государств, которые на данный момент стали основными поставщиками рабочей силы (например, Таджикистан, где только 3% опрошенных владеют языком на должном уровне).

Итак, исходя из всего вышесказанного можно констатировать, что на сегодняшний день Россия сталкивается с проблемами культурной безопасности как на внешнем, так и на внутреннем уровнях, пути решения которых тесно связаны не только с экономическим развитием государства (уменьшение разницы в доходах населения, в том числе в зависимости от места проживания), но и с формированием четкого видения дальнейшего развития государства в миграционной сфере, в вопросах, касающихся взаимоотношений между народами и конфессиями внутри России.

Каковы пути решения вопросов культурной безопасности государства, а как следствие, и безопасности в целом. На протяжении последних десятилетий основой концепции интеграции мигрантов и решения указанных проблем является реализация политики мультикультурализма.

Мультикультурализм — политика, направленная на развитие и сохранение в отдельно взятой

стране и в мире в целом культурных различий, и обосновывающая такую политику теория или идеология. Важным отличием от политического либерализма является признание мультикультурализмом прав за коллективными субъектами: этническими и культурными группами. Такие права могут выражаться в предоставлении возможности этническим и культурным общинам управлять обучением своих членов, выражать политическую оценку и так далее.

Прежде всего концепция мультикультурализма получила свое развитие в Европе, когда усилилась миграция из Северной Африки и Ближнего Востока — стран, представляющих арабскую и мусульманскую культуру. Считалось, что, поскольку культурного многообразия не избежать, необходимо разрабатывать и внедрять «мультикультурную концепцию демократии». Мультикультурализм предполагает отказ от одной общей культуры в пользу множества равноправных культур. Предполагалось, что в конце XX века единые государства-нации уйдут в прошлое, а их место займут толерантно относящиеся друг к другу сообщества с различной культурой.

Отношение к идеям мультикультурализма всегда было крайне неоднозначным: колеблется от безусловного одобрения до резкого неприятия. Утопичность данных идей показали события последних лет во Франции, Германии, Великобритании и других странах старой Европы, которые за последние десятилетия приняли огромное количество иммигрантов. Образ мультикультурного общества, включающий представление о единстве в условиях культурного многообразия и интеграции на новом качественном уровне, о воспитании в обществе толерантности, умения сосуществовать с инокультурными группами, слоями, индивидами, уважение или терпимость к «инакости», — все это сразу же исчезло при столкновении с реальной действительностью, показывающей, что толерантность существует только до определенного предела.

Льготы, политика привилегий, квотирования неизбежно ведут к дискриминации в отношении наиболее сильных представителей общества, к которым чаще всего принадлежат коренные жители государства. В этой связи мультикультурализм как теоретическая концепция способствует дискриминации базовых культур, лежащих в основе развитых обществ.

Так, во Франции ученые, столкнувшись с негативными последствиями политики мультикультурализма, стали писать о том, что официальное признание особенности той или иной культурной общности, наделение ее особыми правами приводит к тому, что из временного обособленного состояния общности может оказаться постоянным, что влечет за собой фрагментарность общества, противоборство с другими общинами. Любое юридическое признание особенного положения потенциально ведет к выдвиганию бесконечных

новых требований. Таким образом, общество дробится, перестает быть единым.

Обоснованность данных опасений проявилась на практике, в результате чего сразу несколько лидеров ведущих государств Европы заявили о провале политики мультикультурализма.

Что касается России, то мы не можем говорить, что страна изначально была мультикультурной в современном понимании значения данного термина. Она всегда представляла собой государство с одной доминирующей культурой, которая и предоставляла условия для развития других культур. После распада Советского Союза в стране началось резкое деление по национальному признаку (результат политики, проводимой партией большевиков еще в начале 20-го века), когда власть потеряла возможность контролировать внутренние процессы.

Между тем объединить Россию может только двойная, или двухуровневая, идентичность, закреплённая в сознании всех российских народов: этническая и общероссийская идентичность. В современном российском обществе существуют российская русскоязычная полиэтническая культура; этнические культуры народов России, в том числе русского; «массовая» культура.

Россия за долгий период своей истории создала цивилизационный тип надэтнической культуры на основе русского языка при участии всех народов, входивших в состав Российской империи, Советского Союза и Российской Федерации. Можно присоединиться к мнению, что «культу-

ра России создана совместными усилиями элиты всех её народов, принявших язык русских вне зависимости от собственного этнического происхождения. Она наша общее бесценное богатство, неоценимое преимущество пред всеми, кто не знает этого языка»¹¹.

У России есть многовековой опыт сожителства на одной территории различных конфессий и этносов, который и должен быть использован. В стране, где более 80% жителей определяют себя как русские, просто невозможно игнорировать интересы большинства, именно поэтому основой становится соблюдение законов страны всеми ее гражданами независимо от национальной или конфессиональной принадлежности.

Однако нужно учитывать еще один момент. Нестабильная экономическая ситуация внутри страны, низкие заработные платы, различия по уровням жизни между регионами, высокий уровень безработицы — все это усиливает негативные ксенофобские тенденции. Ниже прожиточного минимума в России официально находится 13% населения (18,5 млн человек). По Индексу развития человеческого потенциала (ИРЧП) — интегральному показателю, учитывающему уровень жизни, грамотности, образованности и долголетия, Россия в настоящее время занимает 65-е место из 169 стран¹². На наш взгляд, во многом именно экономические проблемы стали основой развития ксенофобских настроений в России, причем как в отношении других этносов внутри страны, так и в отношении мигрантов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Топчиев М.С. Религиозная идентичность и конфессиональная безопасность в поликультурном регионе, Каспийский регион // Политика, экономика, культура. 2010. №4 (25).

2. Флиер А.Я. Культура как фактор национальной безопасности // Общественные науки и современность. 1998. №3. С 181–187.

3. Агаджанян А. Религиозный плюрализм и национальная идентичность в России/<http://unesdoc.unesco.org/images/0014/001437/143739R.pdf>.

4. Топчиев М.С. Религиозная идентичность и конфессиональная безопасность в поликультурном регионе, Каспийский регион // Политика, экономика, культура. 2010. №4 (25).

5. Там же.

6. http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/publishing/catalog/statisticCollections/doc_1139916801766.

7. Демографический ежегодник России/ http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/publishing/catalog/statisticCollections/doc_1137674209312.

8. Современная демографическая ситуация в Российской Федерации/ http://www.gks.ru/free_doc/2010/demo/dem-sit-09.doc.

9. Указ Президента РФ от 09.10.2007 N 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года»/ <http://mon.gov.ru/dok/ukaz/vosp/4202/>.

10. Указ Президента Российской Федерации от 22 июня 2006 г. N 637 г. Москва «О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом»/ <http://www.rg.ru/2006/06/28/ukaz-pereselenie.html>.

11. Журавлёв В.Е. О некоторых факторах национальной политики в России и в Москве. Кто станет жертвой отказа от традиционных ценностей в России?/ <http://www.parlament-club.ru/articles/special,1,825.htm>.

12. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации 2010/<http://www.undp.ru/index.php?iso=ru&lid=2&cmd=publications1&id=49>.

О.Н. Подлесных*

ПЕРЕПИСНАЯ СТАТИСТИКА И ПРОБЛЕМЫ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ХАРТИИ В ПОВОЛЖЬЕ*

В качестве члена Совета Европы Российская Федерация выполняет международные обязательства в области прав человека и защиты прав национальных меньшинств, развивая свое законодательство с учетом общеевропейских норм. К важнейшим документам в этой области относятся Европейская Рамочная Конвенция о защите национальных меньшинств, подписанная Россией в феврале 1996 г. и ратифицированная в августе 1998 г., и Европейская Хартия региональных языков или языков меньшинств, подписанная в феврале 2001 г. (далее — Хартия). В июне 2009 г. состоялось открытие Совместной программы Совета Европы и Европейской комиссии по сотрудничеству с Министерством регионального развития Российской Федерации «Меньшинства в России: развитие языков, культуры, СМИ и гражданского общества», в рамках которой стартовала подпрограмма по имплементации Хартии в России.

В отличие от рамочной Конвенции, Хартия целиком посвящена защите языкового многообразия. На официальном сайте Совета Европы цели Хартии определяются следующим образом.

Хартия является конвенцией, разработанной для того, чтобы, с одной стороны, защищать и поддерживать региональные языки или языки меньшинств в качестве находящегося под угрозой аспекта культурного наследия Европы и, с другой стороны, дать возможность говорящим на языке меньшинства или региональном языке использовать его в частной или общественной жизни. Ее основная цель является культурной. Она охватывает региональные языки или языки меньшинств, нетерриториальные языки и менее используемые официальные языки.

Под ее защиту подпадают языки, традиционно используемые на территории государства, но она не охватывает те языки, которые ассоциированы с недавними миграциями, или диалекты официального языка¹. Хартия не является международным договором, обеспечивающим языковые права меньшинств.

Она не защищает языковые сообщества или группы меньшинств. Объектом защиты в ней являются только языки. Хотя Хартия называется Хартией региональных языков или языков меньшинств, языки меньшинств в ней отнюдь не противопоставляются региональным языкам, а выражение «региональные языки или языки меньшинств» трактуется как единое понятие, последовательно используемое на протяжении всего текста Хартии и пояснительных материалов. Региональный язык или язык меньшинства в терминах Хартии — это отдельный язык, существующий автономно от официальных языков или диалектов официального языка; языки, на которых говорят мигранты, как и диалекты основного языка государства в Хартии не рассматриваются. С практической точки зрения, наибольшим отличием в рамках Хартии характеризуются не территориальные или региональные и нетерриториальные языки (хотя Хартия фиксирует такое отличие), или официальные и неофициальные языки в государстве, но отличием между языками, включаемыми под защиту части II и части III Хартии, поскольку именно в отношении языков этих частей отмечается самая существенная разница в объемах принимаемых государством обязательств. В отношении языков, включаемых в перечень части III ратификационного инструмента, государство выбирает по меньшей мере 35 пунктов из обязательств этой части, распределенных между семью общественными сферами в соответствии с семью статьями (статьи 8–14 Хартии), а именно — сферами образования, судопроизводства, административного управления, средств массовой информации, культуры, экономической и социальной жизни и, наконец, трансграничных обменов.

Выбор самих обязательств может гибко настраиваться на соответствие самым разным языковым ситуациям и отвечать не только положению каждого языка в отдельности, но и реальному положению одного и того же языка на различных территориях.

* Подлесных О.Н. — м.н.с. Центра этнополитических исследований ИЭА РАН

Иными словами, объемы обязательств в отношении татарского языка на территории Татарстана и за его пределами — на территориях, например, Башкирии, Марий Эл, Мордовии и Чувашии могут существенно отличаться, если это будет оговорено в ратификационном инструменте России. Следует также помнить, что перечень языков и конкретных обязательств в отношении каждого из выбранных для защиты языков может последовательно расширяться по мере улучшения реального положения языков и прохождения очередных циклов мониторинга и отчетности. Общие принципы и процедуры контроля за соблюдением обязательств изложены в части IV Хартии в ее статьях о периодической отчетности (статья 15), процедуре рассмотрения отчетов (статья 16) и деятельности Комитета экспертов (статья 17).

Переписи населения остаются на сегодняшний день единственным официальным источником статистических данных о распространении языков в РФ, однако переписи при существующей методике учета населения не дают вполне достоверной информации о языковых ситуациях. Статистический комитет ООН также указывает, что важнейшим источником языковых данных являются переписи населения. Если рассматривать переписную статистику в отношении языков как вспомогательный источник для решений о выборе мер языковой поддержки и, в частности, в ходе имплементации Хартии, то эти сведения оказываются неполными, фрагментарными и в некоторых отношениях не вполне надежными. В задаче доклада входит оценка пригодности использования языковых данных последних российских переписей населения и их языковых программ для планирования мер языковой поддержки, в том числе и при возможной ратификации европейской языковой Хартии.

Постсоветская история политической мобилизации вокруг проблем языка и языковой идентичности как в новых постсоветских государствах, так и в российских республиках хорошо известна. Детально описаны события, например, в ряде республик Поволжья, где вопросы языковой идентичности оказались в центре политической борьбы. Однако влияние этих событий на языковую программу переписей было не слишком большим. Во всяком случае, такое влияние трудно заметить, если сосредоточиться на формулировках вопросов и их сравнении с предыдущими переписями. С 1897 по 1959 г. языковой блок переписей состоял из единственного вопроса «Родной язык». Однако смысл, вкладываемый в это понятие, менялся от переписи к переписи, что отражалось в инструкциях для переписчиков.

Языковой блок переписи 2002 года, как, впрочем, и программа переписи в целом, отличался от всех предыдущих советских переписей. Впервые был введен вопрос о владении государственным языком в формулировке: «Владеете ли Вы русским языком?» с полями для вариантов ответа (да/нет). Переписной бланк содержал еще один вопрос о язы-

ковой компетенции: «Какими иными языками Вы владеете?», причем для ответов было предусмотрено три поля. Таким образом, человек мог в принципе зафиксировать владение четырьмя (а для того, у кого родной — русский, то и пятью) языками. В соответствии с инструкцией вопрос о родном языке задавался устно (бланк переписи его не содержал, однако первое поле вопроса 9.2 «Какими иными языками Вы владеете?» было отведено именно для ответа о родном языке). Общий контекст вроде бы предполагал и в этом случае выяснение языковой компетенции, однако сама формулировка вопроса («Ваш родной язык» вместо, например, «Владеете ли Вы языком своей национальности?») не позволяет различать случаи фиксации языковой идентичности и языковой компетенции. Ситуация была существенно осложнена и тем обстоятельством, что не везде инструктивные материалы поступили вовремя и, следовательно, время на обучение переписчиков в отдельных случаях было упущено. Нагрузка на одного переписчика в крупных городах была такова, что инструкция не соблюдалась и вопрос о родном языке не задавался, поскольку его не было в бланках, и переписчик, даже если он знал инструкцию, должен был помнить о том, чтобы его задать. Все это сделало данные о владении родным языком / языковой идентичности ненадежными (табл. 1 и рис. 1).

Сведения переписей населения о владении и пользовании языками традиционно необходимы для оценки языковой ситуации и разработки программ языковой поддержки или, в общем случае, для формулирования целей и задач языковой политики. Перепись, проведенная в октябре 2002 г., представляет интересные и заслуживающие внимания сведения о владении языками, однако технология ее проведения создает значительные трудности для их анализа. На это уже обращали внимание многие исследователи, в том числе и специалисты Института этнологии и антропологии РАН, в частности, В.А. Тишков и М.Н. Губогло. Суть этих трудностей заключается в том, что анкета переписи 2002 г., в отличие от всех предыдущих отечественных переписей, не содержала вопроса о родном языке. Напомню, что в переписях 1897, 1926, 1939, 1959 г. этот вопрос звучал в формулировке «Родной язык», а в переписях 1970, 1979 и 1989 г. эта же формулировка дополнялась формулой: «Указать также другой язык народов СССР, которым свободно владеете».

Мотивом исключения вопроса о родном языке для разработчиков анкеты стала, как это можно понять из свидетельств одного из главных ее авторов — В.А. Тишкова², попытка устранения путаницы между данными о владении языком и языковой идентификацией, с неизбежностью возникающей при анализе ответов на вопрос о родном языке (зачастую остается неизвестным, что имел в виду человек, называя какой-либо язык родным — тот язык, которым он лучше всего владеет, или тот, которым он может и вовсе не владеть, но который

Таблица 1 — Формулировки вопроса о языке в переписях

Год	Формулировка вопроса	Указания к составлению ответов
2002	9.1. Владеете ли Вы русским языком? (метка да/нет) 9.2. Какими иными языками Вы владеете? (три поля для ответов)	Владение языком означает умение говорить, читать и писать или только разговаривать на данном языке. Вопрос «Какими иными языками Вы владеете?» В каждом прямоугольнике записывается название только одного языка. Первый прямоугольник предназначен для записи родного языка опрашиваемого. Для этого необходимо опрашиваемому задать вопрос: «Ваш родной язык?» Если опрашиваемый называет родным языком русский язык, то в вопросе 9.2 он не записывается, но внизу переписного листа в зоне «Резерв» обязательно проставляется первая метка. Если помимо русского языка опрашиваемый владеет иными языками, то в трех прямоугольниках записывается название этих языков. Если родным языком является не русский язык, то в первом прямоугольнике записывается название родного языка. В остальных двух прямоугольниках записывается название иных языков, которыми владеет опрашиваемый. Если опрашиваемый владеет большим числом иных языков, чем предусмотрено прямоугольников для их записи, то запишите языки по выбору опрашиваемого. Если опрашиваемый затрудняется выбрать, какие языки записать, то при записи предпочтение отдается языкам народов России и языкам коренных народов государств-участников СНГ. При этом, если опрашиваемый живет на территории республики (автономной области, округа), то среди языков народов России предпочтение отдается государственному языку данной территории. Запишите слово «нет» в каждую строку тем, кто не владеет иными языками, а также детям, еще не умеющим говорить
2010	9.1. Владеете ли Вы русским языком? (метка да/нет) 9.2. Какими иными языками Вы владеете? (три поля для ответов) 9.3. Ваш родной язык	Владение языком означает умение говорить, читать и писать или только разговаривать на данном языке. Данный раздел заполняется независимо от возраста опрашиваемых. Владение языками и родной язык для малолетних детей определяют родители. В случае, когда дети не умеют говорить, владение языками определяется тем, на каком языке с ними разговаривают родители (и другие члены домохозяйства). Вопрос 9.1. Вопрос выясняет владение государственным языком Российской Федерации — русским языком. В зависимости от ответа опрашиваемого необходимо проставить одну из меток: «да» или «нет». Вопрос 9.2. Если человек называет более трех языков, то следует записать любые три из них по выбору опрашиваемого. В каждом прямоугольнике записывается название только одного языка, которым владеет опрашиваемый. Всего в данном вопросе можно записать не более трех ответов. В ответе на вопрос 9.2 нельзя записывать русский язык. Вопрос 9.3. В специальном поле нужно записывать название только одного языка, который опрашиваемый считает родным. Если человек называет более одного родного языка, то записывается один язык по выбору опрашиваемого. Если опрашиваемый затрудняется выбрать родной язык, то предпочтение отдается тому языку, который опрашиваемый хотя бы немного помнит

считает своим родным в связи с национальной принадлежностью).

Перепись могла бы дать необходимые сведения о владении языками, дву- и трехязычии, столь важные для оценки языковой ситуации, если бы не брошюра с инструкциями для переписчиков, в которой указывалось, что вопрос о родном языке все же следует задавать, записывая ответ в случае русского языка в пункт 9.1, а в случае иного языка — в первую строку пункта 9.2. Если бы переписчики неукоснительно соблюдали эту инструкцию, то данные новой переписи, хотя и не решили бы старой проблемы различения языковой идентичности от сведений о владении языком, то все же позволили бы на основе полной преемственности с прежними переписями проводить сравнительно-исторический анализ и делать более или менее обоснованные оценки динамики языковой ситуации. Однако мониторинг переписи, проведенный группой экспертов в

рамках международного проекта в 20 субъектах РФ, в котором я приняла участие, работая в качестве инструктора на переписном участке, обнаружил, что даже в Москве (не говоря уже о других регионах, куда инструктивные брошюры поступили позже или не поступили вовсе) далеко не все переписчики, согласно инструкции, задавали отсутствующий в анкете вопрос о родном языке. В итоге получилось так, что проконтролировать или обнаружить по заполненным анкетам, задавался ли вопрос о родном языке, или переписчик, следуя исключительно анкете, спрашивал только о владении русским и иными языками, оказалось невозможным. Точнее, этого нельзя определить относительно тех, для кого родной — любой язык, кроме русского. В случае, если родным являлся русский язык, согласно инструкции, помимо того, что отмечался вариант ответа «Да», переписчиками вносилась дополнительная отметка внизу анкеты на специальном рабочем поле. Иными словами,

9 ВЛАДЕНИЕ ЯЗЫКАМИ

9.1 Владете ли Вы русским языком?

да нет

9.2 Какими иными языками Вы владеете?

Рис. 1 — Фрагмент переписной анкеты Всероссийской переписи населения 2002 г. (блок вопросов о владении языками)

для той совокупности переписанного населения, у которой родным языком был русский и которой во время опроса задавался вопрос о родном языке, сведения о владении и языковой идентификации можно разделить. Относительно иных языков такое разделение оказывается невозможным. Сопоставление полученных в переписи 2002 г. сведений с данными прежних переписей становится проблематичным.

Полученные итоги нельзя трактовать ни как сведения о владении языками (часть переписчиков все же задавала вопрос о родном языке, следуя инструкции), ни как сведения о языковой идентификации. То есть для анализирующих языковую информацию по итогам переписи обнаруживается невозможность отделить сведения о владении языками в языковых сообществах от сведений о владении языками в сообществах этнических. Остается единственный выход — рассматривать в отношении каждого конкретного случая два сценария: 1) вопрос о родном языке задавался и ответы были занесены в анкету в полном соответствии с инструкцией; 2) вопрос о родном языке не задавался; были заданы лишь вопросы 9.1 и 9.2 о владении русским и иными языками.

Методические неточности, допущенные в инструктивных материалах переписи 2002 г., предполагалось устранить переписи, прошедшей октябре 2010 г., обсуждение программы которой началось еще в 2007 г. Вопросы о языке необходимо было сформулировать таким образом, чтобы отразить реальное распространение языков на территории РФ, а не языковую компетенцию (владение, степень которого остается крайне неопределенной) или языковую идентичность.

Эксперты Института русского языка РАН и Института этнологии и антропологии РАН, работавшие по предложению Росстата над языковой программой переписи 2010 г., на совместном заседании в феврале 2007 г. предложили следующие формулировки вопросов: «Говорите ли вы по-русски? (да/нет)»; «На каком языке вы впервые начали говорить в

детстве?» (две строки); «Какие языки вы используете в настоящее время?» (три строки)³. По их мнению, такая формулировка вопросов (использование глаголов «говорить» и «использовать», а не «владеть» или «знать») позволила бы избежать отражения в результатах предстоящей переписи владения иностранными языками в объемах школьной программы и предоставила бы более надежные сведения о реальном распространении языков в языковых сообществах России, в том числе и о распространении различных типов дву- и трехязычия. Нарушение графика финансирования подготовки переписи 2010 г. привело, однако, к свертыванию разработки новой анкеты, в результате чего языковой блок переписи 2010 г. был изменен лишь минимально — за счет введения в анкету вопроса о родном языке.

В результате такого возврата к прежней программе в новой переписи были воспроизведены все отмеченные выше недостатки вопроса с формулировкой «владения языками». Несколько более точные оценки языковых ситуаций можно будет получить лишь при анализе переписной статистики на уровне районов⁴, где появляется возможность привязки сведений о владении языками к районам компактного проживания меньшинств. Помимо этого, дополнительные и весьма важные сведения могут быть получены из Росстата, если для исследователей станут доступными не только суммарные данные о владении языками, но и построчные сведения по порядку называния языков (напомню еще раз, что в графе «Какими иными языками Вы владеете?» были три строки для заполнения, и порядок ответов в анкетах мог бы дать интересные сведения для анализа — рис. 2).

Для целей имплементации Хартии особенно ценными могли бы стать сведения об использовании / владении языками по возрастным когортам, в особенности в отношении учащейся молодежи (статья 8 Хартии). Однако публикация результатов переписи 2002 г. с весьма близкой языковой программой не содержит таблиц со сведениями о владении языками

9 ВЛАДЕНИЕ ЯЗЫКАМИ	
9.1 Владете ли Вы русским языком?	
да ☐	нет ☐
9.2 Какими иными языками Вы владеете?	
<input type="text"/>	<input type="text"/>
<input type="text"/>	<input type="text"/>
<input type="text"/>	<input type="text"/>
	язык жестов ☐
9.3 Ваш родной язык	
<input type="text"/>	<input type="text"/>

Рис. 2 — Фрагмент переписной анкеты Всероссийской переписи населения 2010 г. (блок вопросов о владении языками)

среди разных возрастных когорт, а имеющиеся в томе 4 таблицы⁵ со сведениями о языках приводят лишь сведения о численности языковых сообществ и численности говорящих на том или ином языке на территории различных субъектов РФ. Этих сведений явно недостаточно для планирования мер языковой поддержки в сфере образования.

Изложенные наблюдения позволяют прийти к заключению, что переписные материалы могут ис-

пользоваться для оценки языковых ситуаций лишь с известными оговорками, причем в случае каждой из переписей должны быть выработаны свои система поправок и методика оценки. Для взаимной коррекции переписных данных необходимо использовать сведения о распространении языков последних четырех-пяти переписей населения (1970, 1979, 1989, 2002 и 2010 гг.), поскольку они характеризуют различные поколения современного населения страны.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Доклад на секции «Демография и социальные проблемы: миграция, переписи и категоризации» подготовлен при поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ (НШ-64897.2010.6, «Критический пересмотр инструментария отечественной антропологии и ее субдисциплин; совершенствование и распространение новых методов исследования в научно-прикладной сфере, имеющей непосредственное отношение к государственной этнической политике»).

¹ About the Charter; адрес сайта: http://www.coe.int/t/dg4/education/minlang/aboutcharter/default_en.asp (дата посещения 12 сентября 2011 г.).

² Тишков В.А. Историко-антропологический анализ переписи населения // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Вып. 161. М., 2003. С. 25–35.

³ Рекомендации совместной рабочей группы Института русского языка РАН и Института этнологии и антропологии РАН по формулированию вопросов о языке в пере-

писи 2010 г. Москва, 20 февраля 2007 г. (электронный архив ИЭА РАН).

⁴ На момент написания доклада результаты переписи 2010 г. относительно этнического и языкового состава населения остаются неопубликованными и недоступными для исследователей. Их появление ожидается согласно информации Росстата до 30 июня 2012 г. (<http://www.perepis-2010.ru/results-vpn.php>; дата посещения сайта: 12 сентября 2011 г.).

⁵ Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Национальный состав и владение языками, гражданство. Книга 1. Москва: ИИЦ «Статистика России», 2004. Табл. 2–3 «Владение русским языком по национальностям и субъектам РФ»; табл. 4 «Распространенность владения языками (кроме русского) со сведениями о численности языковых сообществ»; табл. 5 «Владение языками (кроме русского) населением наиболее многочисленных национальностей (с численностью 400 тыс. чел. и более)».

С.П. Тюхтенева*

ПЕРЕПИСЬ НАСЕЛЕНИЯ КАК ЗЕРКАЛО ЭТНИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ (на примере Республики Алтай)

Между двумя последними всероссийскими переписями населения прошло восемь лет. Особое внимание в статье уделено теленгитам, получившим статус коренного малочисленного народа (далее — КМН) в 2000 г.¹. В основе данной статьи лежат полевые материалы автора, собранные в селах Республики Алтай в 2002–2011 гг.².

Согласно этим материалам, за прошедшее время отношение теленгитов к своему новому статусу эволюционировало от неприятия идеи включения их в список КМН до осознания определённых выгод, принятия идеи и использования ситуации себе на пользу. Немаловажную роль в этом процессе сыграли и продолжают играть общественные и неправительственные, некоммерческие организации. К коренным малочисленным народам в Республике Алтай относятся также кумандинцы, тубалары и челканцы. Однако наделение этих народов особым статусом было воспринято в общественном сознании алтайцев менее болезненно, чем теленгитов. Теленгитов и южных алтайцев связывает общая этническая история, у них практически идентичные сеоки (кланы), и потому причисление к КМН было воспринято как искусственное и самими теленгитами, и южными алтайцами. Вместе с тем теленгиты как особая часть коренного населения Алтая были известны издавна, равно как и другие алтайские группы.

Для всех групп алтайцев исторически присуща множественная идентичность. В своем сообщении я хочу особо отметить, что, поскольку на протяжении всего XX и начала XXI веков перепись населения служила инструментом государственной политики, то такие категории, как «этническая идентичность», отражающая реальную картину, и «национальность», подлежащая учету, не были релевантны. Тем более, учету не подвергалась множественность этнической идентичности, присутствующая некоторым группам населения. Между

тем, алтайцы относятся к подобной категории населения, для которой исторически характерна множественность, или многоступенчатость этнической идентичности.

В отечественной исторической и этнографической литературе на протяжении XVII–XX вв. южные алтайцы именовались калмыками белыми, алтайскими, горными, порубежными, бийскими, а также чуйскими калмыками и двоedanцами. Коренное население северной части современной Республики Алтай именовалось черневыми татарами. После образования в 1922 г. Ойротской автономной области они стали учитываться как ойроты. В 1948 г. Ойротия была переименована в Горно-Алтайскую АО, а коренное население, соответственно, стало учитываться как алтайцы. Это множество наименований вносило и продолжает вносить путаницу: почему тюркоязычное население юга Западной Сибири именовалось ойроты / ойраты, исторически известные как монголоязычный народ; или татары, хотя этот этноним известен как наименование тюркоязычного народа, живущего на берегах р. Волги, и т.д.

Две основные составляющие идентичности человека — персональная и социальная. Чем более развито общество и чем уже специализация его членов, тем сложнее характер идентичностей: гендерные, полоролевые, социально-профессиональные, религиозные, культурные / субкультурные, этнокультурные и т.д. В РА проживает достаточно большое количество людей, обладающих двойной этнокультурной идентичностью, например, указывающих в анкетах социологического опроса свою национальную принадлежность как «русский + алтаец» (когда отец русский, а мама алтайка) или «алтаец + русский» (отец алтаец, мама русская) и не желающих выбирать только одну национальность. Есть алтайцы с двойной алтайской же идентичностью — это

* Тюхтенева С.П. — эксперт-исследователь ООО «Этноконсалтинг»

алтайцы-теленгиты. Теленгиты проживают в Кош-Агачском и Улаганском районах. Вторые менее, чем их соседи кош-агачцы, склонны использовать при определении своей этнической идентичности двойную номинацию. Причина такого явления, по видимому, кроется в том, что кош-агачские теленгиты проживают бок о бок с казахами, и для них важны обе составляющие их этнической идентичности — и теленгит, что указывает на их политико-правовой статус коренного малочисленного народа, а также на локальный уровень этнотерриториальной идентичности, и алтаец, как факт принадлежности к алтайскому народу. Статус коренного малочисленного народа в РА имеют также кумандинцы, тубалары и челканцы, проживающие соответственно в Турачакском, Чойском районах и в г. Горно-Алтайске.

Основой для принятия властями республики решения об отнесении теленгитов к коренным малочисленным народам Севера послужило, вероятно, то, что постановлением Правительства РФ № 239 от 9 апреля 1992 г. «Об отнесении районов Республики Горный Алтай к местностям, приравненным к районам Крайнего Севера и установлении коэффициентов», территории проживания теленгитов — Улаганский и Кош-Агачский районы — были приравнены к районам Крайнего Севера. Эти два района, действительно, относятся к районам с экстремальными условиями для жизнедеятельности. Очевидно, что целью властей районов и республики было улучшение социально-экономического положения всего населения указанных районов, получения им льгот от федерального центра. В тот период времени это решение властей республики было вполне понятно и объяснимо: они стремились обеспечить приемлемый уровень жизни для населения в сложных социально-экономических условиях экономического «переходного» периода.

Впервые в XX в. теленгиты были учтены при переписи населения 1926 г. в количестве 3415 человек. Во всех последующих переписях они учитывались как ойроты в 1939 г. и как алтайцы во всех последующих. По результатам первой постсоветской переписи населения 2002 г. в РА было зарегистрировано 2600 теленгитов. Алтайцами назвало себя 62 192 человека³. Результатов переписи-2010 еще нет, однако осмелюсь предположить, что численность теленгитов окажется больше, чем их было в 2002 г.

Начало проекта «изобретения» нового сообщества — коренного малочисленного народа теленгиты — относится к этнополитически сложному периоду после распада СССР. В соответствии с изменившейся ситуацией начала 1990-х гг. шла подготовка текста новой Конституции России, текстов конституций субъектов РФ, нового законодательства. Безусловно, в русле общей демократизации и либерализации происходили изменения и в сфере законодательства. До 1993 г. в советской

и позже российской законодательской практике это словосочетание не употреблялось. Впервые о коренных народах было сказано в Указе Президента России № 118 от 5 февраля 1992 г. Указ содержал предложение о ратификации Конвенции Международной Организации Труда № 169 «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах». Второй раз термин «коренные народы Севера» был применен в Указе № 397 от 22 апреля 1992 г., в котором было дано распоряжение «подготовить до конца 1992 г. и внести в Верховный Совет РФ проекты законов «О правовом статусе коренных народов Севера» и «О правовом статусе национального района, национального сельского и поселкового Советов, родовых и общинных Советов коренных народов Севера»⁵. К этому периоду времени официального признания Россией наличия в стране особой категории населения — коренные народы Севера — и следует отнести появление идеи о включении теленгитов в перечень, называемый сегодня Единым перечнем коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации.

В отличие от ситуации начального периода суверенизации и самоопределения россиян различной этнокультурной принадлежности теленгиты стали КМН не вследствие роста этнического самосознания и последующего его правового-политического оформления. Какого-либо движения или инициативной группы граждан из числа теленгитов, выдвигавших требования о признании их коренным малочисленным народом в начале 1990-х гг., я не припомню. Категоризацию теленгитов в качестве этнокультурного меньшинства, находящегося в силу этого в уязвимом положении и нуждающегося в особом статусе, осуществили федеральные, республиканские и районные власти. Поэтому выход постановления Правительства РФ от 24 марта 2000 г. № 255 о включении в Единый перечень КМН РФ теленгитов вызвал удивление и неоднозначную реакцию среди всего коренного населения республики. Соответственно, самоопределение теленгитов как особого этнокультурного сообщества произошло впоследствии, после включения их в перечень.

Поскольку в российском законодательстве отсутствует правовой механизм определения того, каким образом конкретный человек может быть признан представителем КМН, постольку лица, желающие получить этот статус официально, стали использовать судебный механизм. К 2009 г. этим правом воспользовалось 387 человек из тубаларов Чойского р-на, 557 человек из челканцев Турочакского р-на и еще 137 человек ожидало решения суда⁷. Всего по переписи 2002 г. было учтено 800 челканцев и 1500 тубаларов, таким образом, в 2009 г. 87% челканцев, 26% тубаларов и 2,5% (60 из 2368) теленгитов имели на руках судебные решения об официальном признании их представителями КМН⁸.

В период подготовки переписи 2002 г., на протяжении весны-осени, теленгиты пережили довольно агрессивную кампанию с условным слоганом «Запишись алтайцем», которую проводили во всех СМИ республики общественные организации алтайцев. Если алтайцев окажется меньше 50 тысяч, то республику ликвидируют, поскольку малочисленным народам иметь республику «не положено». И виной всему станут те, кто предпочтет назвать себя теленгитом — такова была суть утверждений организаторов предпереписной кампании. Итоги переписи показали, что теленгитами «записалось» 2368 человек, из них 1893 человека из числа жителей Улаганского р-на. Республика Алтай сохранила свой статус до сегодняшнего дня, неоднократно, тем не менее, бывая предметом дискуссий «укрупнительного» дискурса различных политических сил и административных организаций.

В мае 2009 г. в г.Горно-Алтайске по инициативе Государственного собрания — Эл-Курултай (далее ГС-ЭК), правительства РА и Института алтаистики РА была проведена конференция «Единство культурного многообразия — основа устойчивого развития Республики Алтай». И хотя председатель ГС-ЭК И.И. Белеков неоднократно заявлял, что между конференцией и предстоящей в 2010 г. переписью населения прямой связи нет, ее тематика позволяет предположить обратное. Одной из центральных была тема, касающаяся внутриэтнического многообразия алтайцев. Весьма показательна в свете вышеизложенного первая фраза выступления на этой конференции главы Улаганского района: «Уважаемые участники конференции, я думаю, что многих здесь присутствующих больше всего волнует не то, что делает администрация Улаганского района в плане межэтнических отношений, а то, как при переписи населения 2010 года запишется население Улаганского района»⁹. Намеренно ли, нет ли, но это выступление красноречиво отражает сумятицу, существующую в «теленгитском дискурсе». Похоже, что глава муниципального образования «Улаганский район» всячески избегает утверждать, что теленгиты, называемые им еще и «улаганцы», являясь самостоятельным народом, однако и не отвергает их правовой статус КМН: «Исторические корни улаганцев тоже уходят вглубь тысячелетий»; «В этом прекрасном уголке на сегодняшний день живут три разных народа — алтайцы, часть которых считают себя теленгитами, русские и казахи»; «В 1765 году благодаря мудрости нашего зайсана Тадыша из рода телёсов улаганцы навсегда воссоединились с остальным алтайским народом и народами нашей Великой Отчизны»; «Отрадно, что в настоящее время теленгиты, как и другие народности Горного Алтая, возродили институт зайсанов, тем самым продолжив традиции своих предков»; «Большинство жителей Улаганского

района с пониманием и мудростью относятся к обсуждаемой проблеме. Как показала перепись 2002 года, из восьми тысяч алтайцев, проживающих на территории района, только лишь 1893, или 16,3%, назвали себя теленгитами. Сейчас каждому из нас предстоит сделать исторический выбор, почувствовать себя частичкой одного алтайского народа»¹⁰. Из вышесказанного проистекает, что теленгиты = улаганцы — это те же алтайцы, которые параллельно считают себя теленгитами, то есть им присуща двойная этническая идентичность. Автор выступления оценивает сложившуюся ситуацию следующим образом: «Возможно, в 1990-е годы меры, принятые Правительством Республики Алтай — отнесение Улаганского и Кош-Агачского районов к местностям, приравненным к районам Крайнего Севера, положительно отразились на социально-экономическом развитии Улаганского района — семидесятипроцентный коэффициент к заработной плате и пенсии, в том числе «северный завоз», который, в определенный период материально поддержал жителей этих районов»¹¹.

Отношение теленгитов к статусу КМН в период между двумя переписями сменилось, став позитивным. Определенную роль в этом процессе сыграли общественные и неправительственные организации. В частности, речь идет о АНО «ЮРИКС» («Юристы за конституционные права и свободы», г. Москва), международных и российских организациях «Лаураветлан», Ассоциации КМНССиДВ РФ, Ассоциации коренных малочисленных народов РА.

По инициативе «Лаураветлан — Информационно-образовательной сети коренных народов»¹² в республике проводятся, начиная с 2004 г., обучающие семинары-тренинги для представителей КМН. Один из таких семинаров назывался «Защита прав коренных малочисленных народов на исконную среду обитания и традиционный образ жизни». Он состоялся 24–25.02.2004 г. в районном центре, с. Кош-Агач. На семинаре с лекцией выступила О.А. Яковлева, член Московской коллегии адвокатов. Лекция была посвящена вопросам конституционных и законодательных гарантий прав коренных малочисленных народов и механизмов их защиты, в т.ч. практике применения законодательства о создании общин и территорий традиционного природопользования. В мае 2005 г. Центр «ЮРИКС» провел семинар-тренинг в с.Чемал Чемальского района РА, посвященный анализу норм российского и международного законодательства, гарантирующих защиту прав КМН. Особый акцент был сделан на правах на землю и природные ресурсы как основу жизнедеятельности. Кроме того, приглашенные на семинар представители коренных малочисленных народов РА имели возможность изучить Конвенцию Международной организации труда № 169 «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах».

Таким образом, за последние 5–6 лет представители теленгитов, наряду с другими коренными малочисленными народами РА, существенно повысили уровень своих правовых знаний, получили в руки юридический инструментарий для использования российского и международного законодательства в деле защиты своих прав. Безусловно, образовательная подготовка не могла не сказаться на этнокультурном самосознании теленгитов. Не последнюю роль в процессе роста самосознания теленгитов могли сыграть и исследователи — западные и российские антропологи, этнографы, фольклористы, изучающие их этнокультурную специфику. По словам одного западного культурного антрополога, современная этнокультурная идентичность коренного населения Кош-Агачского района стала предметом понимаемой ими всеми шутки — «Я и алтаец, и теленгит». Конфликта идентичностей нет. Но с точки зрения этнографии, «конфликт» есть. И состоит он в том, что сеоки у южных алтайцев и у теленгитов почти идентичны. Если бы за основу категоризации и легитимации теленгитов как КМН был взят их сеочный (родовой) состав, а род у алтайцев — это ядро их этнической идентичности, — объективировать их как особую этнокультурную группу удалось бы вряд ли. Но, поскольку решение о придании теленгитам статуса КМН принимали представители местной и федеральной исполнительной власти, то этот факт ими попросту не был учтен. Для самих же жителей Кош-Агачского и Улаганского районов принципиальной разницы в том, как себя называть, теленгит или алтаец, нет — они относят себя как к первым, так и ко вторым, поскольку оба этнонима для них значимы как маркеры двухуровневой этнической идентичности.

В период подготовки переписи 2010 г. председатель Государственного собрания — Эл Курултай РА И.И. Белеков неоднократно консультировался с администрацией Института этнологии и антропологии РАН по поводу возможности двойного учета КМН Республики Алтай. В результате было принято решение об обращении в Росстат с предложением учитывать КМН РА как по отдельности, так и совокупно: «По итогам консультаций с руководством Республики Алтай предложено в отношении алтайцев использовать принцип «группа — подгруппа», как это было сделано в отношении части дагестанских народов. В последние годы в этом регионе оформили свой статус коренные малочисленные народы, и были включены в утверждаемый правительством РФ список четыре группы: кумандинцы, тубалары, теленгиты, челканцы»¹³. Таким образом, употребление двойного этнонима алтаец — теленгит не является «неправильным» с точки зрения учета результатов переписи 2010 г.

По мнению известного сибиреведа Л.П. Попова, алтайцы консолидировались в единый

алтайский этнос лишь в годы советской власти¹⁴. В последние годы наметилась тенденция к новой «консолидации» алтайцев. Так, например, на состоявшемся 16.04.2011 г. очередном шестом курултае алтайцев главой алтайского народа, Эл башчы, был избран теленгит Урмат Князев, выходец из Кош-Агачского района¹⁵. На собрании делегатов из районов республики присутствовали как собственно алтайцы, так и кумандинцы, тубалары, теленгиты и челканцы.

Власти РА, предпринявшие после распада СССР адекватные меры по улучшению положения населения, очевидно, не предполагали, сколь далеко идущими окажутся последствия их решения. Дробление алтайского народа на КМН и «просто алтайцев», вероятно, не было целью этого решения. Поэтому, начиная с 2009 г., власти республики и алтайская этноэлита пытаются вновь «сконструировать» единый алтайский народ, являющийся «титულным этносом» РА.

Приведенные примеры подтверждают мнение Е. Филипповой о живучести как в научном, так и в политическом дискурсе традиции конструирования этнокультурной реальности, начатой в 1930-х гг.¹⁶. Анализируя национальную политику СССР на примере переписей 1926 и 1939 гг., она отмечает, что первая перепись «отражает стремление максимально полного учета этнических групп», а последующая «явно демонстрирует намерение конструировать реальность, сокращая число признанных «национальностей»¹⁷. В результате смены политического вектора «некоторые этнические группы были обречены на скорое исчезновение путем их объединения с другими, которые были выбраны в качестве центров этнической консолидации (именно консолидация была провозглашена доминирующей формой «этнических процессов» в социалистическом обществе)»¹⁸.

Яркими примерами конструирования этнокультурной реальности являются политические «игры» с переименованиями национально-территориального образования и проживающего в нем населения, называющего себя по месту жительства алтайцами.

С 1 по 6 июля 1917 г. состоялся алтайский инородческий съезд населения волостей Бийского и Кузнецкого уездов Томской губернии. Было создано алтайское местное самоуправление — Алтайская Горная Дума.

13 января 1918 г. явочным порядком из Бийского уезда выделился Каракорум-Алтайский уезд.

18 января 1919 г. Временное Российское правительство постановлением земельного отдела МВД объявило об образовании Каракорумского уезда в составе Алтайской губернии.

30 апреля 1920 г. Алтайский губревком выделил Каракорумский уезд в самостоятельный и переименовал в Горно-Алтайский уезд.

1 июня 1922 г. постановлением ВЦИК из части Алтайской губернии была выделена Ойратская АО с центром в с. Улала.

В мае 1925 г. был создан Сибирский край с центром в Ново-Николаевске, переименованном в Новосибирск. В состав края была включена Ойратская АО.

30 июля 1930 г. Сибирский край был разделен на Западно-Сибирский с центром в Новосибирске и Восточно-Сибирский с центром в г. Иркутске. Ойратская АО была включена в состав Западно-Сибирского края.

2 марта 1932 г. Ойратская АО была переименована в Ойротскую АО.

В 1937 г. Ойротская АО была включена в Алтайский край.

7 января 1948 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР Ойротская АО была преобразована в Горно-Алтайскую АО.

22 августа 1990 г. Верховному Совету РСФСР были адресованы предложения к заключению Федеративного Договора и повышению государственно-правового статуса Горно-Алтайской АО.

3 июля 1991 г. председатель Верховного Совета РСФСР Б.Н. Ельцин подписал Закон РСФСР № 1536-1 о преобразовании ГААО в Горно-Алтайскую ССР в составе РСФСР.

8 февраля 1992 г. ГАССР была переименована в Республику Горный Алтай.

7 мая 1992 г. Республика Горный Алтай была переименована в Республику Алтай.

Интерпретация вышеизложенных фактов позволила сделать следующие выводы:

1. Алтайцы сами себя на всем протяжении XIX–XXI вв. называли и продолжают называть алтайцами, по месту проживания. При внутриэтническом общении для них были и продолжают оставаться актуальными принадлежность к клану (сеоку, их около 80) и принадлежность к территориальной группе. Традиционная география алтайцев учитывала лишь четыре части Алтая: Аба-Лыш («Отец — Черневая тайга»), Ак-Чо-лышпа («Белый Челушман»), Эре-Чуй («Возвышенный / Высокогорный Чуй») и Ак-Алтай («Белый Алтай»). Жители этих мест, соответственно, именовались туба из Аба-Лыш, телес из Ак-Чо-лышпа, теленгит из Эре-Чуй и алтай из Ак-Алтай. Следовательно, эти четыре наименования дают нам указание на локально-территориальную идентичность алтайцев. Этот факт приведен и ученым-статистиком С.П. Швецовым, проводившим перепись населения 1897 г.: «Калмыки горного Алтая считают себя одним народом, который распадается на несколько племенных групп и шестнадцать административных: семь алтайских дючин образуют алтай, две Чуйских волости — теленгиты, четыре черневых волости — черневые татары и три северных волости, отчасти также черневых — кумандинцы и шорцы»¹⁹. В переписи 1926 г. были учтены:

алтайцы — 39062 человека, ойраты — 1538 человек, телеуты — 1898 человек, теленгиты — 3415 человек и черневые татары — 12 человек [http://demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_26.php]. Клановая и локальная идентичности — это базовые компоненты этнокультурной идентичности современных алтайцев.

2. Наименование национально-территориальной единицы Ойротия было использовано потому, что идея создания «государства Ойрот» была высказана областниками во главе с видным русским ученым Г.Н. Потаниным и алтайской интеллигенцией в лице художника и политического деятеля Г.И. Чороса-Гуркина в 1918 г. В протоколе Учредительного съезда Горно-Алтайского краевого съезда инородческих и крестьянских депутатов, состоявшегося 21 февраля (ст. ст.) 1918 года, сказано: «В силу права на самоопределение народностей, созданного великой русской революцией, съезд признал за благо объединить в самостоятельную республику земли, входящие некогда в состав Государства Ойрат, а именно: русский Алтай, земли Минусинских туземцев, Урянхай, Монгольский Алтай и Джунгарию» в составе Общероссийской федерации»²⁰. Говоря о «государстве Ойрот», Гуркин, этнический телеут из клана чорос, указывал свою этническую принадлежность как алтаец²¹. Ойротская АО была переименована в 1948 г. в Горно-Алтайскую АО с целью недопущения на ее территорию депортированных калмыков, расселенных в степном Алтайском крае. Это была превентивная мера, позволяющая пресечь возможность переселения калмыков к алтайцам, или ойратов к ойротам. Указ о переименовании был подписан 7 января 1948 года, а Указ «Об уголовной ответственности за побег из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны» — 26 ноября 1948 г.

3. В переписи 2002 г. было учтено 80 ойротов. Как мне кажется, появление этой «альтернативной» идентичности было реакцией на кризис. Ойротская идентичность для южных алтайцев и теленгитов — «спящая» идентичность. Она «просыпается» в период осложнения внутриэтнических отношений. Этнополитический кризис, возникший из-за отнесения теленгитов, тубаларов и челканцев к коренным малочисленным народам Сибири в 2000 г., проявился в период подготовки переписи населения 2002 года. Ключевой слоган той кампании звучал: «Запишись алтайцем — или мы потеряем свою Республику!» Выбор ойротской идентичности был связан, возможно, с несогласием с «залтайской» кампанией и отнесением теленгитов к КМН.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Постановление от 24 марта 2000 г. N 255 о едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации // <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=104463;fld=134;dst=4294967295;from=2663-0>

² Полевые материалы автора собраны в различных селах Республики Алтай, в том числе в Кош-Агачском и Улаганском районах в 2002–2011 годах. Архив автора.

³ Национальный состав населения. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Официальное издание. Т.2. Горно-Алтайск: Алтайстат, 2005. 112 С.

⁴ Соколовский С.В. Концептуализация этнического в российском конституционном праве // Расизм в языке социальных наук / под ред. В. Воронкова, О. Карпенко, А. Осипова. СПб.: Алетей, 2002. С. 94–117.

⁵ Соколовский С.В. Концептуализация этнического в российском конституционном праве // Расизм в языке социальных наук / под ред. В. Воронкова, О. Карпенко, А. Осипова. СПб.: Алетей, 2002. С. 98.

⁶ <http://base.garant.ru/178835>. Дата доступа 18.04.2011 г. Текст этого постановления: «Постановление Правительства РФ от 9 апреля 1992 г. N 239 «Об отнесении районов Республики Горный Алтай к местностям, приравненным к районам Крайнего Севера, и установлении коэффициентов» .

⁷ www.regnum.ru/news/1153686.html. Статья называется «В преддверии переписи населения в Республике Алтай вновь зазвучали требования объединения коренных народностей в один этнос». Дата доступа 22.04.2009 г.

⁸ <http://www.gorno-altaisk.info/news/4088>. Новостная статья называется «С начала года Улаганский райсуд признал теленгитами 60 человек». Дата доступа 21.09.2009 г.

⁹ <http://www.kurultai.altairepublic.ru/print.php?sid=1264>. Дата доступа 05.06.2009 г. Выступление главы МО «Улаганский район» Ю. Яргакова.

¹⁰ <http://www.kurultai.altairepublic.ru/print.php?sid=1264>. Дата доступа 05.06.2009 г. Выступление главы МО «Улаганский район» Ю. Яргакова. Выделено курсивом и подчеркиванием мной — С.Т.

¹¹ <http://www.kurultai.altairepublic.ru/print.php?sid=1264>. Дата доступа 05.06.2009 г. Выступление главы МО «Улаганский район» Ю. Яргакова. Выделено курсивом и подчеркиванием мной — С.Т.

¹² <http://www.indigenous.ru/modules.php?name=Content&pa=showpage&pid=1>. Дата доступа 18.04.2011 г. Раздел «О нашей организации».

¹³ Тишков В.А. Как и почему меняется национальный состав страны // www.rg.ru — Российская газета от 06.10.2010 г. Дата доступа 10.10.2010 г.

¹⁴ Потапов Л.П. К вопросу о национальной консолидации алтайцев // СЭ. 1952. №1. С. 75–84.

¹⁵ Полевые материалы автора. VI-й Курултай алтайцев состоялся в г.Горно-Алтайске 16.04.2011 г.

¹⁶ Филиппова Е. Найти себя. Конструирование идентичностей в постсоветской России // Диалоги об идентичности и мультикультурализме: материалы 11 Ежегодного семинара Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, 2–8 октября 2004 г. Ренн. М., 2005. С. 155–167.

¹⁷ Филиппова Е. Найти себя. Конструирование идентичностей в постсоветской России // Диалоги об идентичности и мультикультурализме: материалы 11 Ежегодного семинара Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, 2–8 октября 2004 г. Ренн. М., 2005. С. 156–157.

¹⁸ Филиппова Е. Найти себя. Конструирование идентичностей в постсоветской России // Диалоги об идентичности и мультикультурализме: материалы 11 Ежегодного семинара Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, 2–8 октября 2004 г. Ренн. М., 2005. С. 157.

¹⁹ Швецов С.П. Горный Алтай и его население. Т.1. Кочевники Бийского уезда. Вып.1. Репринт 1900 г. Горно-Алтайск, 2008. С. 146.

²⁰ Эдоков В.И. Г.И. Чорос-Гуркин (Судьба. Творчество) // Возвращение: сб. докладов и сообщений научно-практической конференции «Чорос-Гуркин и современность». 11–12 января 1991 г. Горно-Алтайск, 1993. С. 8–103.

²¹ Эдоков В.И. Г.И. Чорос-Гуркин (Судьба. Творчество) // Возвращение: сб. докладов и сообщений научно-практической конференции «Чорос-Гуркин и современность». 11–12 января 1991 г. Горно-Алтайск, 1993. С. 8–103.

Е.П. Мартынова*

ОЛЕНЕВОДЫ ЯМАЛА: СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО В УСЛОВИЯХ ИНТЕНСИВНОГО ПРОМЫШЛЕННОГО ОСВОЕНИЯ РЕГИОНА

Ямало-Ненецкий округ, наряду с огромными нефтегазовыми ресурсами, располагает не менее уникальными ценностями — оленеводческими хозяйствами своих коренных жителей, которые сохраняют традиционный для ненцев образ жизни и многие элементы своей самобытной культуры. В ходе реформ 1990-х годов в Ямало-Ненецком автономном округе, как и в других оленеводческих регионах России, образовались три группы оленеводов: оленеводы-работники муниципальных оленеводческих предприятий, оленеводы-общинники и оленеводы-частники. Каждая из этих групп соответствует определенной системе хозяйствования (муниципальные предприятия, общины, семья) и имеет специфический социальный статус. В советские времена все ненцы-оленеводы были работниками государственных социалистических предприятий, что определяло их социальный статус как рабочих с определенными правами, обязанностями и стереотипами поведения. В современных условиях, несмотря на общую для представителей этих групп «профессию», их социально-правовое и экономическое положение различается.

Основными источниками для написания работы послужили полевые материалы, собранные автором совместно с Н.И. Новиковой в ходе проведения этнологической экспертизы по изучению потенциального влияния промышленного освоения на жизнедеятельность коренных малочисленных народов Севера. Полевые исследования и сбор статистических данных осуществлялись в Ямальском и Тазовском районах ЯНАО в 2008–2009 гг. Статистические материалы были предоставлены администрациями Надымского, Тазовского, Ямальского районов и Департаментом по делам коренных малочисленных народов Севера ЯНАО.

Оленеводство было и остается основной отраслью традиционного хозяйства ненцев — коренных

жителей Ямала. В этнографическом дискурсе ненцы — тундровые кочевники, прекрасно ориентирующиеся на бескрайних арктических просторах, живущие в чумах, носящие одежду из оленьих шкур, сохраняющие многие самобытные ритуалы и верования. Такой образ ненцев довольно прочно вошел в сознание жителей ЯНАО. Ответ на вопрос «Кто такие настоящие ненцы?» в качестве основного определения «настоящих» предполагает ведение самобытного образа жизни, основанного, прежде всего, на занятии оленеводством.

Как отметила Е.Т. Пушкарева, оленеводческая тематика прослеживается в региональной идентичности жителей ЯНАО. Среди мер по ее формированию исследовательница отметила празднование Дней оленевода (проводится почти во всех районных центрах округа и во многих крупных поселках), оформление орнаментом «оленьи рога» помещений для проведения официальных мероприятий (конференц-залов и др.), использование оленеводческой тематики в печатной продукции округа, вручение подарков официальным лицам и почетным гостям в виде традиционной одежды оленеводов (Пушкарева. 2010. С. 249–250).

К этому нужно добавить, что ЯНАО лидирует в РФ по общей численности поголовья животных (с 1991 г.), числу личных оленей (с 1952 г.), числу оленей в сельскохозяйственных предприятиях (с 1995 г.), производству оленины (с 1992 г.). Немаловажно и то обстоятельство, что на фоне сокращения поголовья домашних оленей в других регионах только в ЯНАО отмечается рост оленеводства (Клоков, Хрущев, 2004. С. 52). В настоящее время в округе сосредоточено около половины всего поголовья домашних северных оленей России, в том числе, почти две трети личных. По данным на 01.01.2008 г., в округе насчитывалось 640 тыс. оленей, из них в сельхозпредприятиях — 244,9 тыс. голов, в хозяйствах населения — 395,1 тыс. голов.

* Мартынова Е.П. — зав. кафедрой истории России Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого

Таблица 1 — Численность кочевого населения ЯНАО (по хозяйственному учету)

Район проживания	на 1 января 2009 г.		на 1 января 2010 г.	
	чел.	хозяйств	чел.	хозяйств
Красноселькупский	69	24	216	129
Надымский	604	130	576	127
Приуральский	1773	417	1773	417
Пуровский	1036	230	988	222
Тазовский	5279	1114	5276	1175
Шурышкарский	72	22	69	21
Ямальский	5605	1019	5747	1031
Салехард	50	10	59	10
Всего	14488	2966	14704	3132

Особо следует упомянуть о том, что в ЯНАО проживает 60% кочевого населения страны (Клоков, Хрущев, 2004. С. 59). Уровень кочевания в округе — самый высокий в стране, он составляет 41,8%, а в Ямальском и Тазовском районах — 51,6 и 80,4% соответственно (Клоков, Хрущев, 2004. С. 59). Непосредственно за счет этой отрасли северной экономики в округе живут более 3000 семей, 14700 чел. Больше всего кочевого населения проживает в двух районах — Ямальском и Тазовском, которые лидируют не только по числу оленеводческих хозяйств, но и по добыче газа и нефти. Подробные сведения о распределении кочевого населения по районам округа приведены в таблице 1.

В организационном плане оленеводство как отрасль экономики представлена в округе тремя системами хозяйствования — предприятиями, общинами и личными (семейными) хозяйствами.

Оленеводческие предприятия

В настоящее время в ЯНАО имеется шестнадцать оленеводческих предприятий. Большинство из них возникли на основе совхозов, которые в 1990–2000 гг. были преобразованы в акционерные общества или муниципальные предприятия с сохранением организационной структуры оленеводческого хозяйства. В обыденной жизни они по-прежнему называются «совхозами», а оленеводы — «работниками совхозов». Оленеводческие предприятия пользуются поддержкой окружных органов власти, получают субсидии на содержание маточного поголовья северных оленей и на килограмм сданного мяса. Выпас оленьих стад на предприятиях ведется бригадами. Предприятие отводит им пастбища, передает строения, технические средства и инвентарь. Управление осуществляется директором и главным зоотехником, который закреплен за определенным стадом. Бригадами руководят бригадиры, решающие все вопросы, связанные с организацией труда и быта в условиях постоянных каландий (перекоче-

вок), а также кадровые вопросы. Нужно отметить, что до настоящего времени во многом сохраняется родственный принцип комплектования бригад. Семьи, работающие в их составе, поддерживают традиции разделения и организации труда, характерные для ненцев.

Предприятие доводит до каждой бригады план-задание, в котором определяются основные показатели: сдача мяса, валовый выход мяса на 100 январских оленей с учетом его качества, сохранность взрослого поголовья оленей, деловой выход телят на 100 январских маток, выход основного поголовья на конец года. Оплата труда производится за сданную продукцию и за обслуживание оленей. Зарплата оленеводов невелика, в среднем составляет 15–20 тыс. рублей в месяц. Важно то, что организация обеспечивает в счет зарплаты свои бригады товарами первой необходимости. Кроме того, разрешается забивать на питание определенное количество оленей из «совхозного» стада (их стоимость удерживается при получении зарплаты). Все предприятия округа имеют цеха по убою оленей и переработке мяса. Олени стада на предприятиях насчитывают 1000–2000 голов, а после отела увеличиваются до 2000–2700 голов. Кроме этого, в каждом стаде имеются личные олени, принадлежащие семьям пастухов и их родственников. Обычно в стадах содержится 800–1500 личных оленей, которые выпасаются в одном стаде с «общественными».

Оленеводческие предприятия в Ямало-Ненецком округе можно считать «этническими», поскольку они являются сферой занятости в основном для коренных малочисленных народов Севера. Пастухами и чум-работницами на многих из них работают только ненцы. Русские заняты на административно-управленческих должностях, а также в качестве специалистов: ветеринаров, зоотехников, бухгалтеров и др.

Количество пастухов в бригадах варьирует от 5 до 12 человек в зависимости от численности

поголовья оленей. Норма нагрузки на одного пастуха — 270 голов. Кроме пастухов, в бригаду входят чум-работницы. На работу в оленеводство принимаются молодые люди с 16 лет, первые 1–2 года они числятся помощниками пастухов, по мере приобретения опыта переводятся в пастухи. В оленеводческих бригадах нет нехватки кадров, существует другая проблема — избыток пастухов, а отсюда и перспектива сокращений рабочих мест в отрасли. Предприятия не могут наращивать поголовье оленей из-за недостатка пастбищ, следовательно, им не требуется увеличение количества работников. Оленеемкость пастбищ на Ямале уже давно достигла предела, поэтому рост поголовья не предусматривается в планах хозяйств.

На крупнейшем не только на Ямале, но и в России оленеводческом предприятии МОП «Ярса-линское» насчитывается 18 оленеводческих бригад, в которых работают 272 чел. Бригады условно подразделяются на «южные» (кочующие южнее р. Юрибей), «центральные» (в летний период выпасают оленей за р. Юрибей) и «северные» (кочуют летом дальше на север — за р. Се-яха к побережью Карского моря).

Совхозные аргиши представляют собой многочисленные караваны, состоящие из грузовых и легковых оленьих нарт. Они следуют в строго определенном порядке. Первый аргиш ведет бригадир, за ним следуют аргиши членов его семьи, затем, по порядку, остальных семей, входящих в бригаду. Личный аргиш состоит из 4–6 грузовых нарт, каждая из которых запряжена парой оленей, привязанных к идущей впереди нарте. «Возглавляет» аргиш легкая упряжка с кем-либо из членов семьи пастухов.

Жизнь оленеводов предполагает частые каслания (через 4–6 дней), что подразумевает упаковку вещей, сборку и разборку чумов, сгон оленей в кораль, отбор ездовых оленей. После каждой перекочевки нужно заново обустраивать «семейный очаг». Обычно чумы ставятся на привычные для каждой семьи места, образуя «родственно-семейный» поселок. Из года в год бригада повторяет один и тот же маршрут. Могут варьировать сроки перекочевок в зависимости от погодных условий и состояния пастбищ. Места стоянок обычно бывают одни и те же.

Летом оленеводы переправляются через крупные реки традиционным способом — так, как описывали исследователи начала XX в. (Житков, 1913. С. 267–268). Закольцованная веревка привязывается к передовому оленю, идущему в первой упряжке аргиша, и перебрасывается перевозчику (пастуху или помощнику), находящемуся в резиновой лодке. С помощью этой веревки перевозчик направляет передового оленя к противоположному берегу под углом против течения, которое разворачивает плывущих позади оленей и нарт под таким же углом.

Ситуация в «общественном» оленеводстве Ямала выглядит более или менее благополучной. За предприятиями закреплены пастбища, они получают компенсации от промышленных компаний за нарушение режима традиционного природопользования, плановые задания выполняются. Оленеводы-«совхозники» трудоустроены, им насчитывается трудовой стаж, они относительно регулярно (дважды в год) получают заработную плату и даже числятся в отпусках. Вместе с тем многие оленеводы высказывают недовольство низким уровнем заработной платы (она в разы ниже, чем на промышленных предприятиях, и существенно меньше, чем у работников бюджетной сферы), их беспокоит перспектива сокращения в отрасли, отсутствие жилья в поселках.

Личное оленеводство

Многие ненецкие семьи в свое время смогли уклониться от коллективизации и сохранить своих личных оленей на протяжении всего советского периода. В начале 1990-х гг. при реорганизации сельхозпредприятий сотни тысяч животных были переданы семьям оленеводов. В ходе реформ 1990-х годов происходил практически неконтролируемый рост личного поголовья за счет перераспределения (своеобразной «приватизации») совхозных стад. С 1980-х гг. в округе отмечается постоянный рост личного поголовья оленей: с 1980 по 2004 г. оно выросло в 3,2 раза (Клоков, Хрущев, 2004. С. 65). Причем этот рост практически локализован в двух районах — Ямальском и Тазовском, где, по данным за 2008 г., сосредоточено три четверти (74,6%) личного поголовья оленей ЯНАО.

В оленеводстве Ямальского и Тазовского районов округа ведущая роль принадлежит личному, или частному, оленеводству. Так, на 01.01.2008 г. на сельхозпредприятиях Ямальского района числилось 135 260 голов оленей, а в хозяйствах населения — 140 995 голов, в Тазовском районе — соответственно 31 333 и 153 661 голова. Эти данные показывают, что в Тазовском районе личных оленей в 4,9 раза больше, чем общественных. Кроме того, частные олени есть на каждом оленеводческом предприятии, в родовых общинах. Их выпасают вместе с «общественным» стадом.

Многие семьи ненцев имеют сотни частных оленей, нельзя исключать и того, что некоторые из них владеют тысячными стадами. Реальную численность поголовья ненцы обычно не называют, так как местные власти негативно относятся к росту частных стад, поскольку ограниченность кормовых ресурсов отражается на оленеводческих предприятиях. Кроме того, согласно традиционному мировоззрению ненцев, «оленей не считают».

Семьи оленеводов-личников сохраняют традицию семейного кочевания с досоветских времен. Отдельные кочевые семьи эпизодически объединяются с другими родственными (2–4 семьи, в

Таблица 2 — Поголовье оленей в общинных хозяйствах по трем районам ЯНАО на 01.01.2008

Ямальский район		Тазовский район		Надымский район	
Название общины	Поголовье оленей	Название общины	Поголовье оленей	Название общины	Поголовье оленей
СОХ Ямал	7545	Япта-Салинская	1210	Нядена	189
Едей Ил	5039	ООО Тазагропром	1599	ООО Хамба	1521
Харп	29793	Мессояхинская	1885	Ярцанги	75
ООО Валама	1600	Илебц	2040		
Ебцота	517	Ясовей	1317		
Няндук Ханавэй	3900	Ере-Явская	250		
ОКМНС Маретя	900	Хамовская	4339		
ОКМНС Тусяда	800	Ярейковская	1000		
Илебц	21010				
ИТОГО	71104		13640		1785

зависимости от поголовья оленей) для совместного выпаса крупных стад в летний период. Маршруты кочевания таких групп непротяженные. Обычно выпасают оленей в тундрах, окружающих ту сельскую администрацию, к которой приписаны оленеводы. (В паспортах этих оленеводов имеются соответствующие записи: Новопортовская тундра, Сеяхинская тундра и т.п.). Стада у частных варьируют по численности от нескольких сот до 1 тыс. голов. Оленеводы говорят, что при наличии 500 оленей можно жить только за счет оленеводства, стадо численностью тысяча голов позволяет достаточно хорошо обеспечивать семью. Комфортно в тундре чувствуют себя большие семьи при наличии большого стада.

Оленеводы-личники сталкиваются с серьезными проблемами. Одна из главных связана с тем, что поголовье оленей на территории Ямальского полуострова лимитировано наличием кормов и пастбищ. Поскольку существует избыток оленеводства, то остро стоит проблема выпасов для оленеводов-частников. Только оленеводческие предприятия имеют юридически признанные права на оленьи пастбища. Семьи личников — а им принадлежит в три раза больше оленей, чем предприятиям, — практически никаких официальных прав на пастбища не имеют, ведут выпас по сути нелегально. Действующий в ЯНАО закон «Об оленеводстве» направлен, в первую очередь, на поддержку больших оленеводческих предприятий. Принятое в 2000 г. губернатором округа постановление «О приведении поголовья оленей в соответствие с кормовой емкостью пастбищ в Ямало-Ненецком автономном округе» отражает возникший в связи с дефицитом пастбищ конфликт между руководством оленеводческих предприятий и семьями, владеющими частными оленями. Оно ввело ограничение на поголовье оленей только для семей оленеводов, но не для

предприятий. Помимо этого, состояние оленьих пастбищ усугубляется экологическими нарушениями, связанными с промышленным освоением региона.

Оленеводы-«частники» практически ведут полунатуральное хозяйство, денежные доходы имеют от сдачи оленины, пантов, продажи рыбы. Если мясо и панты сдаются на предприятия, фактории, магазины и пр., то продажа рыбы ведется нелегально. Семейным оленеводам трудно начать и развивать собственный бизнес, поскольку они круглый год кочуют со своими стадами вдали от поселков, им негде приобрести опыт, необходимый для организации собственного «дела». Существующие бюрократические формальности для них не только слишком сложны, но и непонятны. Невозможно создать и первоначальный капитал, найти регулярный сбыт для продукции.

Закупочные цены на оленину низкие — 120 — 145 руб. за 1 кг. Продавать оленину без дополнительной переработки невыгодно. Кроме того, семьи оленеводов находятся вдали от рынков сбыта. Возникает трудноразрешимая проблема: чтобы повысить доход от оленеводства, семьям необходимо перерабатывать продукцию, а для «частников» это сложно из-за отсутствия многих необходимых условий (капитала, рынка сбыта, соответствующей инфраструктуры и транспортных средств). Оленеводы-«личники» практически не защищены социально. Они не трудоустроены, следовательно, не получают заработной платы, им не идет трудовой стаж, что не позволяет рассчитывать на пенсионные выплаты, они не имеют возможности получать кредиты, дотации.

Общинное оленеводство

В конце 1990-х гг. в ЯНАО появились общинные хозяйства КМНС. Большая часть их была создана при поддержке местных властей. Олени имеются у девяти общин Ямальского района,

восьми Тазовского и трех Надымского. Сведения о численности и структуре поголовья оленей в общинах представлены в таблице 2.

Общинные стада не совершают таких дальних перекочевков, как бывшие совхозные. Они перемещаются в пределах одной природной зоны, не покидая границ своих районов. Амплитуда их кочевания исчисляется сотнями километров. Часто семьи общинников объединяют стада только на летний, «комариный», период, а в остальные сезоны выпасают оленей отдельными семьями.

Нужно отметить, что за последние годы общинное оленеводство обнаруживает устойчивую тенденцию к росту. Семьи оленеводов переходят в общины, т.к. через организацию проще и выгоднее сдавать оленину, панты. Кроме того, местные власти им помогают кредитами, а округ — дотациями на оленей и сланное мясо. Как и предприятия, общины имеют задания по оленепоголовью и производству мяса на убой. Общинникам начисляется заработная плата, считается трудовой стаж.

Оленеводство не является в нашей стране высокодоходной отраслью для всех трех форм организации хозяйствования. Доходы от него могли быть значительно выше, если бы имелось больше возможностей по переработке продукции. Сейчас основной доход предприятия, общины и «частники» получают от сдачи оленины. Выработка высококачественных мясных продуктов, а также изготовление изделий из оленьего рога, пантов, шкур, получение из крови оленей сырья для медицинских и косметических препаратов могли бы приносить дополнительный доход отрасли. Кроме того, транспортных оленей можно было бы задействовать в сфере туризма. Однако существующие в стране условия неблагоприятны для наращивания мощностей по переработке оленеводческой продукции. Для позитивных изменений в отрасли необходимо создание транспортной сети, проведение политики, стимулирующей развитие коммерческой и предпринимательской деятельности среди аборигенов.

Пока на Ямале успешно работает одно перерабатывающее предприятие — «Ямальские олени».

В его штате около 50 чел. (в период забойной осенней кампании штат доходит до 100 чел.), половина которых — представители КМНС. Предприятие имеет пять цехов: колбасный,пельменный, полуфабрикатов, обвалки и транспортный. Половину реализуемой продукции составляет оленина, половину — колбасные изделия, пельмени и т.п. Наращивание объемов и ассортимента переработки мяса — перспектива для дальнейшего развития «Ямальских оленей».

Несмотря на обострение проблемы обеспеченности кормовыми ресурсами в условиях интенсивного промышленного освоения, оленеводство продолжает развиваться. Рост проявляется, прежде всего, в увеличении поголовья оленей во всех категориях хозяйств. Важно учитывать, что олени нужны всем живущим на Ямале коренным жителям для собственного питания, изготовления зимней одежды, зимних покрывок для чумов, традиционного обмена подарками (особенно при заключении брака), для совершения религиозных обрядов, укрепления социальных связей. Обученные олени ценятся как зимний транспорт.

В результате сокращения на государственных предприятиях бывшие совхозные пастухи стали оленеводами-частниками. Они смогли выжить сами или с помощью родственников, с которыми объединили свои стада и создали семейные хозяйства. Особенно в незащищенном положении оказываются оленеводы-частники и общинники, так как пастбища закреплены за предприятиями, а с ними никто не согласовывает условия взаимоотношений с газовиками, не платит компенсации за упущенную выгоду и не восполняет потерь. Подавляющее большинство кочевников-оленеводов не имеет стационарного жилья, переселение в поселки невозможно, так как им негде будет жить и работать.

В условиях интенсивного промышленного освоения ЯНАО очевидна необходимость введения процесса взаимодействия с газовиками и нефтяниками в более организованные формы. Если права крупных предприятий еще как-то защищены, то ситуация с оленеводами-личниками и общинами часто становится конфликтной.

ЛИТЕРАТУРА

Житков Б.М. Полуостров Ямал. СПб., 1913.

Клоков К.Б., Хрушев С.А. Оленеводческое хозяйство коренных народов Севера России: информационно-аналитический обзор. Т. 1. СПб., 2004.

Пушкарева Е.Т. Культура народов Севера Ямало-Ненецкого автономного округа как один из маркеров

его региональной идентичности // Этнокультурное наследие народов Севера России: к юбилею доктора исторических наук, профессора З.П. Соколовой. М., 2010.

В.А. Тишков*

ПОЛИЭТНИЧНОЕ ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО: ПОНИМАНИЕ И УПРАВЛЕНИЕ КУЛЬТУРНЫМ РАЗНООБРАЗИЕМ

Понятие культурной сложности широко используется в современной общественно-политической практике. Эта категория меняла свое содержание, и сегодня само явление обозначается по-разному: культурное разнообразие, многонациональность, мультикультурализм, полиэтничность, мозаика культур и т.д. За этими обозначениями скрываются не просто разные научные взгляды и предпочтения политиков. На этом поле идут жесткие дебаты, распространены упрощенные лозунги-суждения, именно здесь действуют разного рода экстремисты и процветают группы ненависти. Только у последних в арсенале другие обозначения для феномена культурных различий: несовместимость культур, конфликт цивилизаций, генетический код, этнический баланс, культурные дистанции и т.д.

Для ученых, как и для политиков, эта тема далеко не нова, ибо с момента образования современных (национальных) государств существует коллизия между доктриной и политикой формирования наций на основе населения, которое находится под юрисдикцией суверенного государства, и существующими групповыми отличиями на основе культуры, религии, исторической и региональной специфики.

Культурной основой формирования политических (гражданских) наций чаще всего служат культура и язык доминирующего большинства, но это всегда условность, ибо любое государство и заключенное в его границах общество всегда имели сложный этнический состав. В России так было со времени Новгородской республики, которая представляла собой своего рода конфедерацию славянских, финно-угорских и скандинавских племенных групп. Основой централизованного российского государства могло стать одно из русских княжеств, и совсем не обязательно — Московское, но по ряду причин именно Москва стала центром большой страны, а московский ва-

риант русского языка стал основой литературной нормы. Похожее произошло при формировании французского государства и французской нации: «заслуживший мессы» Париж и вариант языка провинции Иль-де-Франс стали политической и культурной основой страны и ее нации. При формировании наций на переселенческой основе ядро составляли исторически более ранние и политически более сильные (обычно связанные с метрополией) группы населения (белые англофоны в Австралии и Канаде, англосаксы протестантского вероисповедания — в США и т.д.).

С самого начала существования национальных государств культурная, а тем более — социальная однородность наций была своего рода идеей и политической доктриной. Эта доктрина воплощалась в политику ассимиляции и культурной переплавки неоднородного населения в некий желаемый «национальный тип». Со времен Французской революции и до Второй мировой войны ассимиляционные и интеграционистские модели вместе с принципами гражданского равноправия доминировали в нациестроительстве. Но демократия и равноправие даже в зоне евроатлантической цивилизации распространялись далеко не на всех. Дискриминация и сегрегация так называемого цветного и аборигенного населения существовали длительное время в странах Западного полушария. В других регионах мира господствовал колониализм через систему так называемого косвенного управления. О признании культурного разнообразия и прав меньшинств, а тем более о нациях в колониальной периферии вообще не было речи. Права меньшинств как категория права и политики появились только в эпоху Первой мировой войны и Лиги Наций в целях государственного обустройства пространства распавшихся Австро-Венгерской и Османской империй.

* Тишков В.А. — академик РАН, директор Института этнологии и антропологии РАН

Во второй половине XX в., в условиях ликвидации мировой колониальной системы, образования десятков новых государств, массовых миграций, глобализации и демократизации, сложились новые доктрины самоопределения, нациестроительства, гражданства, индивидуальных и коллективных прав. Они включали целый набор национальных и международных механизмов по борьбе против расовой и других форм дискриминации, защите прав лиц, принадлежащих к этническим, расовым, религиозным и языковым меньшинствам. В науке и политической практике появились доктрины единства в многообразии, многокультурности, права на различия и идентичность и т.д. В СССР и зоне его влияния при разных политико-идеологических режимах реализовывалась схожая политика «расцвета и сближения социалистических наций», интернационализма и дружбы народов. В 1970-е годы она дополнилась концептом единого советского народа — общности, которая была реальностью как форма идентичности на основе общей истории, культуры и идеологической индоктринации жителей страны.

В конце 1970-х и в 1980-е годы в странах западной демократии утвердилась политика мультикультурализма в разных ее вариантах — от Канады и Австралии до Франции и Германии. Общим для всех вариантов было признание неоднородности современных гражданских наций, признание и поддержка культурных различий, включая не только так называемые исторические меньшинства, но и разные по культуре и религии группы иммигрантов, ставших во многих случаях гражданами стран нового пребывания. Все более популярной становится концепт коллективных прав и так называемой консосиальной демократии (демократии согласия), который отходил от формального личностного равноправия в пользу членов групп меньшинства с принижением положением из-за дискриминации и других прошлых и настоящих несправедливостей.

Эта политика дала позитивные результаты, но она заключала в себе риск ужесточения межгрупповых границ и возможность «дискриминации наоборот», то есть ущемления прав большинства и его ответной реакции в форме ксенофобии и шовинизма. О противоречивом характере мультикультурализма и необходимости его дополнения политикой формирования общегражданской идентичности мы писали по итогам международной конференции на тему мультикультурализма в Москве в 1999 году¹. Схожий анализ и оценки концепции мультикультурализма были сделаны западными учеными, в том числе философом и политологом турецкого происхождения Сейлой Бенхабиб. В своей переведенной на русский язык книге она писала о проблеме усиления влияния культурного фактора на политические процессы под воздействием массовой международной миграции и глобализации в целом. Опираясь на

рассмотрение существующих в разных странах форм взаимодействия традиций и норм, обычаев и права, С. Бенхабиб попыталась дать ответ, в какой мере и каким образом возможно совместить притязания культур на сохранение своей самобытности с основополагающими либеральными ценностями западной демократии — свободой и равенством граждан².

Что касается Российской Федерации, то и после распада СССР заложенный в Конституции 1993 года концепт «многонационального народа», принципы равенства представителей российских национальностей и поддержки их культур были в центре строительства нового демократического государства. Политика поддержки многонациональности (или полиэтничности) проводилась в России, несмотря на то, что периферийный этнический национализм поставил страну под угрозу нового раунда дезинтеграции. В 1990-е годы он проявился в «параде суверенитетов» российских автономий и вооруженном сепаратистском конфликте в Чечне.

В середине 1990-х годов в России и в мире была позитивно воспринята программа ЮНЕСКО «Культура мира», которую инициировал тогдашний гендиректор Федерико Майор. Эта же организация объявила 1995 год Годом толерантности, и в России на эту тему стали проходить конференции и школьные уроки, учреждаться вузовские кафедры, писаться научные труды и учебные пособия. В начале 2000-х годов Министерство образования и науки РФ исполняло Федеральную целевую программу «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе». В рамках программы исследовательскими группами из институтов РАН и РАО были подготовлены научные разработки, значимость которых сохраняется³. После закрытия этой программы аналогичные программы сохранялись в правительстве Москвы, а также в ряде российских регионов. В частности, по московским программам помимо проактивных мероприятий было издано несколько книг с практическими рекомендациями, в том числе и по актуальным проблемам молодежных субкультур и экстремизма в мегаполисах⁴. На уровне федеральных округов более или менее последовательную работу проводил Приволжский федеральный округ, включая независимый мониторинг этноконфессиональных отношений в 15 субъектах округа.

Все эти усилия не пропали даром. Они способствовали более эффективной государственной этнополитике и обеспечению гражданского согласия в округе. По крайней мере, многоэтничное Поволжье ушло от радикализма первой половины 1990-х годов и выбрало путь толерантной многокультурной политики, даже если она так и не называлась публично. О сохраняющихся проблемах речь пойдет ниже, но нужно уметь отдавать должное сделанному и не позволять

неофитам-политикам или каждой новой команде «эффективных менеджеров» начинать все с нуля.

Заслуживает позитивной оценки опыт работы Общественной палаты Российской Федерации, созданной в 2006 году, где в первом составе действовала Комиссия по вопросам толерантности и свободы совести (затем переименована в Комиссию по проблемам межнациональных отношений). Первое тематическое пленарное заседание Общественной палаты, 14 апреля 2006 года, было посвящено проблеме противодействия экстремизму и ксенофобии и утверждения гражданского согласия в российском обществе. Затем на эту же тему были проведены общественные слушания и еще одно из пленарных заседаний. Рекомендации пленарных заседаний и материалы слушаний⁵ используются общественными организациями страны, научными работниками и преподавателями.

В последние годы российскими учеными были выполнены многочисленные социологические, этнологические, психологические, культурологические и другие исследования по проблемам межэтнических отношений, миграции, толерантности и ксенофобии. К сожалению, уровень отечественного общественно-научного знания в данной области оставляет желать лучшего, ибо в своей массе трактовка проблем основывается на отсталых представлениях об этническом и национальном, на упрощенных взглядах на основы государственного строительства и государственной политики в полиэтничных обществах. Реанимированные из прошлых эпох биологизаторские и этнонационалистические подходы дополнились идеологией и практикой нового расизма, который основан на неприятии культурных различий⁶.

Эта тенденция свойственна и для части западного научного сообщества, не говоря уже о политиках крайне правого и ультранационалистического толка. Именно здесь начался неоконсервативный поворот, который избрал предметом своей критики прежде всего либеральную концепцию многокультурности и политику признания культурного разнообразия и культурной свободы. Это была своего рода реакция не только на поддержку либеральной экономической модели, но и на неспособность западных демократических обществ найти адекватный ответ на социально-культурные последствия массовой иммиграции в свои страны в период послевоенного развития. Особо острую реакцию принимающих обществ вызвала проблема трудной интеграции мигрантских групп мусульманского вероисповедания. Появилась когорта публицистов и политических активистов, которые стали не только проповедовать ультраправые, ксенофобские взгляды, но и пытаться возродить идеи насильственной ассимиляции или депортации «чужаков», а также формулировать новую форму расизма, который получил название культурного расизма. Своего рода похоронами мультикультурализма стали публичные заявления

известных национальных лидеров (А. Меркель, Н. Саркози, Д. Камерон).

К сожалению, в России труды представителей консервативной и расовой мысли типа американцев С. Хантингтона и П. Бьюкенена переводятся и издаются быстрее, чем работы действительно авторитетных авторов. Проповедники цивилизационных подходов с их химерами «архетипов», «ментальностей», «генофондов», культурной несовместимости и непреодолимых конфликтов оказали сильное воздействие на российскую общественную мысль и отрицательно повлияли на настроения и взгляды многих россиян. Совместный разговор ведущих экспертов по всем этим проблемам давно назрел. Ибо, несмотря на разочарование политикой мультикультурализма и толерантности, реальная политическая практика и большинство интеллектуальной элиты в странах либеральной демократии признают необратимость происшедших перемен под воздействием массовой иммиграции, включая выходцев из стран мусульманского культурного ареала. Речь идет о том, как улучшить управление в современных государствах, а не как переиграть прошлое или похоронить демократию.

О новом понимании культурного разнообразия

Тема «Демократические институты в многоэтнических обществах» затрагивает проблему мирового значения, ибо для современных государств и для мировой системы в целом всеохватный характер имеют не только проблемы ресурсов и экономики, безопасности и окружающей среды, но и проблемы культуры и самосознания (идентичности). Именно проблемы понимания и управления культурным разнообразием на уровне регионов, государств, местных сообществ и даже отдельной личности оказались сегодня одни из наиболее трудно решаемых. Получилось это оттого, что в них вовлечены не материальные ресурсы и их денежные аналоги, по которым почти всегда можно договариваться, но также ценностные и мировоззренческие вопросы. В случае конфликтных ситуаций эти вопросы не так легко поддаются разрешению на основе количественных расчетов, торга или обмена, а требуют более тонких гуманитарных технологий. Ценностные и мировоззренческие вопросы труднее поддаются и компромиссным решениям. По этой причине конфликты на основе культурных (этнических, расовых, религиозных, языковых) различий могут обретать исключительно жестокий характер, а посеянная ими ненависть изживается зачастую через поколения.

Рассматриваемая проблема имеет важнейшие проекции в политику на всех ее уровнях: на геополитическом и континентальном, на национальном государственном, на уровне регионов и мест внутри государств и на трансгосударственном уровне. Самое важное в политических функциях

этничности, культуры в ее широком смысле — это выработка адекватной каждому обществу и каждой конкретной ситуации формулы управления культурным разнообразием, выработка механизмов обеспечения гражданского согласия и предотвращения конфликтов. Другими словами, какова должна быть государственная политика и позиция общества в данной сфере, чтобы общество и страна не были вовлечены в межгрупповые распри, чтобы они не были поражены отравой ксенофобии и ненависти одних людей по отношению к другим по той причине, что они выглядят иначе, говорят на другом языке, молятся другому Богу? Казалось бы, простой вопрос, но сколько он заключает в себе непримиримых убеждений, трудно преодолимых узости мысли или жестокого расчета!

В центре нашего анализа проблема понимания и управления многоэтническими обществами в контексте современной политической ситуации, когда часто за кризисом понимания следуют преждевременные похороны политики мультикультурализма, а вместе с этим предпринимаются попытки дискредитировать толерантность — важнейшую духовную и моральную ценность, один из ключевых компонентов зрелой и эффективной государственной политики и общественных установок. Проблема толерантности и ксенофобии не является новой. Однако само человеческое бытие существенно и быстро меняется, вместе с ним меняются научные подходы и политические приоритеты. Заметим, традиционный взгляд понимает под культурной сложностью наличие в обществе составляющих его культурных единиц, самостоятельных и целостных в своей самости и обладающих схожими структурами-свойствами, но которые отличаются своим содержательным проявлением. Например, если следовать постулатам так называемой советской теории этноса или конструкциям российского историка Л.Н. Гумилева, то у всех этнических единиц (народов, этносов, национальностей) должны быть свои этногенез, этническая территория, расовый тип, язык, «национальный характер». Ожидаемой нормой является их отличительность, а не схожесть друг с другом. Многие исследования этнологов, социологов или этнопсихологов не только предполагают наличие таких субъектов, но и якобы выявляют «этнические коды», «культурные дистанции», «цивилизационную (не)совместимость» и прочие интригующие неопитов и политиков конструкции.

По мнению некоторых политологов, именно по причине этнического разнообразия и цивилизационных различий в России нет и общей нации. Отрицатели российской идентичности ссылаются также на то, что в России нет гражданского общества и демократических институтов, а значит, и нет гражданской нации⁷. Как и в некоторых других европейских странах, в нашей стране доктрине полиэтничности (многонациональности) и россий-

скому проекту нациестроительства противостоят как леволиберальный тезис о гражданских равенстве и свободах, так и правоконсервативный взгляд на преимущественное право большинства без особого внимания к малым группам и культурам («если хотят жить в России, тогда пусть все считают себя русскими»). Как можно демонтировать эти несостоятельные взгляды и как выстроить новое видение полиэтничных обществ, а вслед за этим обновить политику и систему управления?

Сначала нужно разобраться с пониманием этнического и национального. На протяжении долгого времени в российском общественном сознании описание этнических групп заключалось в том, чтобы установить сами по себе эти единицы (своего рода номенклатуру народов-этносов), найти и описать их структурные элементы, вычертить эволюционное древо и этническую карту по языковым семьям и даже по расовой типологии. Этот подход в изучении человеческого общества исходит из того, что как сам человек, так и исторические явления и культурная традиция имеют начальное место и этапы развития. Человеческие культуры проходят через явление культурогенеза во всем его разнообразии в зависимости от среды, социально-исторических факторов и коллективных человеческих стратегий. Относительно этнических сообществ начало восходящей эволюционной линии закладывается этногенезом, который предполагает рождение этноса (у Л.Н. Гумилева — от некоего внешнего толчка). Уже после «рождения» складывается своего рода этническая картина мира и этническая иерархия (этносы, суперэтносы и т.п.), а среди этносов происходят этнические процессы.

В постсоветское время в России ко всем этим построениям добавились межгрупповые границы, связанные с миграцией и переселенцами из стран бывшего СССР. Так появились «коренные» и «понаехавшие», «черные» и «азиаты», «лица кавказской национальности» и т.п. Все это расиализированные категории, то есть им придается не только культурно-этнический, но и расовый смысл.

Рассмотрим основные сферы существования культурного разнообразия в современных государствах, в том числе в Российской Федерации, а также какие проблемы возникают в этой связи у современных государств и как они их решают с разной долей успеха.

Этнические и национальные сообщества

Итак, неотъемлемой чертой современных человеческих сообществ и даже условием их развития является феномен культурной сложности. Эта сложность постоянно воспроизводится под воздействием разных факторов, вызывая проблемы межкультурных коммуникаций, межэтнических отношений, этнических конфликтов. И все же культурная гомогенность означала бы социальную энтропию, то есть культурную смерть человечества. Именно поэтому мы изучаем разные культуры,

культурные различия и взаимодействия не для того, чтобы уничтожить, а для того, чтобы сохранить культурное разнообразие.

Тогда в чем же уязвимость традиционных подходов в данном вопросе? В том, что мы склонны рассматривать культурные системы как своего рода коллективные тела или как карту-атлас, которая при всей ее наполненности и украшенности этнографическими типажамми есть только условное и статичное отражение неповторимого богатства рельефа. Внешне, казалось бы, приближенный к реальности примордиалистский подход, построенный на обращении к норме (часто эту норму называют традицией) и на «реальности этноса», не улавливает и не отражает явление культурной мозаики. Он не объясняет конкретные ситуации, пренебрегая полевым материалом и жизненными примерами⁸.

Взгляд на культуру как на архетип, а на этническую идентичность — как на биосоциальный организм отрицает движение и развитие культурных форм, игнорирует роль проектной деятельности людей, политических предписаний и управленческих процедур. Например, содержание слов «русский» и «татарин» так менялось в разные эпохи, что все историко-демографические таблицы и карты мало что могут дать, если не учтен сам фактор смысловых перемен. Античная и средневековая мозаика названий племен и народов, почти полная смена их номенклатуры в новое и новейшее время, перемещение названий (этнонимов) в пространстве далеко не всегда обозначают «вымирание этносов» или «великое переселение народов». На самом же деле путешествуют ментальные карты, воображение и наблюдения путешественников, а сама этнографическая реальность может оставаться той же самой.

И наоборот: заключенный в понятие культурной единицы материал частично или радикально меняется, а понятие продолжает существовать. В дореволюционной России русским считались все три восточнославянских народа и даже все принявшие православие. Суть понятия «русский» существенно изменилась, когда в инструкции переписчикам по рекомендации этнографов была вписана подсказка (в переписи населения 1926 года): «Если назовет себя русским, тогда уточните, кто он (она) — великоросс, малоросс или белорус». Отныне только первых стали записывать русскими, а русские малороссы стали украинцами, русские белорусы стали просто белорусами.

Культурный поток можно организовать по-разному и даже повернуть вспять, если для этого есть достаточные аргументы и ресурсы. Так, до эпохи социалистического нацистроительства в России татарами называли все тюркские народы, включая азербайджанцев. Затем казанские татары (казанлы) забрали в свою исключительную собственность самоназвание татары, хотя в стране сохранялись сильно от них отличающиеся

сибирские татары и крымские татары, не говоря уже о кряшенах. С 1980-х годов среди части татар возникло движение с целью перейти к новому-старому самоназванию «булгары». До сих пор пока удалось только переименовать теплоход «Украина» в «Булгарию» (с трагическим исходом), но не саму нацию татар. В конце 1980-х и начале 1990-х годов в России были сторонники восстановления старой категории «великоросс», но этническое понимание русскости не уступило свои позиции. Зато произошло много других акций-новаций и ретроакций (сахы вместо якутов, саамы вместо лопарей и т.д.). Возникло много новых или возрожденных групповых идентичностей. В России количество национальностей выросло за двадцать лет с 128 (1989 г.) до 182 (2002 г.) и в переписи населения 2010 года еще добавилось около десятка. Почти удвоился список коренных малочисленных народов, имеющих некоторые групповые права.

Мы не знаем, в какую сторону движется мир с точки зрения эволюции культурных форм и систем: в сторону унификации или в сторону воспроизводства и усложнения разнообразия, но мы знаем точно, что сама эта сложность стала другой. Появились новые тенденции и каналы культурного усложнения, новые технические и информационные ресурсы разрушения культурной нормы или монокультуры без обязательной маргинализации ее носителей, появились феномен и концепты культурной гибридности или меланжа. Процесс этот имеет глобальный и, скорее всего, необратимый характер. Те страны и регионы, которые найдут адекватные политические ответы, — выиграют, те, кто будет пятиться назад, — проиграют.

А если это так, тогда по-другому нужно смотреть и на социально-культурную природу современных наций — самых всеохватных и мощных социальных группировок людей. Речь идет о сообществах, заключенных в рамках государств, которые обычно называют народами или нациями (китайцы, индийцы, россияне, бразильцы, канадцы и т.д.). Попытки разделить страны на «национальные государства» и «многонациональные» только затуманивают проблему, ибо в международном праве и в серьезной академической науке такие категории просто не существуют. Именно сообщества по государству (многоэтничные согражданства), а не этнические группы и религиозные общины являются в современную эпоху основными производителями культурного капитала. Именно они поддерживают, сохраняют и защищают от внутренних и внешних угроз этнокультурное разнообразие внутри страны и даже за ее пределами, когда речь идет о так называемых соотечественниках или о «разделенных народах».

Что собою представляют современные нации? В отечественном обществознании по этому вопросу существуют методологическая путаница и политизированные дискуссии. В России, в отличие от большинства стран, долгое время существовало

и сохраняется понимание нации исключительно в этническом смысле. Предложенное пятнадцать лет назад понимание и употребление этой категории в двойном (гражданско-политическом и этнокультурном) и не взаимно исключающем смысле⁹ только в самые последние годы стало в России признанным. Наиболее определенно в пользу российской гражданской нации выступили Президент Российской Федерации Д.А. Медведев, а до него президент В.В. Путин. В 2007 году был создан Общероссийский союз общественных объединений «Российская нация», а с 2008 года издается журнал «Вестник российской нации», в котором публикуются научные и практические материалы из отечественного и мирового опыта гражданского нациестроительства. И все же это признание имеет зачастую вымученную форму, граничащую с интеллектуальной шизофренией. Идеологическая труха и конфликтогенные рецепты (например, учредить экстерриториальные «национальные советы» для всех этнонаций, включая русскую, вместо действующей по Конституции федерации с этнотерриториальным компонентом¹⁰) предлагаются с завидной настойчивостью, особенно в теледебатах и в Интернете.

В России как бы все стороны «национального бытия» и национального дискурса существуют: от экономики и здоровья/нездоровья нации вплоть до национальных проектов и национальных спортивных команд, а самой нации как бы нет, и выговорить ее название многим довольно трудно. Одна из причин столь трудного признания кроется в неверном понимании и восприятии гражданских наций, как их понимали еще якобинцы или американские отцы-основатели. По их мнению, идеальная нация должна состоять из свободных и равноправных граждан, говорящих на одном языке, солидарных и лояльных по отношению к создаваемому ими государству. Но якобинский идеал никогда не был реализован даже в самой Франции, а американская национальная идея претерпела метаморфозы, мало увязанные с расовыми и этническими реалиями. Как видим, трудное признание современных концептов «что есть нация?» наблюдается и в других странах.

Например, в Канаде рождавшийся в 1970–1980-е годы концепт «первых наций» (first nations) применительно к аборигенным народам зазвучал на весь мир только во время зимних Олимпийских игр в Ванкувере, когда «вожди первых наций» участвовали в торжественных церемониях открытия и закрытия Олимпиады вплоть до права участвовать в зажжении олимпийского огня. Тридцать лет назад премьер-министр П. Трюдо и многие канадские интеллектуалы настороженно отнеслись к переименованию «Братства индейцев Канады» в «Ассамблею первых наций». Трюдо тогда с трудом убеждал соотечественников, прежде всего квебекских франкофонов, что «мы все — одна

нация канадцев». Прошло три десятилетия интеллектуальных и политических усилий канадской элиты, и при закрытии Олимпиады в Ванкувере председатель местного оргкомитета сказал: «Эти игры еще больше укрепили единство канадской нации!» Есть надежда, что подобные слова будут сказаны и по итогам Олимпийских игр в Сочи.

А вот пример годичной давности. Во время мирового чемпионата по футболу в ЮАР, в его начальной стадии, в СМИ среди не футбольных новостей прошло сообщение о массовой демонстрации в Барселоне против решения Верховного суда в Мадриде признать неконституционным обозначение в Конституции (Статуте) провинции населения Каталонии как «каталонской нации». Это право было признано только за всем испанским народом, который включает не только катильцев, но и басков, галисийцев, каталонцев и других граждан страны. Каталонские националисты, с которыми я встречался за месяц до этого в Барселоне, ждали решения суда почти два года, и оно оказалось не в их пользу. Мадрид признает только языковое разнообразие (резкое отличие от Франции, где французский язык есть один и для всех!), но отрицает этническое деление испанской нации на еще какие-то нации (здесь как во Франции!).

Однако важное отличие Испании от России в том, что каталонцы не считают себя этнической общностью, а считают себя самоуправляемым регионом-нацией. Каталонцы — это все жители Каталонии, а не только те, кто имеет каталонское происхождение и говорит на каталанском языке. Ситуацию острого конфликта успешно разрешил финал чемпионата в ЮАР. Вся Испания праздновала победу в финале национальной (!) сборной команды, в составе которой было много футболистов из Барселоны и даже был игрок из Страны Басков. Так что во многих странах ведутся споры по поводу того, кого называть нацией, но самый распространенный случай — это отказ со стороны государства в лице центральной власти признавать этнические или региональные сообщества в качестве наций. В Китае, например, все официально признанные 55 национальностей, включая ханьцев и национальные меньшинства, не считаются нациями, а нацией (джонхуа миндзу) считаются все китайцы — граждане страны. Подобные запреты, однако, не мешают использовать самоназвание нации уйгурским, бенгальским, гавайским, квебекским, шотландским и другим этническим активистам и политикам. Поэтому случай отрицания и даже судебного запрета не является универсальным, а для России он не подходит вообще, ибо в нашей стране в ментальном и языковом смысле этнические общности (народы или национальности) давно «национализированы». Узурпировать эту самокатегоризацию исключительно в пользу общероссийского употребления бессмысленно.

Однако вернемся к Франции. Начиная с якобинских гонений против меньшинств и региональных языков, французы как более или менее общая, хотя и рыхлая, идентичность появились только спустя сто лет после Французской революции. Французская нация существовала и продолжает существовать прежде всего как доктрина, как правовая норма и как коллективная договоренность. Считается, что никаких этносов во Франции нет и все граждане есть один народ — французы при большом историко-культурном разнообразии территорий и мест, которые порождают свои собственные идентичности. Именно эту истину пытался разъяснить генсек Французской компартии Жорж Марше генсеку КПСС Л.И. Брежневу в своей жалобе на Институт этнографии АН СССР, выпустивший в начале 1980-х годов этнодемографический справочник о странах мира. В нем, помимо французского народа-этноса, были указаны корсиканцы, бретонцы и эльзасцы как самостоятельные народы-этносы, а также «переходные группы» в лице мигрантов из разных стран и разных поколений.

Тогда мне как новичку этнографического цеха казалось, что был прав автор справочника С.И. Брук. Сейчас мне кажется, что прав был Ж. Марше. Иначе, по Бруку, получалось, что корсиканец Бонапарт не был французом, а уж нынешний лидер нации Саркози тем более не принадлежит к ней! Если следовать Бруку, то мы отлучим от принадлежности к нациям еще целую когорту национальных лидеров: шотландца Гордона Брауна, индейцев Чавеса и Моралеса, афроамериканца Барака Обаму (по старой отечественной категоризации негры США — это этнорасовая общность, не входящая в собственно американский этнос-нацию)¹¹.

Но тогда что есть французы как нация? Это историческая, культурная и социально-политическая общность в рамках государственного образования, обладающая культурной сложностью, которая сжималась в годы политической централизации и общегражданских потрясений и обретала актуализированное старое и вновь обретенное разнообразие в эпоху демократизации, деколонизации и массовых миграций. Во Франции актуализированное старое — это совсем не обязательно партикулярно-этническое (корсиканское или бретонское), хотя есть и это. Франция продолжает делиться по культурно-территориальному принципу, по местоположению или по малой родине (французский «герруар» на месте этничности)¹². Это разнообразие, или культурная гетерогенность, французов в свое время сводило с ума Шарля де Голля, который в сердцах сказал: «Что это за нация, если в ней 450 сортов сыра!»

С того времени ситуация еще больше усложнилась. Сегодня 65-миллионную французскую нацию составляют не только «собственно французы», то есть граждане, имеющие давнее французское

происхождение, но и 13 млн граждан иного происхождения: 5 млн имеют европейские корни (итальянские, испанские, португальские, польские, русские и другие), 5 млн — это представители берберо-арабских народов, точнее, выходцы из этих групп, 0,5 млн — турки, 0,5 млн — североафриканские евреи, более 700 тысяч — французы-выходцы из французских колоний. Усложнилась религиозная ситуация во Франции: из 70% французов-католиков только 10% ходят в церковь и еще есть 22% агностиков и атеистов, и все это на фоне растущей численности активно верующих мусульман (5–10% населения).

О США как о примере в российской аудитории говорить сложно, поскольку почти всегда следуют укоры по поводу якобы «подбрасываемых» либералами-западниками американских рецептов, негодных для уникальной России. Однако отметим, что и в США образ нации как интегрированного сплава был прежде всего актом речи и политической программой. Это представление воплотилось первоначально в доктрине плавильного тигля, хотя Америка никогда не была монокультурной, и тем более она никогда не была граждански солидарной. В ней всегда было множество этнических и расовых групп и всегда было многоязычие, не говоря уже о прошлой и сохраняющейся дискриминации аборигенных жителей, афроамериканцев и иммигрантов. Но тогда в чем заключается растущая сложность американской нации, если не получились как переплавка, так и блюдо из разных ингредиентов (концепция салатной чаши также подвергается сегодня сомнению противниками мультикультурализма)?

Отвечаем на вопрос так: формула единство в многообразии (*E pluribus unum*), начертанная на американском гербе и монетах, в этой стране состоялась. Она уже давно составляет основу и условие существования американской нации. Культурная сложность американцев не уменьшается, а увеличивается (последнее полезное приобретение по этой части — переезд в США из Краснодарского края около 10 тысяч турок-месхетинцев). При этом массовая иммиграция происходит на фоне растущего американского национализма в экспансионистской (точнее — в мессионистской) форме и усиления религиозного фундаментализма среди американцев-христиан. Усложнение американской нации проявляется в сохраняющейся приверженности иммиграции и возрастании доли населения иностранного происхождения. Такое впечатление, что американцы достигли такой степени этнической, религиозной и языковой мозаичности, что для них утратили смысл какие-либо политические разговоры и научные штудии по поводу «культурного ядра» (*core culture*), которое якобы составляет основу американской нации. Разговоры про WASP (белых англосаксов-протестантов) и про 100-процентных американцев прекратились еще два-три десятилетия

назад. Но сейчас нет разговоров и о каком-либо референтном (доминирующем) компоненте нации, а тем более — о ее государствообразующей части. Сегодняшние американцы — это нация меньшинств, нация культурной гибридности, или, как сказала Хиллари Клинтон во время прошлой президентской избирательной кампании, «мы — нация наций» (we are a nation of nations). Все это дополняется еще одним процессом усложнения, а именно — признанием множественной расовой принадлежности в дополнение к признанию множественной этнической идентичности (начиная с переписи населения 1980 года).

Разберем еще один европейский пример, который ближе к российскому опыту и может быть понятнее отечественной аудитории. Напомним этнический и религиозный состав населения Великобритании и динамику ее национально-го развития как полиэтнического общества. Из 62,3 млн жителей страны собственно англичане составляют 83,6% (примерно как русские в России), шотландцы — 8,6%, уэльсцы — 4,9%, североирландцы — 2,9%. Остальные — это африканцы (2%), индусы (2%), пакистанцы (1,3%) и лица смешанного происхождения. О русских и о бывших советских достоверной статистики нет, хотя численность россиян и русскоязычных жителей возрастает быстрее других категорий (по некоторым данным, только студентов британских университетов и колледжей около 100 тысяч). Христиане разных исповеданий составляют 72% и мусульмане — 3%. Где здесь этнос и где здесь нация? И как называется эта нация? Или нации в Соединенном Королевстве Англии, Шотландии и Северной Ирландии не существует? Эта нация называется британской, а смена английскости на британскость произошла в результате общественных дебатов и деятельности в 1980-е годы специально назначенной Королевской комиссии по вопросу о национальной идентичности. Эту смену в обозначении национальной идентичности ни в коей мере не поколебали последние беспорядки в британских городах.

Современная сложность Великобритании как нации проявляется в нескольких измерениях. Огромное этническое и религиозное разнообразие современного городского населения и рост так называемых региональных языков — явление крайне примечательное: шотландским владеют около 30% населения Шотландии, шотландским гэльским — около 60 тысяч в Шотландии, уэльским — около 20% в Уэльсе, ирландским — около 10% в Ольстере, корнуэльским владеют около 3 тысяч человек. Вот такая сегодняшняя Англия с якобы моноязычной английской нацией! Интересно заметить: просвещенный публицист Л. Радзиховский однажды во время моего выступления в редакции «Известий» обронил реплику: «В Англии говорят на английском языке, и нация поэтому называется английской. В России говорят на русском,

и нация должна называться русской». Казалось бы, чего проще. Однако в Великобритании этот вариант не проходит, как он не проходит и в России. В нашей стране единственно возможная формула: российский народ — это нация наций.

Языковое разнообразие и языковая политика

С языковым разнообразием в современных государствах схожая ситуация, ибо язык по-прежнему достаточно жестко связывается с этничностью, особенно в отечественной научной и общественно-политической традиции.

Без единого языка не могут существовать современные армии, и государственные бюрократии предпочитают общаться на одном официальном языке. Более гибко к языковой практике подходят религиозные институты в своей пастырской и миссионерской деятельности. Не случайно одними из пионеров составления этноязыковых атласов в виде известного «Этнологга» были религиозные институты или поддерживаемые христианскими церквями организации типа «Летнего лингвистического института», собирающего данные о языках для переводов Библии и для миссионерской деятельности.

Традиционный взгляд на ситуацию с языками сводится к тому, что в современном мире новых языков не появляется и под воздействием глобализации исчезновение языков идет быстрыми темпами. Некоторые специалисты говорят, что к концу XXI века в мире может остаться всего 400–500 языков вместо 4–5 тысяч, которые были зафиксированы в XX веке. По поводу проблемы «вымирания языков» и составления «красных книг» исчезающих языков существуют многочисленные спекуляции и громкие политические заявления. На уровне ЮНЕСКО и Совета Европы приняты декларации и хартии по вопросам сохранения и защиты языкового разнообразия. Наиболее известный международный документ в этой сфере — принятая Кабинетом министров СЕ в 1992 г. в качестве конвенции Европейская хартия региональных языков или языков национальных меньшинств. Российская Федерация в 2001 г. присоединилась к Хартии, но пока не ратифицировала ее.

Казалось бы, из-за глобализации мир все больше становится моноязычным. Такие доминирующие языки, как английский, все больше овладевают мировым языковым пространством. Для этой озабоченности есть определенные причины. Однако мировая языковая ситуация и положение с языками в разных странах имеют более сложный характер. Эта сложность заключается в следующих процессах. Первое — это размывание и перемешивание языковых ареалов настолько, что сегодня уже никто не рискнет составлять языковые атласы, как это делалось в XIX веке или как это еще можно было сделать с этничностью и религией в XX веке. Второе — это повсеместное усложнение

языкового репертуара современного человека и распространение многоязычия среди населения многих стран. Наконец, существует тенденция к ревитализации языков, то есть языки возвращаются в жизнь после десятилетий умирания и (или) забвения. Бретонский язык во Франции, гэльский и корнуэльский в Великобритании, гавайский в США — одни из примеров.

Отталкиваясь прежде всего от опыта собственной страны, мы не разделяем взгляды сторонников концепта «вымирания языков». В России в XX веке не исчез ни один язык, кроме сиренинского диалекта эскимосского языка (из-за ликвидации в 1960-е годы поселка Сиреники на Чукотке). Несмотря на драматические прогнозы некоторых ученых и политиков, языковое разнообразие будет сохраняться при усложнении языковых ситуаций среди современных наций и при расширении языкового репертуара отдельных людей. В свою очередь, государственная языковая политика будет развиваться в сторону признания и поддержки многоязычия, в том числе официального, на уровне государства и его отдельных регионов, а также будут усложняться сферы языкового обслуживания. Бюрократия и службы все больше будут говорить на языке налогоплательщиков, а не наоборот. Многоязычие как личностная установка и как политика наряду с официальным одно- или двуязычием будет все больше нормой языковой коммуникации граждан в рамках национальных сообществ. Через это, кстати, смогут улучшить свое положение многочисленные русскоговорящие жители Украины, Молдавии, Латвии, Казахстана, Кыргызстана, Эстонии и других стран.

Из этих оценок следует несколько вопросов для науки и для политики. Во-первых, как долго в общественной практике, включая российские переписи населения, будет сохраняться изживающее себя единичное понимание «родного языка» и вообще, что означает данная категория-демиург? Это «основной язык знания и общения» (как по Ожегову), или это «первый выученный в детстве язык (так называемый «материнский язык)», или же что-то другое, например, язык своей национальности независимо от владения и использования? Федеральный закон 2001 г. о всероссийских переписях населения обязывает в числе прочего собрать данные о «родном языке», но что это такое и как это сделать, из проведенных в 2002 и 2010 годах переписей так и не стало ясно.

Мы приветствуем подход Европейской языковой хартии, ибо она ставит своей целью защиту именно языков, а не стоящих за ними в обязательном порядке групповых носителей, определяемых обычно по названию языка как самостоятельные народы или нации. Хартия не использует понятие родного языка и не привязывает жестко язык к этнической принадлежности. Например, если вы бурят, то ваш родной язык должен быть

обязательно бурятский, если вы татарин, то ваш родной язык татарский, и никакие другие вместо этих или наряду с ними языки родными быть не могут! В реальности ситуация отличается от идеальной: десятки, если не сотни миллионов людей совершают переход с одного языка на другой или овладевают и пользуются в равной степени несколькими языками. Такая ситуация широко распространена в европейских странах, но и в России она не является исключением по причине широкого распространения смешанных браков, совместных поселений и высокого уровня образования среди населения. Было бы полезно на уровне европейских институтов и структур ООН достичь некоторого консенсуса по вопросу о родном языке.

Второй вопрос — насколько современное государство и его население ответственны за неизменность языковой карты своей страны и за языковое пространство обучения, культуры и информации? Вообще, чей это вопрос и кто его мониторит, в том числе и на межгосударственном уровне? Нет сомнения, что сами носители и пользователи языка сохраняют и защищают свои языковые системы коммуникации, но в этом вопросе есть некоторые новые диспозиции. Общественные активисты, ученые-лингвисты и этнографы, некоторые международные структуры с предписанной миссией сохранения нематериального культурного разнообразия озабочены тем, чтобы население продолжало говорить так, как оно говорило сто или двести лет назад, и чтобы это разнообразие сохранялось, как разнообразие видов в живой природе. Недаром появился феномен «красной книги» языков по примеру аналогичной книги по вымирающим природным видам. Есть и те, кто проводит политику языкового национализма, полагая, что суверенное государство вправе требовать от всех граждан обязательного изучения и владения языком, который объявлен государственным или официальным. При этом никакого компромисса по части официального двуязычия или многоязычия не делается. Это приводит к косвенному насилию и к открытой дискриминации, причем в ряде государств бывшего СССР эта языковая дискриминация имеет массовый характер.

В-третьих, существует проблема нивелировки языкового разнообразия в условиях глобализации, включая современные экономики и информационные системы и поведение людей. Но существует также проблема языкового романтизма и языкового национализма, когда вопрос о языке становится средством ограничения прав человека и даже гражданских прав, механизмом политического давления и манипулирования, элементом геополитических соперничеств, включая давление на те или иные страны и общества. Реальная языковая жизнь и частные стратегии людей в какой-то степени оказались заложниками романтических и

политизированных взглядов на то, что есть язык и какова должна быть политика по отношению к языковому вопросу. В конце XX века языковыми утопиями и политизированными рекомендациями грешили постсоветские государства, а также международные организации, включая ЮНЕСКО и ОБСЕ.

В настоящее время в европейских странах (Великобритании, Германии) действуют частные фонды с программами по вымирающим языкам или по языкам, находящимся под угрозой исчезновения. Есть проекты и поддерживаются научные исследования, которыми занимаются также и российские ученые. Однако в какой мере эта озабоченность и даже политическая миссия отвечает своеобразию каждой страны, ее регионов, а самое главное — интересам и стратегиям самих людей? Если мы признаем принцип культурной свободы, то должно быть признано и право на языковой переход (или ассимиляцию), а не только на сохранение языка, на котором говорит часть представителей той или иной группы населения (этнической, региональной или мигрантского происхождения). В этой ситуации языки мировых культурных систем (*top world languages*), к которым относятся как русский язык, так и английский, испанский и французский языки, всегда будут в предпочтительном положении даже при формальном равноправии всех языков. Объяснение здесь простое: владение и использование этих языков предоставляет больше возможностей для жизненного преуспевания, чем так называемые миноритарные языки. Поэтому требование «языковых паритетов» на межгосударственном уровне (типичная позиция: «у нас столько-то русских школ, и у вас должно быть столько же украинских!») не всегда имеет справедливый и реалистичный характер, если учитывать прежде всего запросы и интересы самих людей.

В этом вопросе есть свои «двойные стандарты», которые необязательно устанавливаются политиками. Например, переход российского эмигранта чувашского или чеченского происхождения на английский или немецкий язык в стране эмиграции (США, Великобритания и Германия или Австрия) считается приемлемой нормой интеграции, а сходный процесс перехода на русский язык в России представителями нерусских национальностей может трактоваться языковыми националистами и внешними мониторами как языковой геноцид или как политика насильственной ассимиляции.

Для Европы, включая страны Балтии и Восточной Европы, а также для России и других стран СНГ вопрос сохранения языкового разнообразия имеет особое значение, включая его политические проекции. В странах Западной Европы значительная часть населения уже обладает знанием двух и более языков, но вопрос языковой политики в регионе ЕС далеко не решен. Об этом свидетельствует затянувшийся процесс ратификации

Европейской хартии региональных языков или языков национальных меньшинств.

По этому вопросу у России формируется своя позиция. Подписав Хартию в мае 2001 года, Россия рассматривает возможность присоединения к этому документу путем ратификации. Россия не единственное государство, отложившее ратификацию. Например, подписав Хартию в 1999 году, до настоящего времени ее не ратифицировали Франция и Исландия. Как и во многих европейских странах и даже более чем где бы то ни было, в России имеются особенности, которые могут препятствовать положительному решению вопроса. Это и огромное разнообразие языков, и неравномерное социальное и культурное развитие российских территорий, и нежелательность перевода темы языка в политическую плоскость в регионах, где есть конфликтный потенциал. Это, наконец, значительные финансовые затраты, которые последуют за ратификацией.

Хартия ориентирует законодательство и политиков на решение проблем недоминирующих языков как таковых, а не на поддержку этнических общин. Для России, преемницы бывшего СССР — государства, в котором немало было сделано для развития языков, такой подход тем не менее непривычен. До сих пор главенствует представление о том, что объектом государственно-правового регулирования должны быть этнические (в терминах советской эпохи — национальные) сообщества. А язык есть обязательный атрибут таких сообществ («без своего языка нет народа!»).

На современном этапе язык (языки) представляет собой не только средство общения тех или иных групп населения, но и самостоятельную, в известной мере автономную от ее носителей культурную ценность, которая, как и любая ценность, может быть утрачена, хотя при этом речь не идет о физическом вымирании людей или об «исчезновении народа». Переход на другой язык не означает утрату идентичности, то есть сознания принадлежности к тому или иному народу. В качестве скреп самосознания могут быть религия, эмоционально-духовная связь со страной и ее культурой и другие компоненты идентичности. При возвращении А.И. Солженицына из эмиграции его дети-подростки не говорили по-русски, но они не перестали считать себя русскими. Похожие ситуации пережили миллионы российских эмигрантов и их потомков, утративших знание русского языка, но сохранивших чувство связи с исторической родиной.

Проблема автономности культурных ценностей и их утраты без ущерба для социальной жизни людей еще более обострилась в эпоху глобализации. Вместе с тем многие государства уже осознают, что культурные утраты, такие как утрата недоминирующих языков, наносят ущерб наследию живущих и будущих поколений, создают атмосферу неудовлетворенности и деградации. К сожалению,

на эти современные вызовы Россия пока еще не научилась реагировать должным образом. Ее законодательство и правоприменительная практика, как и действия в сфере языковой политики, по-прежнему базируются на концепции «языка этнической группы», «языка национальности» и порождают дебаты о равенстве и дискриминации одних групп относительно других. Между тем следует говорить о различиях в статусе и в уязвимости одних языков по сравнению с другими.

Европейская хартия региональных языков или языков национальных меньшинств, если будет ратифицирована Россией, может стать стимулом для обновления государственной языковой политики. При этом пересмотра потребуют не столько имеющиеся правовые нормы, которые в значительной мере готовы к восприятию и адаптации требований по сохранению и поддержке недоминирующих языков. Должны быть пересмотрены общественные и политические взгляды на суть языковой проблемы. Это окажет позитивное влияние на политическую и научную мысль и улучшит практику государственного управления в языковой и культурной сфере. С точки зрения прежних доктрин «равенства национальностей», любой ратификационный список языков будет дискриминационным, так как он не сможет включить все разнообразие российских языков. Но если следовать духу Хартии, прежде всего следует учитывать положение собственно языка и на этой основе выстраивать приоритеты языковой политики.

Далеко не все благополучно обстоит с языковой политикой в других странах, в том числе ратифицировавших Хартию. Например, ратифицировавшая Хартию Великобритания, в которой функционирует много языков, ограничила свой список тремя языками — валлийским, шотландским гэльским, ирландским. Швейцария назвала только два «подзащитных» языка — романский и итальянский, как «наименее используемые официальные языки». Украина ратифицировала Хартию в 2005 г., спустя девять лет после подписания, в ратификационный список вошло 13 языков. При этом часть бытующих в этой стране языков при значительном количестве носителей осталась вне списка. В частности, языки армянский, цыганский, грузинский, татарский. Не рассматривается в качестве языка и русинский язык.

В России ситуация с разнообразием языков намного сложнее. Очевидно, что из более чем сотни российских языков только два-три десятка могут первоначально войти в ратификационный список. Но и внесение этого количества будет сопряжено со значительной организационной и финансовой нагрузкой из-за большой территориальной разбросанности языков. По мере продвижения языковой политики в России список языков может расширяться. Следовательно, процесс имплементации Хартии в нашей стране

растянется на десятилетия, но это не должно восприниматься как установление приоритета одним национальностям и дискриминация в отношении остального населения.

Чем быстрее федеральная и региональная элита осознает необходимость нового концептуального подхода, тем последовательнее можно реализовать механизмы сохранения и развития языков и тем более терпимым будет само общество. Важно, чтобы гражданские институты приобщались к решению проблем развития языков, а не сосредоточивали свою активность на межэтнической конфронтации, как это было в России в 1990-е годы. В условиях растущего языкового плюрализма, порождаемого масштабной иммиграцией, а также интересом новых поколений к своему культурному наследию, новые подходы к языковой политике улучшат возможности социального управления и будут способствовать воспитанию у граждан России чувства целостности и единства общей родины.

Что же касается современной ситуации в ключевой области языкового образования, то условия преподавания так называемых родных языков в России в значительной степени соответствуют международным стандартам. Задача российского государства — обеспечить в полном соответствии с государственными стандартами изучение русского языка на всей его территории и для всех его граждан. Одновременно государство, его региональные власти и органы местного самоуправления вместе с общественными организациями и частным бизнесом должны поддерживать языковые запросы граждан, особенно в области образования, правосудия, социальных служб, информации.

Федеральная власть и законодательный ресурс этнокультурного развития

Развитие и укрепление правовой системы государства создает предпосылки для укрепления нации как сообщества граждан, осознающих свое единство с государством, выступающим защитником прав человека, в том числе в этнокультурной сфере. Недоверие к государству в лице федеральной власти, напротив, создает предпосылки для дезинтеграции нации, когда более предпочтительными становятся региональные или этнические лояльности. В связи с принятой в России политикой поддержки этнических культур у части экспертов и политиков возникают опасения в том, что это может привести к ущемлению прав представителей каких-то народов, в том числе русских, то есть к известной по опыту стран Запада позитивной дискриминации («дискриминации наоборот»). Поскольку российское общество по причинам сильного распространения ксенофобии и мигрантофобии не готово к политике преференций представителям меньшинств, важно соблюдение равенства и справедливого представительства в вопросах доступа

к власти и к ресурсам граждан независимо от их национальной (этнической) принадлежности. Такой подход требует не только эффективного действия законов, но и практической деятельности органов государственной власти и местного самоуправления, общественных кампаний, чтобы снять такие опасения.

В вопросе утверждения общероссийской идентичности и патриотизма нельзя забывать исторический опыт ассимиляционных процессов и этнически избирательных репрессий, из-за которых идея многоэтнической российской нации может восприниматься как новое издание концепта «советского народа» или как скрытая форма нивелировки этнических культур в пользу доминирующего русского большинства. Одновременно не меньшие усилия требуются и для противодействия этническому национализму шовинистического толка, когда российский проект представляется как препятствие установлению статуса этнических русских в качестве государствообразующей нации, то есть предоставлению особых прав одной этнической общности в ущерб остальным.

В условиях информационной открытости и растущей гражданской активности люди в некоторых полиэтничных странах (где этничности придается особое значение) остаются чувствительными к вопросу о том, кем является по национальности тот или иной администратор или политический лидер. К таким странам относятся и Россия, хотя состав органов законодательной и исполнительной федеральной власти достаточно полно отражает полиэтничный характер российского общества. Учитывая наличие компонента этнического федерализма в форме республик и сложный состав населения большинства других регионов страны, этот вопрос представляется более важным на уровне власти в субъектах Федерации и в органах местного самоуправления.

Предпринимавшиеся до этого попытки законодательно ввести квотное представительство не принесли позитивных результатов, за исключением некоторых районов Севера и Северного Кавказа (Дагестан). Этнические квоты как принцип формирования власти в полиэтничных обществах не были приняты и в Европе. Они не дали позитивных результатов и в тех странах, где использовались (например, в Пакистане и Ливане). Для России представляется более эффективным создание органов общественного территориального самоуправления или общественных советов при органах власти, в полномочия которых будут входить в том числе вопросы этнокультурного развития и состав которых будет формироваться с учетом этнического состава населения региона.

Развитие разных форм автономии, в том числе этнотерриториальной, при всех ее плюсах и минусах создает возможность ощущать правовую обеспеченность групповой целостности и воспроизводства этнической культуры. Законо-

дательные собрания и исполнительные органы власти полиэтничных регионов обычно являются более чувствительными к этнокультурным запросам населения. Деятельность органов власти субъектов Федерации показывает, что именно в этнокультурной сфере их полномочия и проекты могут быть более эффективными, нежели федеральные.

Поскольку этнокультурные интересы населения в значительной степени касаются их повседневной жизни, одним из инструментов их регулирования является взаимодействие органов власти с этническими общественными организациями. В этом вопросе государственная правовая система России предлагает разные пути, как через общее законодательство о культуре и языке, так и через целевую поддержку культур всех национальностей — от доминирующей русской до культур малочисленных народов.

Задачи законодательного регулирования этнокультурного развития заключаются в создании гарантий для равноправного развития культур всех народов России, защите прав гражданина на удовлетворение его языковых и культурных потребностей. Для некоторых народов этнокультурное развитие тесно связано с доступом к ресурсам, с экологическими проблемами, с сохранением уникальных систем традиционного жизнеобеспечения, как, например, северное оленеводство. В этом случае культурная и этническая идентичности обретают экономические и общественно-политические параметры, а в ряде случаев — трансгосударственный характер. Нынешний аборигенный житель российского Севера может быть связан с собственной этнической группой, с местным или региональным сообществом, с государством и, наконец, с наднациональными образованиями типа Арктического совета и международных циркумполярных общественно-политических объединений для коренных малочисленных народов Севера. Такое положение характерно для современного развития аборигенных народов во всем мире, и Россия не является исключением. Более того, у России имеется большой позитивный опыт политики в отношении аборигенных малочисленных народов, которым она может поделиться.

В Российской Федерации помимо Конституции есть целый ряд федеральных законов, которые обеспечивают правовые гарантии этнокультурного развития и самоопределения в рамках общедемократических норм и гражданских прав. Обратим внимание на некоторые положения законодательства о культуре. Так, согласно статье 1 Федерального закона «Основы законодательства Российской Федерации о культуре», одной из задач данного законодательства является «создание правовых гарантий для свободной культурной деятельности объединений граждан, народов и иных этнических общностей Российской Федерации». Более подробно этот вопрос раскрывается в статье 6:

«Российская Федерация признает равное достоинство культур, равные права и свободы в области культуры всех проживающих в ней народов и иных этнических общностей, способствует созданию равных условий для сохранения и развития этих культур, обеспечивает и укрепляет целостность российской культуры посредством законодательного регулирования федеральной государственной культурной политики и федеральных государственных программ сохранения и развития культуры».

Специальные статьи посвящены правам и свободам народов и иных этнических общностей в области культуры. Среди этих прав отметим следующие:

«Право на сохранение и развитие своей культурно-национальной самобытности, защиту, восстановление и сохранение исконной культурно-исторической среды обитания». При этом отмечается, что политика в области сохранения, создания и распространения культурных ценностей коренных национальностей, давших наименования национально-государственным образованиям, не должна наносить ущерб культурам других народов и иных этнических общностей, проживающих на данных территориях.

«Право на культурно-национальную автономию всем этническим общностям, компактно проживающим вне своих национально-государственных образований или не имеющим своей государственности». Здесь, к сожалению, повторяется уязвимый советский концепт «своей» и «не своей» государственности, якобы существующей в рамках одного согражданства, и этот концепт, конечно, требует устранения как из правовой мысли, так и из текстов законов. Тем не менее важно, что культурно-национальная автономия означает право представителей этнических общностей на свободную реализацию своей культурной самобытности посредством создания культурных центров, обществ и землячеств. Этнокультурные центры, общества и землячества имеют право представлять в органы государственной власти и управления предложения о сохранении и развитии этнической культуры, проводить фестивали, выставки и другие аналогичные мероприятия, содействовать охране исторических и культурных памятников, созданию этнографических и иных музеев. Они могут создавать клубы, студии и коллективы искусства, организовывать библиотеки, кружки и студии по изучению этнического языка.

В 1996 году был принят Федеральный закон «О национально-культурной автономии». Согласно статье 1 этого закона, «национально-культурная автономия в Российской Федерации (далее — национально-культурная автономия) — это форма национально-культурного самоопределения, представляющая собой объединение граждан Российской Федерации, относящих себя к определенной этнической общности, находящейся в ситуации

национального меньшинства на соответствующей территории, на основе их добровольной самоорганизации в целях самостоятельного решения вопросов сохранения самобытности, развития языка, образования, национальной культуры». В законе были сформулированы права НКА, которые включали право получать поддержку со стороны органов государственной власти, необходимую для «сохранения национальной самобытности, развития национального (родного) языка и национальной культуры». К сожалению, позднее обязательство по государственной поддержке НКА было устранено из текста закона. За пятнадцать лет деятельности НКА в стране было создано и действуют более 400 автономий разного уровня, в том числе 16 федеральных НКА. В России накоплен определенный опыт, который позволяет оценить положительно введение экстерриториальной формы внутреннего самоопределения наряду (а не вместо) с формой этнотерриториального самоопределения в форме республик и автономных округов. Этот опыт вполне соответствует опыту демократического устройства полиэтничных государств, который апробирован в других странах. Анализируя этот опыт, мы приходим к выводу, что самой полной и эффективной формой самоопределения в сложных обществах является реализация права культурно-отличительных групп и сообществ на участие как можно в более широком общественно-политическом процессе, то есть не кантонизация, не экстерриториальные этнические курии, не сепаратизм, а действительное участие во всех сторонах жизни государственного сообщества — вот что означает современную и самую демократичную форму самоопределения.

Пока же этнополитика в России во многом носит верхушечный и патерналистский характер. По мнению некоторых специалистов, действующий ныне в России закон о НКА «должен говорить не о контроле государства над этническими организациями, а о взаимодействии с ними и их поощрении к общественно необходимым видам деятельности»¹³. Тем не менее принятием этого закона государство еще раз подчеркнуло протекционистский характер своей культурной политики. Об этом же свидетельствует статья 22 законодательства о культуре: «Российская Федерация гарантирует свой протекционизм (покровительство) в отношении сохранения и восстановления культурно-национальной самобытности малочисленных этнических общностей Российской Федерации посредством исключительных мер защиты и стимулирования, предусмотренных федеральными государственными программами социально-экономического, экологического, национального и культурного развития».

Важнейшую роль в утверждении национального самосознания и в воспитании ответственного гражданина в современных государствах

продолжает играть система образования, хотя роль общей культурно-информационной среды и индивидуального опыта человека все больше возрастает. Современный образовательный стандарт предусматривает духовно-нравственное развитие и воспитание личности молодого человека, осознающего свою принадлежность к гражданской нации и вместе с тем знающего этнические культуры, традиции народов России, прежде всего своего народа и региона¹⁴.

Правовые гарантии такой политики были закреплены в Федеральном законе 1992 года «Об образовании», статья 2 которого среди принципов государственной политики в области образования называет в первую очередь «гуманистический характер образования, приоритет общечеловеческих ценностей, жизни и здоровья человека, свободного развития личности. Воспитание гражданственности, трудолюбия, уважения к правам и свободам человека, любви к окружающей природе, родине, семье... Защита и развитие системой образования национальных культур, региональных культурных традиций и особенностей в условиях многонационального государства». По этому закону граждане Российской Федерации имеют право на получение основного общего образования на родном языке, а также на выбор языка обучения в пределах возможностей, предоставляемых системой образования (статья 6).

На уровне федерального законодательства долгое время эти положения представлялись достаточными. Однако на уровне регионального нормотворчества в области образования возникли серьезные проблемы. В Республике Башкортостан, например, башкирский язык (меньшинства населения) стал обязательным школьным предметом для всех учащихся республики, что явно нарушало свободу выбора. Похожие ситуации предпочтительного статуса местных языков и языков меньшинств возникли и в некоторых других республиках. Через «национально-региональный» компонент преподавались этноцентристские версии истории так называемых титульных наций. Российская молодежь получала недостаточные знания в об-

ласти российской истории и русского языка, что ослабляло ее конкурентные возможности¹⁵.

В конце 2007 и в 2009 году были приняты поправки к закону об образовании, которые сделали региональный компонент образования более подконтрольным федеральной власти, а также расширили возможности самих школ пользоваться вариативностью в выборе программ и предметов. В ответ на озабоченности местных этнических элит было подчеркнуто, что реформа в области образовательных стандартов создает больше возможностей для учета этнокультурных запросов разных групп населения, проживающих в том числе и в республиках.

Несмотря на эти существенные коррективы, остается нерешенной проблема поликультурного воспитания и образования в регионах со смешанным составом населения и в стране в целом. В России, например, до сих пор нет школьных учебников, которые раскрывали бы поликультурную природу русского народа и вклад в историю страны представителей разных национальностей. В стране как бы сталкиваются две крайние точки зрения на прошлое: старая, русскоцентристская, и новая, этнонационалистическая, версии, что вызывает напряженность и нетерпимость между учащимися разных национальностей.

В свое время ряд полиэтнических стран, а также страны Евросоюза произвели ревизию версий национальной истории в пользу более инклюзивных и мультикультурных образцов, а также в пользу демонтажа образов врага в лице других народов и государств. Проблема канона (стандарта) в области исторического образования стала частью глобальной повестки международного интеллектуального сообщества¹⁶. Россия в настоящее время также предпринимает шаги по созданию более объективных и менее конфликтных версий прошлого, в том числе это делается на уровне двусторонних комиссий историков со странами бывшего СССР, Финляндией, Германией и Польшей. Это есть часть демократизации интеллектуального и образовательного пространства России и некоторых других стран.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Тишков В.А. Теория и практика многокультурности // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / под ред. В.С. Малахова и В.А. Тишкова. М., 2002.

² Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру / пер. с англ.; под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2003.

³ Толерантность и культурная традиция / отв. ред. М.Ю. Мартынова. М.: Изд-во РУДН, 2002; Идентичность и толерантность / отв. ред. Н.М. Лебедева. М.: Изд-во РУДН, 2002; Мартынова М.Ю. Мир традиций и

межкультурного общения: в помощь школьному учителю. М.: Изд-во РУДН, 2004; Межкультурный диалог: лекции по проблемам межэтнического и межконфессионального взаимодействия / под ред. М.Ю. Мартыновой, В.А. Тишкова, Н.М. Лебедевой. М.: Изд-во РУДН, 2003; Лебедева Н.М., Лунева О.В., Стефаненко Т.Г., Мартынова М.Ю. Межкультурный диалог. Тренинг этнокультурной компетентности. М.: Изд-во РУДН, 2003; Мартынова М.Ю., Лопуленко Н.А. В мире жить — с миром жить. Дружба и взаимопонимание в фольклоре народов России: пособие для учителей. М.: Изд-во РУДН, 2002.

⁴ Молодежь Москвы: адаптация к многокультурности / под ред. М.Ю. Мартыновой и Н.М. Лебедевой. М.: РУДН, 2007; Молодые москвичи. Кросскультурное исследование / под ред. М.Ю. Мартыновой, Н.М. Лебедевой. М.: РУДН, 2008; Остапенко Л.В., Субботина И.А. Москва многонациональная. Старожилы и мигранты: вместе или рядом? М.: РУДН; Молодежные субкультуры Москвы / сост. Д.В. Громов; отв. ред. М.Ю. Мартынова. М.: ИЭА РАН, 2009.

⁵ См.: О толерантности и противодействию экстремизму в российском обществе (рекомендации Общественной палаты Российской Федерации). М.: 2006; Единство и многообразие России: материалы Комиссии Общественной палаты Российской Федерации по вопросам толерантности и свободы совести / под ред. В.А. Тишкова. М.: 2007; За гражданское согласие — против нетерпимости и экстремизма (по материалам форума 22 апреля 2009 года) / под ред. Н.К. Сванидзе и В.А. Тишкова. М., 2009.

⁶ Об этом см.: Шнирельман В.А. Порог толерантности: Идеология и практика нового расизма. В 2-х т. М.: Новое литературное обозрение, 2011.

⁷ См. анализ критиков российского проекта: Тишков В.А. Российский народ: книга для учителя. М.: Просвещение, 2010.

⁸ См.: Филиппов В.Р. Советская теория этноса: историографический очерк. М.: Ин-т Африки РАН, 2010.

⁹ Тишков В.А. Что есть Россия? (Перспективы национализма) // Вопросы философии. 1995. №2.

¹⁰ Попов Г.Х. Обойдемся без «священной коровы» // Московский комсомолец. 10.06.2011. С. 6.

¹¹ Нитобург Э.Л. Негры США. XVII — начало XX в. Историко-этнографический очерк. М.: Наука, 1979.

¹² Филиппова Е.И. Территории идентичности в современной Франции. М., 2010.

¹³ Степанов В.В. Научная экспертиза и законодательство о национально-культурном развитии в России // Этнология общества. Прикладные исследования в этнологии. М., 2006. С. 79–108.

¹⁴ Данилюк А.Я., Кондаков А.М., Тишков В.А. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России // Народное образование. М., 2010. №1. С. 39–46.

¹⁵ Анализ ситуации в регионах см.: Этнокультурное образование. Методы социальной ориентации российской школы / под ред. В.В. Степанова. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2010.

¹⁶ Тишков В.А. Новая историческая культура. М., 2011.

В БИБЛИОТЕКУ ИСТОРИКА, ЭТНОЛОГА, ПОЛИТОЛОГА

ВАЛЕРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ТИШКОВ

сост. Г.М. Тихомирова, Н.М. Ансерова; авт. вступ. ст. Т.Б. Уварова, Е.Н. Викторова. М.: Наука, 2011. — 154 с. — (Материалы к библиографии ученых: история; вып. 35).

Выпуск посвящен известному российскому ученому академику В.А. Тишкову, автору фундаментальных и прикладных работ в области истории и этнологии, в том числе по методологии национального вопроса в СССР и в России, российской идентичности, теории этничности и национализма, канадоведению и индеанистике. Содержит описание жизненного и творческого пути ученого, литературу о нем и его трудах, хронологический указатель трудов.

Для специалистов и всех интересующихся историей науки.

М.Ю. Мартынова*

ЧТО ТАКОЕ МОДЕЛЬ ТРИЕСТА. ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Триест — регион, который является хрестоматийным и некоторым образом даже нарицательным для историков и политиков, занимающихся проблемой границ и меньшинств. При решении проблемы спорных территорий нередко вспоминают о так называемой «модели Триеста». В 40–50-е годы прошлого века одним из наиболее острых вопросов международной политики являлся, как известно, вопрос о государственной принадлежности Юлийской Крайны, или Венеции-Джулии. Ее судьба решалась в несколько этапов. При этом в принятии решения значительную роль играл СССР. Тогда в ходе выработки позиций сторон было проведено немало научных исследований, изучался, в том числе, и этнический состав населения. Видный этнограф С.А. Токарев был членом комиссии по определению границ, проводилась этнологическая экспертиза, вышло множество научных трудов о составе населения и его традициях. Это был тот случай, когда знания этнографов оказались востребованными не только на государственном, но и на международном уровнях.

И в наши дни пример Триеста, то, как решалась проблема определения государственных границ в историческом прошлом, привлекает к себе внимание политиков. В частности, ища способы решения спорного вопроса о Нагорном Карабахе, вспоминают о том, как определялся политический статус Триеста. В частности, еще в самом начале конфликта армянская сторона предлагала взять за образец для решения проблемы Нагорного Карабаха модель Триеста. В конце ноября 2011 г. об этом предложении вспомнили вновь. В частности, на сайте «Analitika.az» было опубликовано интервью с министром иностранных дел Азербайджана Э. Мамедъяровым, который отметил, что в вопросе экономической автономии азербайджанская сторона не исключает применения модели Триеста, который когда-то обладал широкой автономией. Далее в материале следовала справка о том, что такое модель Триеста.

Вехи истории Триеста

Триест находился на протяжении истории на перекрестке культур и религий. Выгодное гео-

графическое положение на берегу Адриатического моря делало это поселение лакомым куском для многих государств. Сегодня Триест — административный центр северо-восточной области Италии Фриули — Венеция-Джулия и одноименной провинции Триест. Но в течение долгого времени этот крупный портовый город входил в состав Австро-Венгерской империи, и в нем до сих пор чувствуется влияние бывшей метрополии. Словенская граница проходит в нескольких километрах, обгибая Триест с севера и востока. Словенская речь тоже слышна на улицах города.

Область Фриули — Венеция-Джулия, в которой расположен Триест, фактически состоит из двух частей, из двух исторических регионов — Фриули, которая составляет 90% территории, и Венеция-Джулия, которая включает главный город области — Триест. Фриули — Венеция-Джулия подразделяется на провинции Гориция, Порденоне, Триест и Удине.

Происхождение топонима «Фриули» объяснить несложно — это территория вокруг древнеримского города Форум Юлии (Forum Iulii), который в средневековье стал называться Фриули (или Чивидале-дель-Фриули). Что касается Венеции-Джулии, ситуация несколько сложнее. Следует заметить, город Венеция не входит в состав Венеции-Джулии, а располагается в центре региона Венето. Сам термин Венеция-Джулия появился в 1863 году. Тогда город Венеция и прилегающие к нему земли принадлежали Австрийской империи. Было предложено поделить Венето на три части: во-первых, это евганейское Венето, то есть собственно область вокруг города Венеции (с Фриули); во-вторых, тридентинское Венето, это современный регион Трентино; и в-третьих, Венецию-Джулию — юлийское Венето, территорию, естественным пределом которой являются Юлийские Альпы (отсюда название).

Однако у хорватов и словенцев есть своё название для Венеции-Джулии, а именно — Юлийская Крайна. Более того, в наши дни подавляющая часть Венеции-Джулии (или Юлийской Крайны) входит как раз в состав Словении и Хорватии, а в Италии остаётся только маленькая её

* Мартынова М.Ю. — д.и.н., профессор, зам. директора Института этнологии и антропологии РАН

часть — это город Триест. Таким образом, имея в виду регион Фриули — Венеция-Джулия, необходимо понимать, что Фриули — это большая часть региона: провинции Порденоне и Удине; а Венеция-Джулия — это провинции Гориция и Триест, небольшая полоса земли на берегу Адриатического моря. Географические очертания региона сильно напоминают клубок и отделившийся от него длинный конец нити.

На протяжении истории город Триест менял свой протекторат. 2000 лет назад им почти тысячу лет правили римляне. История города восходит ко II веку до н.э., когда римлянами была основана колония Тригесте. (Древнеримское название, Тергесте, происходит от двух слов языка древних венетов, предков славян с северного побережья Адриатического моря, и означает «город-рынок», или «торговый город»). В 539 г. город вошел в состав Восточной Римской империи. В 1202 году город был захвачен Венецианской республикой, а еще спустя два столетия его жители присягнули Габсбургам.

Триест стал частью империи Габсбургов в 1382 г. и находился в ее подчинении вплоть до конца Первой мировой войны. Хотя на протяжении столетий Триест оставался главным (а подчас и единственным) портом Габсбургской монархии, его развитие шло медленно, ещё в начале XVIII века это был мало чем примечательный городишко с населением в 5,7 тысячи жителей. Карл VI Габсбург, озаботившись устройством морского сообщения с новоприобретёнными владениями на юге Италии, в 1719 году объявил Триест вольным имперским городом. Дарованные императором привилегии положили начало бурному росту Триеста. К 1891 году, когда права вольного города были отозваны, Триест вырос в 27 раз.

Австро-венгерский Триест рубежа XIX–XX веков — один из крупнейших портов Средиземноморья и жемчужина так называемой Австрийской Ривьеры, где проводили зимние месяцы высшие слои венского общества. Итальянское королевство с момента своего образования (1860) считало приобретение Триеста одной из целей своей внешней политики. И вот, по итогам Первой мировой войны в 1920 г. к Италии отошёл не только Триест, но и почти всё Австрийское Приморье, из которого был образован регион Венеция-Джулия. Италия получала Венецию-Джулию целиком, вместе с полуостровом Истрия и островами в Кварнерском заливе, которые позднее отошли к Югославии. Таким образом, Триест и прилегающая к нему область с преимущественно славянским населением (словенцы и хорваты) после Первой мировой войны перешли от Австро-Венгрии к Италии.

С началом Второй мировой войны и вовлечением в нее Югославии в апреле 1941 г. и вплоть до выхода Италии из войны в июле 1943 г. Триест был полем нескольких территориальных переделов между Германией, Италией и Независимым госу-

дарством Хорватия. В 1943 г. Триест оккупирован немецкими войсками.

Первого мая 1945 г. Триест был занят авангардом югославской армии. 43 дня город находился под властью Иосипа Броз Тито (1 мая 1945 — 12 июня 1945). Когда на заключительном этапе Второй мировой войны в Италию были введены германские войска для оказания поддержки свергнутому было Б. Муссолини, город Триест был тоже оккупирован. Но поражение Германии было вопросом времени, и, понимая это, 30 апреля 1945 г., не дожидаясь прихода наступавших на гитлеровцев американско-британских войск, в зону Триеста с юга вошли отряды И.Б. Тито, которые взяли ее под свой контроль. Однако вскоре они были вытеснены оттуда подоспевшими силами американско-британских войск, задачей которых было занятие территорий всей довоенной Италии.

12 июня 1945 г. Триест становится частью американско-британской оккупационной зоны. На завершающем этапе Второй мировой войны будущая югославско-итальянская граница была важным элементом планирования послевоенного устройства Советским Союзом, Великобританией и США, Югославией. Лишь в 1954 г. Триест окончательно присоединился к Италии.

Свободная территория Триест

После Второй мировой войны вопрос о проведении границы между Италией и Югославией был одним из спорных и решался союзниками с привлечением экспертов и созданием Межгосударственной комиссии. В июне 1945 г. по инициативе Лондона, поддержанной Москвой, было подписано компромиссное соглашение о разделе зоны Триеста на две части: зону «А» (город Триест) сохранили за собой американско-британские силы, зону «Б» (сельские и пригородные районы) — силы И.Б. Тито. Окончательное решение вопроса было отложено до подписания мирного договора с Италией. Зоны оккупации ЮНА и прочих союзников были разграничены по так называемой линии Моргана.

Обсуждавшаяся союзниками в связи с выработкой договора с Италией проблема Юлийской Крайны и Триеста вылилась в острейшую дипломатическую схватку за политическое и экономическое присутствие на Балканах, особенно в их западной части. И СССР, и западные страны проявили неуступчивость. Попытка обсудить территориальную проблему Истрии-Триеста выявило несовместимые подходы и ожидания всех вовлеченных сторон. В Потсдаме был создан рабочий орган для подготовки послевоенного мирного урегулирования и решения территориальных проблем. В ходе напряженной полугодовой работы в формате напряженной заместителей министров иностранных дел советская делегация отстаивала присоединение к Югославии Истрии и Триеста, допуская, в крайнем случае, его интернациона-

лизацию. Наиболее остро обсуждалась проблема определения этнической границы. Однако созданная на совещании Межсоюзная комиссия экспертов по итало-югославской границе не смогла прийти к соглашению. Поэтому вместо одной согласованной линии границы были представлены четыре. Наиболее близка к советской была французская линия, которая, однако, воспринималась Белградом как совершенно неприемлемая.

В итоге на II (Парижской) сессии Совета министров иностранных дел (15 июня — 12 июля 1946 г.) было принято решение об образовании Свободной территории Триест, согласован проект статута Свободной территории Триест, в который вошли основные положения советской делегации; принята французская линия в качестве основы будущей итало-югославской границы.

После создания Свободной территории Триест одновременно с Мирным договором с Италией был принят «Постоянный статут свободной территории Триест» и другие документы. Согласно этим документам целостность и независимость СТТ должны были обеспечиваться Советом Безопасности Объединенных Наций; Итальянский суверенитет над районом, составлявшим Свободную территорию Триест, прекращался по вступлении в силу настоящего Договора. По прекращении итальянского суверенитета Свободная территория Триест должна была управляться в соответствии с Положением о временном режиме, составленным Советом министров иностранных дел и утвержденным Советом безопасности; Италия и Югославия обязывались предоставить Свободной территории Триест гарантии.

Конституция Свободной территории обеспечивала всем лицам, находящимся под юрисдикцией Свободной территории, без различия этнического происхождения, пола, языка или религии, пользование основными правами человека и основными свободами, включая свободу религиозного культа, языка, слова и изданий, образования, собраний и союзов. Гражданам Свободной территории будут обеспечены равные условия занятия государственных должностей.

Постоянный статут Свободной территории Триест оговаривал многие вопросы ее жизнедеятельности. В ст. 6 «Гражданство» говорилось, что:

- 1. Итальянские граждане, домицилированные к 10 июня 1940 года в пределах границ Свободной территории, и их дети, родившиеся после этой даты, станут коренными гражданами Свободной территории с полными гражданскими и политическими правами. По приобретении гражданства Свободной территории они потеряют итальянское гражданство.

- 2. Правительство Свободной территории обеспечит, однако, чтобы лица, упомянутые в пункте 1, старше 18 лет (или состоящие в браке лица, достигшие или не достигшие этого возраста) и обиходным языком которых является

итальянский, имели право оптировать итальянское гражданство в течение шести месяцев после вступления в силу Конституции на условиях, которые будут предусмотрены этой Конституцией. Любое лицо, оптирующее таким образом, будет считаться приобретшим вновь итальянское гражданство. Оптация мужа не влечет за собой оптации со стороны жены. Оптация со стороны отца или, если отца нет в живых, со стороны матери будет, однако, автоматически включать всех не состоящих в браке детей моложе 18 лет.

- 3. Свободная территория может потребовать, чтобы те, кто воспользовались правом оптации, переселились в Италию в течение года со дня совершения оптации...

Статья 7 «Официальные языки» устанавливала, что «официальными языками Свободной территории будут итальянский и словенский. Конституция предусматривает условия использования хорватского языка как третьего официального языка».

С 1945 по 1954 годы Триест считался самостоятельным государством под англо-американским мандатом, в каждой зоне ходила собственная валюта и формировалась собственная администрация. В этот период статус региона оставался предметом международных консультаций, причем в международных документах его название отныне писалось на югославский манер — Юлийская Крайна (Julijska Krajina). Основной накал борьбы, в том числе и по вопросу границ Свободной территории Триест, был еще впереди — на этапе подписания мирного договора с Италией (10 февраля 1947 г.) и в ходе попыток ревизии его территориальных статей.

Триест в составе Италии

Наконец, в 1954 году был заключён Лондонский меморандум, по которому зона А передавалась Италии, а зона В — Югославии (войдя в состав Словении и Хорватии). Тогда и сформировался искусственно созданный регион Фриули — Венеция-Джулия, в котором от Венеции-Джулии остались, собственно, часть Гориции и Триест. В 1963 году правительство предоставило региону автономный статус. Отныне фриульский язык официально признан как язык национального меньшинства.

Окончательно же югославо-итальянская граница была подтверждена лишь в ноябре 1975 года. Италия и Югославия заключили договор, согласно которому сложившиеся границы получили окончательное признание. В 1991 году Словения и Хорватия отделились от Югославии, и теперь Венеция-Джулия / Юлийская Крайна находится в составе трёх государств. В настоящее время этнический состав этого края разнороден, и как на территории славянских стран проживает итало-язычное меньшинство, так и на северо-восточном приграничье Италии можно встретить славян.

Однако отголоски долгого конфликта звучат и сегодня. Отношения Словении и Хорватии, наслед-

ников югославской части Свободной территории Триест, омрачены территориальными претензиями по линии сухопутной и морской границы, в решение которых втянуты структуры ЕС.

Особым сюжетом проблема Триеста выступала в советско-югославском конфликте. Урегулирование проблемы Триеста путем раздела Свободной территории Триест между Италией и Югославией произошло уже без участия СССР в октябре 1954 г.

Принятые еще на Лондонской сессии Совета министров иностранных дел подходы к решению территориальных споров отводили главное место этнической аргументации, историческая аргументация занимала подчиненное место по сравнению с этнической. Однако, несмотря на это, в советской группе экспертов шла разработка и исторических аргументов принадлежности югославам Юлийской Краины и Триеста. Важно отметить также то, что экономически Триест был связан с Югославией и ближайшими дунайскими странами сильнее, чем с Италией.

Население Триеста и его традиции

Триест является самым большим по численности населения городом автономной области Фриули — Венеция-Джулия. Из 1,23 млн жителей области в Триесте проживает 205 тыс. чел.

Триест — это древний город на стыке славянской, латинской и германской культур. Он имеет три лица — столько же, сколько культур приложилось к созданию облика города. Во-первых, это итальянский город. Во-вторых, это один из важнейших австрийских городов, более 600 лет находившийся под властью Австрийской империи. В-третьих, географически расположенный ближе к Словении, чем к Италии, Триест веками испытывал на себе словенское влияние.

Симбиоз культур проявляется в Триесте по-разному. Например, Триестинская гастрономия резко отличается от итальянской. В кухне Триеста проявляется влияние немецкой, славянской, венгерской, греческой кухонь. В городе популярен славянский суп йота (с фасолью и квашеной капустой). Сладости в Триесте — преимущественно продукты венгерской (добос, ригоянчи) и австрийской (торты захер, штрудели, крапфен) кухонь. Любят здесь готовить нёки — клецки со сливами, клецки с маком. Популярны пудинги, муссы, запеканки, чего нет в других регионах Италии.

В разные периоды истории в зависимости от того, под чьей юрисдикцией находилась территория, превалировал тот или иной культурный компонент. По австрийской переписи населения 1846 г. в Триесте проживало 43 940 итальянцев, 25 тыс. словенцев, 8 тыс. немцев. В 1910 г. австрийская статистика засвидетельствовала, что в Триесте с округой проживало 51,7% итальянцев, 25% словенцев (с хорватами 26%), 22,3% немцев. Энциклопедия, изданная в Загребе, приводит данные о том, что на тот момент, согласно ав-

стрийской статистике, в Триесте проживало 56 916 словенцев, а население Любляны составляло 46 630 жителей, т.е. абсолютная численность словенцев в Триесте превышала численность населения столицы Словении. Национальность определялась по разговорному языку, поэтому данные переписи не всегда точны и оспариваются заинтересованными сторонами.

В 1922 году, когда к власти в Италии пришли фашисты во главе с Муссолини, началась политика итальянизации Венеции-Джулии. Сюда переселялись сотни тысяч итальянских колонистов, в свою очередь, многим славянам пришлось эмигрировать в Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев (Югославию). В послевоенный период в Италии шла итальянизация населения, а из югославского сектора Венеции-Джулии начался массовый отток итальянцев.

Когда в 1946 г. работала международная комиссия по определению итальяно-югославской границы, тщательно исследовались районы со смешанным населением, т.к. международным сообществом было решено, что именно этнический принцип будет определяющим при проведении границы. Работа комиссии состояла в посещении отдельных участков пограничной полосы, в интервью и беседах с представителями населения и местных организаций. Данные статистики корректировались. Комиссия выяснила, что доля словенцев и хорватов составляла в Триесте 20–25%, поэтому она пришла к мнению, что этническую линию придется проводить таким образом, чтобы сам Триест оставить к западу от линии границы (то есть в Италии), а все ближайшие села — к востоку (то есть в Югославии). Тогда было констатировано, что этнический принцип играл против югославов лишь в приморских городах. Поскольку советские эксперты стояли на стороне интересов Югославии, они активно использовали аргумент этнического принципа. Так, зам. министра иностранных дел СССР Ф.Т. Гусев предложил передать Югославии район Тарвизио, так как в нем «совсем нет итальянцев, а то обстоятельство, что в нем большинство немцев, не имеет значения, так как речь идет не о немцах, а о итальянцах и словенцах».

Как следует из материалов работы комиссии, в Триесте главной трудностью оказалось выяснение этнического состава населения. Старые переписи преуменьшали число славянского населения, так как учитывали не национальность, а «разговорный язык» — для многих славян таковым был итальянский. Поэтому, по данным переписей, доля славян в Триесте составляла от 8 до 27%, тогда как в действительности их, как считают эксперты, было не менее 40% в самом городе, пригороды же и окрестности были полностью славянскими. Однако доказать это точными цифровыми данными было весьма трудно.

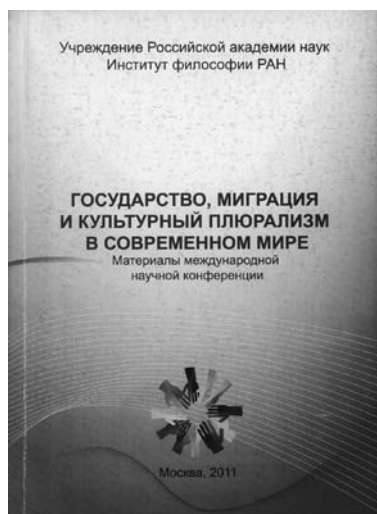
На сегодняшний день привести достоверные данные об этническом составе населения Триеста не представляется возможным, т.к. такая статистика отсутствует. Все граждане Италии — итальянцы. Но очевидно, что в городе Триест в настоящее время живут рядом с итальяноязычным населением представители многих этнических групп, включая исторически проживавших здесь словенцев, хорватов, сербов, греков и немцев, а также новые группы, среди которых заметен арабский, румынский, албанский, китайский компоненты, есть выходцы из Африки и Южной Америки.

Численность немецко-говорящих жителей, которых до Первой мировой войны было более 20%, со временем резко упала. Тем не менее, следы австрийского присутствия остались до сих пор. Словенское население, присутствующее в городе со времени средневековья, и достигавшее к Пер-

вой мировой войне 25% населения города, также сократилось. Но, несмотря на итальянизацию региона, до сих пор на территории муниципалитета Триеста, граничащего со Словенией, живут люди — носители словенского языка и культуры. Словенская языковая группа особо защищена законодательством Итальянской республики, что позволяет ей иметь свою собственную систему школьного обучения, свои культурные и спортивные организации и политические движения. Словенцы, по оценкам 1971 года, составляли около 5,7% населения города.

По состоянию на 31 декабря 2010 года, в Триесте проживает 18 257 иностранных граждан. Их численность по странам происхождения: Сербия — 7423, Румыния — 1986, Хорватия — 1398, Китай — 1451, Албания — 943, Босния и Герцеговина — 622, Украина — 484, Косово — 392, Молдова — 247, Словения — 245.

В БИБЛИОТЕКУ ИСТОРИКА, ЭТНОЛОГА, ПОЛИТОЛОГА

ГОСУДАРСТВО, МИГРАЦИЯ И КУЛЬТУРНЫЙ ПЛЮРАЛИЗМ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Материалы международной научной конференции / общ. ред. В.С. Малахова, В.А. Тишкова, А.Ф. Яковлева. — М.: Издательство «ИКАР», 2011. — 266 с.: илл.

В книге собраны тексты докладов, сделанных в рамках Международной научной конференции, которая прошла в сентябре 2009 г. при поддержке Фонда им. Фридриха Эберта (Friedrich Ebert Stiftung) в Москве. Кроме того, в сборник вошло несколько статей, предоставленных авторами, не принимавшими участия в конференции.

XVII МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЕМИНАР ЭТНОЛОГИЧЕСКОГО МОНИТОРИНГА

(Италия, г.Триест, ноябрь 2011 г.)

Открытие семинара. В.А. Тишков, академик РАН, руководитель Сети

Эксперты Сети этнологического мониторинга в зале заседаний

Эксперт доктор Л. Кальмина (Республика Бурятия)

Выступает профессор Соня Новак Луканович (Словения)

Эксперт из Саратова профессор О.А. Лиценбергер

Выступления ученых из Словении и Италии

Эксперты д.и.н. Е.И. Филиппова (г. Москва) и профессор М.А. Аствацатурова (г. Пятигорск)

Всероссийская научно-практическая конференция

«ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ В УРАЛО-ПОВОЛЖСКОМ ПОЛИЭТНИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И СОВРЕМЕННОСТЬ»

(г. Оренбург, 16 декабря 2011 г.)

ФОТОХРОНИКА · ФОТОХРОНИКА · ФОТОХРОНИКА · ФОТОХРОНИКА

Международный «круглый стол»

«ЕВРОПЕЙСКИЙ КРИЗИС ИДЕЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ И ПУТИ ВЫХОДА ИЗ НЕГО»

(В рамках международного кинофестиваля «Восток — Запад»)

(г.Оренбург, 25 октября 2011 г.)

Ученые города Оренбурга с легендой советских киноэкранов Гойко Митичем

На фото слева направо: Гойко Митич (Германия), модератор профессор В.В. Амелин (Оренбург), президент международного кинофестиваля «Восток-Запад», генеральный директор ООО «Росфильм» Т.В. Воронцовская

Международная научно-практическая конференция

«НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И ДЕПОРТАЦИЯ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ: ВЗГЛЯДЫ И ОЦЕНКИ ЧЕРЕЗ 70 ЛЕТ»

(г. Саратов, 25–29 августа 2011 г.)

Открытие памятника жертвам репрессий в СССР

Участники конференции на пленарном заседании

Регистрация участников конференции

Научный семинар

«ПРЕОДОЛЕНИЕ СТЕРЕОТИПОВ КАК УСЛОВИЕ МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНОГО ДИАЛОГА»

(г. Оренбург, ОГУ, 27 октября 2011 г.)

Открытие научного семинара. На фото в центре проректор по научной работе ОГУ профессор Летута С.Н.

Доклад
к.и.н. Денисова Д.Н.

Доклад профессора
Ефименко М.Н.

На пленарном заседании

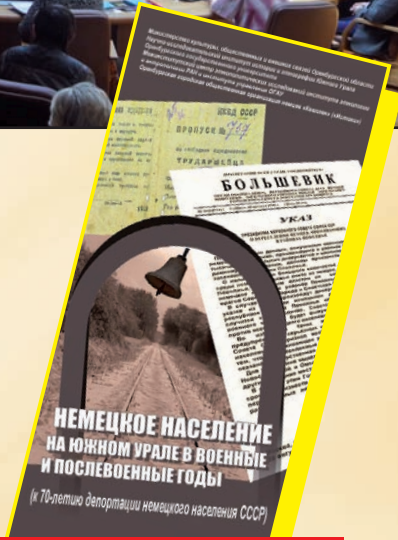
Доклад Николаева О.В.

ФОТОХРОНИКА • ФОТОХРОНИКА • ФОТОХРОНИКА • ФОТОХРОНИКА

Межрегиональная научно-практическая конференция
«НЕМЕЦКОЕ НАСЕЛЕНИЕ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ В ВОЕННЫЕ И ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ»
(К 70-летию депортации немецкого населения СССР)
(г.Оренбург, 29 апреля 2011 г.)

ФОТОХРОНИКА • ФОТОХРОНИКА • ФОТОХРОНИКА • ФОТОХРОНИКА

Международная научно-богословская конференция

«ИСЛАМСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ. ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ»

(г. Оренбург, 5 октября 2011 г.)

Выступление верховного муфтия Духовного Управления мусульман России Талгата Таджуддина

Пленарное заседание

В перерыве за «круглым столом». Руководители муфтиятов регионов

Международный конгресс

«20 ЛЕТ СПУСТЯ (1991–2011 ГГ.): РЕОРГАНИЗАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА И ИДЕНТИЧНОСТИ»

(г. Москва, 23 сентября — 1 октября 2011 г.)

Пленарное заседание в Российской академии наук

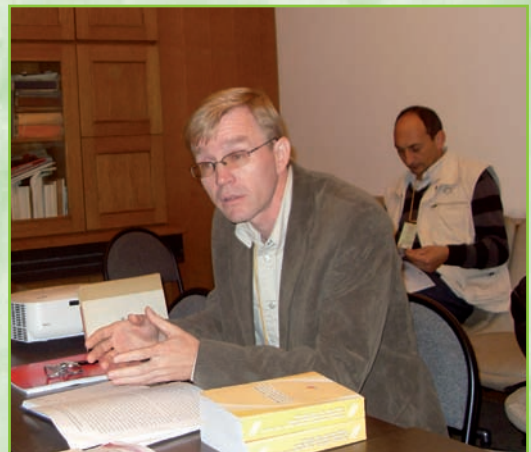
В президиуме конференции ученые из России, Канады, Китая, США, Франции

Идет пленарное заседание

Работа в секциях конференции

ФОТОХРОНИКА • ФОТОХРОНИКА • ФОТОХРОНИКА • ФОТОХРОНИКА

Доклад профессора С. Деветака
(г. Марибор, Словения)

Идет заседание очередной сессии

Выступает
эксперт из
Республики
Казахстан
Игорь Савин

Участники Сети из Казани, Риги, Москвы,
Оренбурга, Чебоксар, Нальчика, Уфы, Хабаровска,
Самары и Сыктывкара

Участники международного семинара
(слева направо): профессор Сильво Деветак
(г. Марибор, Словения), профессор Веналий
Амелин (г. Оренбург, Россия), академик РАН
Валерий Тишков (г. Москва), доктор наук
Элизабетта Бенедетти (г. Триест, Италия)

Эксперт
из Республики
Киргизстан
профессор
Л.Л. Хоперская

А к а д е м и к   Р А Н

Валерий ТИШКОВ

в Оренбурге. 2009 год